

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2022 Том 9 № 2

Изучаем почерк писателя: На каком этапе находится каталог начертаний скорописи Достоевского? Зачем изучать каллиграфию Достоевского? **Биография автора:** Почему Некрасов не завершил повесть о Достоевском? **Уроки текстологии:** Как узнать автора в анонимном тексте? Писал ли Достоевский рецензии для «Гражданина»? **Тезаурус писателя:** Каким образом политические идеи Платона и Аристотеля укрепляли православные и монархические убеждения, а также демократизм Достоевского? В каких категориях проявлен евангельский текст Достоевского? Экранизация «Белых ночей» в Иране — зачем нужен «тройной» перевод? **Памяти ученого и учителя**

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2022

Vol. 9

No. 2

Studying the writer's handwriting: At what stage is the catalog of Dostoevsky's cursive handwriting? Why study Dostoevsky's calligraphy? **The author's biography:** Why didn't Nekrasov complete the story about Dostoevsky? Textual criticism lessons: How is it possible to reveal the author of an anonymous text? Did Dostoevsky write reviews for "Grazhdanin"? **The writer's thesaurus:** How did the political ideas of Plato and Aristotle strengthen Dostoevsky's Orthodox and monarchical beliefs and his democratic views? In what categories is Dostoevsky's gospel text manifested? The film adaptation of "White Nights" in Iran — why do we need a "triple" translation? **In memory of the scientist and teacher**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2022

Том 9 № 2

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.

Девятый год издания

Выходит ежеквартально

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ

Индексируется в Web of Science (ESCI), Scopus, Erih Plus, EBSCOhost

и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров —

доктор филологических наук, профессор

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

2022

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2022

Vol. 9 No. 2

The journal aims to open new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky. It publishes original biographical and textual research findings and unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013

The journal is published quarterly

Indexed in Web of Science (ESCI), Scopus, Erih Plus, EBSCOhost
and others

All the submitted articles are reviewed

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov

Doctor of Philology, Professor

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2022

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Петрозаводск, Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Хорст-Юрген Геригк (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Российская Федерация) — доктор исторических наук

Александр Васильевич Подосинов (Москва, Российская Федерация) — доктор исторических наук, профессор

Александр Васильевич Антощенко (Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Кэрол Аполлонио (Дарем, США) — PhD, профессор

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Alexander V. Podosinov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences, Professor

Alexander V. Antoshchenko (Petrozavodsk, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences, Professor

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

Н. А. Тарасова

«Принципы создания электронного каталога графики на материале
рукописей Ф. М. Достоевского 5

Б. Н. Тихомиров

Каллиграфические элементы в почерке Достоевского
как текстологическая проблема 37

Д. А. Июдин

«Достоевский как прототип незавершенной повести Некрасова
«В тот же день часов в одиннадцать утра...» 58

Д. Д. Бучнева

Кризис библиографического отдела: писал ли Достоевский рецензии
для «Гражданина»? 86

А. А. Скоропадская

«Тем не менее дим идет»: выписки из статьи М. Куторги
в рукописях Ф. М. Достоевского 100

В. В. Борисова, С. С. Шаулов

Терминологический тезаурус евангельского текста Ф. М. Достоевского 117

Х. Сиями Эйдлак, З. Расули

Ф. М. Достоевский в Иране: «тройной» перевод 137

«Я один из многих учителей русской литературы»: памяти
Роберта Луиса Джексона (1923–2022)..... 149

CONTENTS

N. A. Tarasova

Principles of Creating an Electronic Catalog of Graphics Based
on the Manuscripts of F. M. Dostoevsky 5

B. N. Tikhomirov

Calligraphic Elements in Dostoevsky's Handwriting
as a Textological Problem. 37

D. A. Iyudin

Dostoevsky as a Character Prototype in Nekrasov's Unfinished Story
"On the Same Day at Eleven o'Clock in the Morning.." 58

D. D. Buchneva

The Crisis of the Bibliographic Department: Did Dostoevsky Write
Reviews for "Grazhdanin" ("The Citizen") 86

A. A. Skoropadskaya

"Nevertheless, "Dim" Is Coming": Extracts from an Article by M. Kutorga
in F. M. Dostoevsky's Manuscripts 100

V. V. Borisova, S. S. Shaulov

Terminological Thesaurus of the Gospel Text by F. M. Dostoevsky 117

Kh. Siyami Eidlak, Z. Rasouli

F. M. Dostoevsky in Iran: "Triple" Translation. 137

"I Am One of the Many Teachers of Russian Literature":
in Memory of Robert Louis Jackson (1923–2022) 149

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6061

EDN: RUJXWT

Принципы создания электронного каталога графики на материале рукописей Ф. М. Достоевского

Н. А. Тарасова

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук*

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: nsova74@mail.ru

Аннотация. В статье обосновываются принципы исследования графического содержания рукописных текстов Достоевского и создания электронного каталога графических образцов, в который вошли бы наиболее репрезентативные примеры почерка писателя и их научное описание. Материалом исследования являются рабочие тетради Достоевского, которые включают записи различного характера: черновые наброски к художественным замыслам и к публицистике, черновики писем, заметки для памяти, адреса, расчеты бытового и редакционно-издательского содержания. Разнообразие исследуемого материала позволяет собрать более информативные и полные данные о специфике графических характеристик в текстах писателя. Анализ и систематизация особенностей почерка, типичных и нетипичных начертаний, продуктивны при расшифровке так называемых «трудных чтений» и имеют значение для понимания смыслового контекста записей Достоевского, в ряде случаев позволяя уточнить важную фактическую информацию. Практическая ценность исследования заключается в возможности использовать полученные данные при изучении трудночитаемого почерка, неразборчивых написаний, а также при анализе невербальных форм графики Достоевского и их роли в творческом процессе автора. Для решения этих задач разработан специальный инструментарий, позволяющий произвести исследовательский отбор графических изображений и дать их описание.

Ключевые слова: Достоевский, рукописное наследие, текстология, почерк, пропись, скоропись, каллиграфия, вербальная и невербальная графика

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00333 [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00333/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Тарасова Н. А. Принципы создания электронного каталога графики на материале рукописей Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 2. С. 5–36. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6061. EDN: RUJXWT

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6061

EDN: RUJXWT

Principles of Creating an Electronic Catalog of Graphics Based on the Manuscripts of F. M. Dostoevsky

Natalia A. Tarasova

*The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
The Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: nsova74@mail.ru

Abstract. The article substantiates the principles of studying the graphic content of Dostoevsky's handwritten texts and creating an electronic catalog of graphic samples that would include the most representative examples of the writer's handwriting and their scientific description. The research material is Dostoevsky's workbooks, which include entries of various kinds: rough sketches for artistic and journalistic ideas, letter drafts, notes for memory, addresses, calculations related to household and editorial and publishing. The variety of the material under study allows us to collect more informative and complete data on the specifics of graphic characteristics in the writer's texts. The analysis and systematization of handwriting features, typical and atypical handwriting, are productive in deciphering the so-called "difficult readings" and are important for understanding the semantic context of Dostoevsky's recordings, in some cases allowing to clarify important factual information. The practical value of the research lies in the possibility of using the data obtained in the study of hard-to-read handwriting, illegible spellings, as well as in the analysis of non-verbal forms of Dostoevsky's graphics and their role in the creative process of the author. To solve these problems, a special toolkit has been developed that allows for the research selection of graphic images and their description.

Keywords: Dostoevsky, handwritten heritage, textual studies, handwriting, writing, cursive, calligraphy, verbal and nonverbal graphics

Acknowledgement. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-18-00333. Available at: <https://rscf.ru/project/21-18-00333/>, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Tarasova N. A. Principles of Creating an Electronic Catalog of Graphics Based on the Manuscripts of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 5–36. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6061. EDN: RUJXWT (In Russ.)

В настоящее время ведется исследовательская работа, посвященная изучению особенностей графического содержимого рабочих тетрадей писателя. Записные книжки и тетради Достоевского составляют основной фонд его творческих рукописей и включают художественные и публицистические замыслы, а также записи дневникового характера, расчеты, черновики писем и др. Этот материал позволяет многоаспектно и полно анализировать особенности почерка Достоевского, как в скорописи, так и в многочисленных каллиграфических прописях, которые содержатся на страницах рабочих тетрадей, исследовать другую графику — рисунки, условные знаки, цифровые обозначения.

Электронный каталог графических образцов готовится на основе оцифрованных рукописей (рабочих тетрадей) Достоевского и их текстовых расшифровок, опубликованных на портале «Архив Ф. М. Достоевского» (<http://dostoevsky-archive.ru/>)¹. При отборе и описании образцов графики используются программные средства для выделения графического образца на выбранной странице рукописи и его характеристики согласно содержанию классификаторов. На данный момент основным является классификатор, позволяющий систематизировать образцы графических изображений по следующим критериям:

1) Тип графики (вербальная и невербальная — рисунки, условные знаки, цифры).

2) Тип текста (скоропись и каллиграфия). Объектом анализа являются общие (инварианты) и индивидуальные признаки (особенности) каллиграфии. Исследование скорописи предполагает составление словника на материале записных тетрадей Достоевского, в том числе на повторяющихся примерах написаний, анализ которых позволяет определить типичные и нетипичные признаки буквенных сочетаний. Это в свою очередь должно стать дополнительным исследовательским инструментарием для распознавания трудночитаемых записей Достоевского.

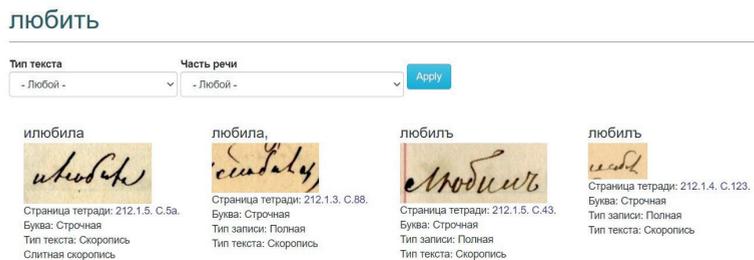
3) Вид записи (карандаш, перо\чернила, карандаш и перо\чернила).

Работа ведется в разделе **Рукописи**, где помещены цифровые копии записных тетрадей Достоевского. В пределах рукописной страницы автоматизированным способом отбираются графемы, относящиеся как к вербальной, так и к невербальной графике, и в каждом конкретном случае снабжаются необходимым комментарием, пополняя электронный каталог образцов графики Достоевского.

Описание вербальной графики ведется по двум параметрам — слово (как в источнике) и основная словоформа (исходная форма слова, согласно его морфологии). За единицу отбора принята лексема: таким образом, создаваемая информационная база автоматически становится не только каталогом разных графем, но одновременно и пополняемым словарем языка рукописей Достоевского, с возможностью вычленять определенные слова, характерные для конкретной рабочей тетради (при добавлении необходимых исследователю параметров поиска и фильтров). Названия (книг, периодических изданий и т. п.) выделяются и описываются не как морфологическое, а как семантическое целое, единой словоформой, что соответствует принципу объединения грамматических и семантических критериев анализа графем и дает возможность проследить степень автоматизированности их написаний и специфику влияния семантики на почерк.

¹ О цифровом архиве Достоевского подробнее см.: [Тарасова, Мбого, Захаркина]. Автор выражает благодарность И. А. Мбого, В. В. Захаркиной, В. Н. Захарову, Т. В. Панюковой, Б. Н. Тихомирову за обсуждение проблематики публикуемой статьи.

Список проанализированных графем отражается в **Библиотеке графических образцов**, где через поисковую строку можно найти образец почерка, набрав слово по первым буквам или полностью (см. Илл. 1). Примеры включают словоформы (при их наличии), что дает наглядную картину различных написаний одного и того же слова в одной или разных грамматических позициях, со строчной буквы и с прописной, карандашом или пером (чернилами).

Илл. 1. Страница просмотра вариантов написания выбранного слова

Fig. 1. The page with spelling variants of the selected word

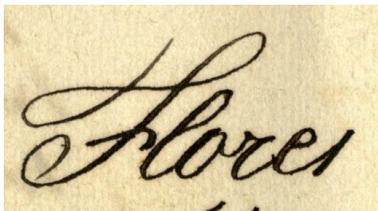
Редакторский и исследовательский интерфейсы функционируют в текущей рабочей версии, которая обеспечивает работу по созданию электронного каталога графических образцов на основе отсканированных страниц рукописей и может быть видоизменена и уточнена в дальнейшем в соответствии с возможными новыми задачами исследования. На данный момент в разрабатываемое онлайн-приложение введено свыше 23000 графических образцов рукописного текста Достоевского. В процессе исследования были уточнены прочтение и интерпретация ряда каллиграфических прописей и рисунков Достоевского и текст черновых записей в указанных рабочих тетрадях писателя.

Помимо решения задач каталогизации, систематизации и словарного описания образцов почерка и невербальной графики Достоевского, эта работа позволяет совершенствовать знание почерка и уточнять текстологические прочтения сложных мест в черновых текстах писателя. Непосредственно в процессе создания каталога, отбора образцов почерка Достоевского и их наглядного сравнения, как в буквенных сочетаниях, так и в написании целых слов, уточняются данные о возможных\невозможных, типичных\нетипичных начертаниях, что позволяет более аргументированно анализировать черновые записи и исправлять неточности их прочтения.

Приведем примеры.

Среди набросков к замыслу повести о капитане Картузове есть каллиграфическая пропись, которая опубликована с ошибками. Справа от заметки, содержащей одну из характеристик героя «— Наивень какъ дитя»,

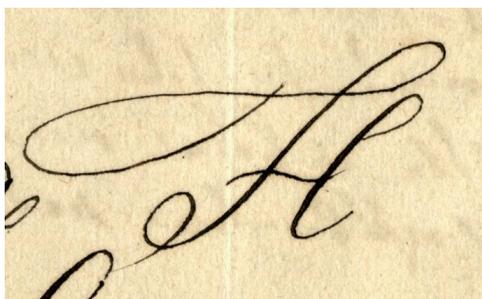
Достоевский начал записывать каллиграфическим почерком: «Flore<nse>» (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 94) (см. Илл. 2).

Илл. 2. Каллиграфическая пропись на странице с замыслом о Картузове
Fig. 2. Calligraphic inscription on the page with the idea of a story about Kartuzov

В каталоге рисунков Достоевского эта пропись расшифрована неверно: «Нсе» [Баршт, 2005: 214]. В начале слова перед нами не латинское написание буквы «Н», а сочетание «Fl», и правильное прочтение в данном случае «Flore<nse>». Сравнительный анализ каллиграфических прописей Достоевского позволяет установить отличия между интересующими нас буквами.

В набросках к замыслу повести о капитане Картузове Флоренция упоминается еще раз, наряду с каллиграфическими прописями других топонимов: «Москва», «[Мос<ква>]», «Fl<orence>», «Петербу<рг>», «S», «St. Pete<rsbourg>», «St. Petersb<ourg>», «С.-Петер<бург>» (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 99) (см. Илл. 3).

Илл. 3. Каллиграфическая пропись на странице с замыслом о Картузове
Fig. 3. Calligraphic inscription on the page with the idea of a story about Kartuzov

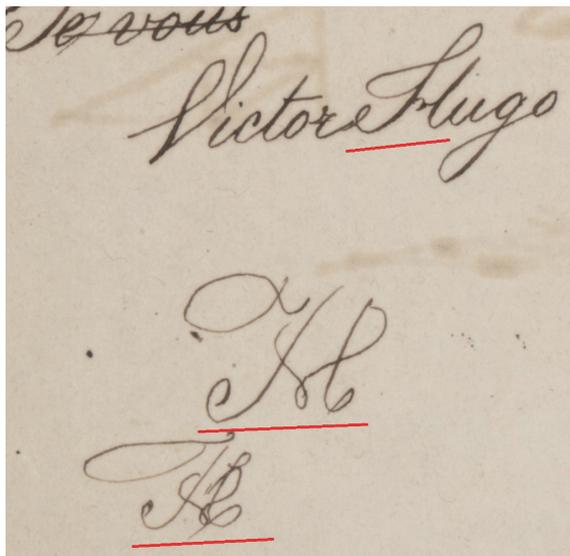
В первом случае на странице с упоминанием Флоренции также появляется топоним, в планах замысла о Картузове несколько раз указанный как место действия: «Reval» (Ревель²).

Прописи «Флоренция» и «Florence» в полном и недописанном виде неоднократно встречаются среди заметок конца 1860-х гг. Достоевский посетил

² Ныне Таллинн, столица Эстонии. В Ревеле в 1840-х гг. жил старший брат Достоевского Михаил, см. подробнее: [Панюкова].

Флоренцию в 1862 г., приезжал сюда с Анной Григорьевной через полгода после смерти в Женеве их первенца Сони в 1868 г. Здесь писатель заканчивал роман «Идиот», здесь же, во Флоренции, весной 1869 г. Достоевский работал и над замыслом о Картузове (см.: [Летопись, т. 2: 210]).

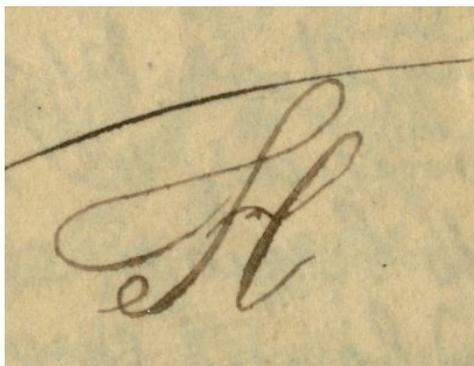
Буква «Н» как пропись появляется в различных черновых набросках — в частности, к роману «Бесы». Например, в обычном написании и в вензеле из букв «V» и «H», начальных от «Victor Hugo» (ОР РГБ. Ф. 93.I.1.5. С. 5) (см. Илл. 4).

Илл. 4. Каллиграфические прописи в подготовительных материалах к роману «Бесы»

Fig. 4. Calligraphic inscriptions in draft materials for the “Demons” novel

В обычном написании: «Н» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 45) (см. Илл. 5).

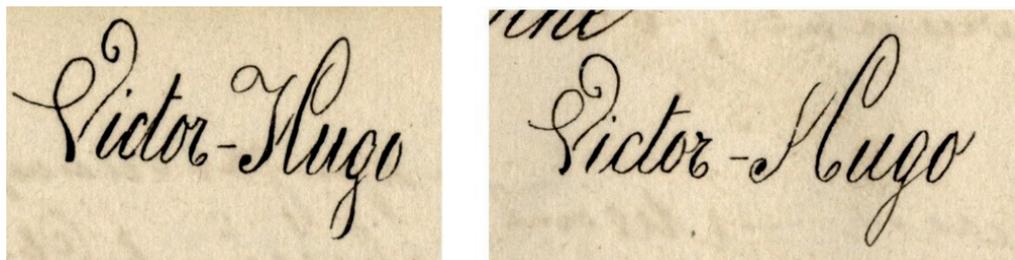

Илл. 5. Каллиграфическая пропись в подготовительных материалах к роману «Бесы»

Fig. 5. Calligraphic inscription in draft materials for the “Demons” novel

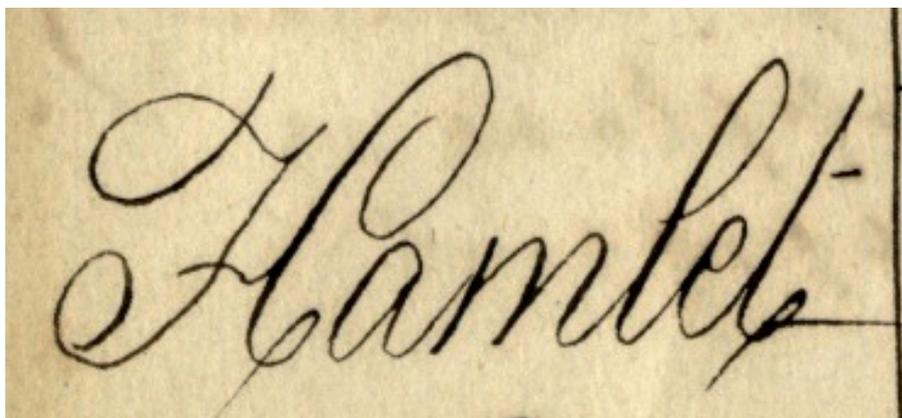
Отличительные элементы буквы «Н» в ее вариациях — это срединный соединительный штрих в форме прямой или зигзагообразной линии и второй вертикальный соединительный штрих, прямой или со скруглением вправо.

Такой же штрих имеется и в других каллиграфических прописях с буквой «Н» — например, встречающихся среди записей к роману «Идиот» (см. *Илл. 6–8*).

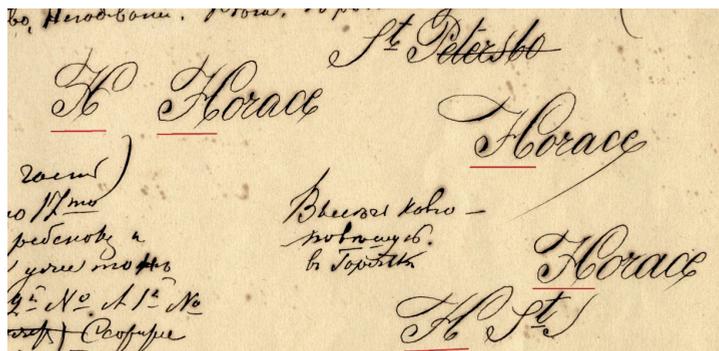
Илл. 6. Каллиграфические прописи в подготовительных материалах к роману «Идиот» (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 35)

Fig. 6. Calligraphic inscriptions in draft materials for “The Idiot” novel

Илл. 7. Каллиграфические прописи в подготовительных материалах к роману «Идиот» (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 128)

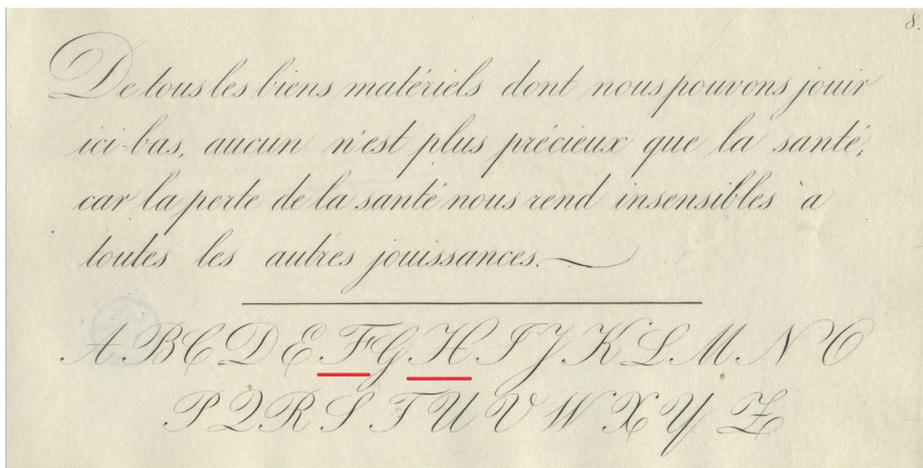
Fig. 7. Calligraphic inscriptions in draft materials for “The Idiot” novel

Илл. 8. Каллиграфические прописи в подготовительных материалах к роману «Идиот» (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 131)

Fig. 8. Calligraphic inscriptions in draft materials for “The Idiot” novel

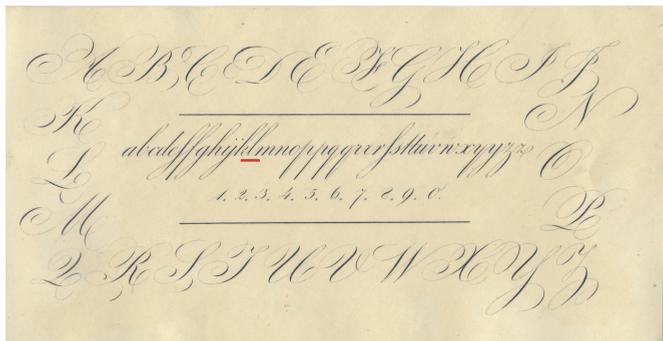
Обращение к руководствам по каллиграфии, где имеются образцы написаний, свидетельствует, что в указанных случаях Достоевский в целом следует этим образцам (см. Илл. 9–10)³:

Илл. 9. Образцы каллиграфии в издании М. Брифа

Fig. 9. Samples of calligraphy in M. Brief's edition

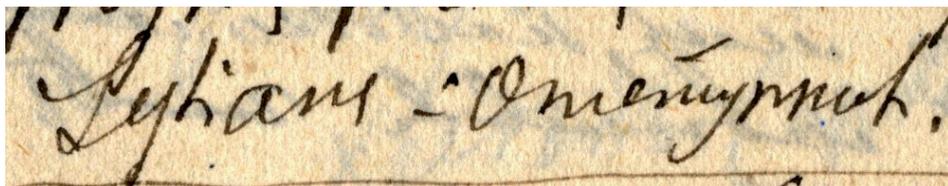
³ См., например, издания: Бриф М. Каллиграфическая тетрадь в 30-ти листах на трех языках: русском, французском и немецком, написанные и гравированные М. Брифом. СПб.: Металлография М. Брифа, ценз. 1852. 10, 11, 10 с. отд. паг.; Прописи чистописания / на камне гравировал Водецкий. Симферополь: Изд. в Литографии Гиппенмейера, 1854. 17 с.

Илл. 10. Образцы каллиграфии в издании М. Брифа

Fig. 10. Samples of calligraphy in M. Brief's edition

В публикациях рукописей Достоевского встречаются примеры ошибочного «прочтения слова не на его языке» [Томашевский: 40]. В качестве примера приведем набросок кириллицей, находящийся среди заметок к «Дневнику Писателя» 1876 г.: «**Іуліанъ-Отступникъ**» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 70 об.) (см. Илл. 11), — публикаторы прочли имя как «Julian Отступник», то есть как запись, сделанную наполовину латиницей [ЛН: 453], [Д30; т. 24: 173].

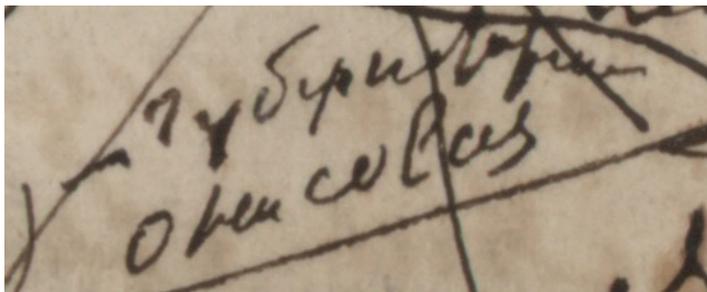
Илл. 11. Запись «Іуліанъ-Отступникъ»

Fig. 11. The note “Іуліанъ-Отступникъ”

Начертание букв кириллического алфавита («у», «л», «н», «ъ») помогает идентифицировать десятеричное «и» и букву «а», которые можно спутать с латинскими «i» и «a». Но среди черновых записей Достоевского встречаются и такие, в которых соединены буквы латиницы и кириллицы, и это при публикации текста также приводит к ошибочным прочтениям.

В тетради, содержащей подготовительные материалы к роману «Бесы», есть запись: «NB. (Губернаторша сказала.) — Губернаторша о **Nicolas**⁴» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 75) (см. Илл. 12).

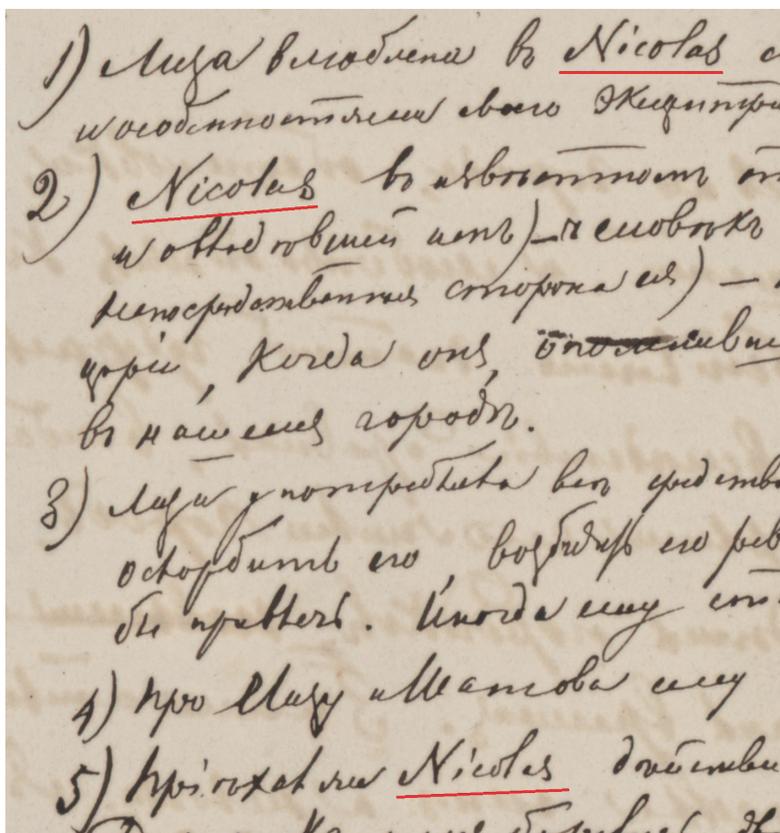
⁴ Так в рукописи: кириллица и латиница. Текст: — Губернаторша о Нисcolas — записан справа и заключен в рамку.

Илл. 12. Запись «Губернаторша о Нисолас»

Fig. 12. The note “Губернаторша о Нисолас”

В рукописи вариант латиницей — «Nicolas» — встречается много раз (см. с. 58, 64, 72, 74, 76 и др. указанной тетради) (см. Илл. 13).

Илл. 13. Имя «Nicolas» в черновиках к роману «Бесы» (с. 64 автографа)

Fig. 13. The name “Nicolas” in the drafts for the “Demons” novel
(page 64 of the manuscript)

И в единственном только случае Достоевский записывает это имя, соединяя буквы кириллицы и латиницы (см. выше). В печати эта запись воспроизводится неточно. Ошибочное прочтение появляется уже в первой публикации записной тетради и повторяется в ПСС:

1935: «— Губернаторша — **они совсем** <?>» [Коншина, Игнатова: 259].

ПСС-1: «NB. Губернаторша сказала. <В сноске: Незачеркнутый вариант: Губернаторша: «**Она совсем** <не закончено>>» [Д30; т. 11: 252]⁵.

Е. Н. Коншина, конечно, зная особенности почерка Достоевского и языка публикуемого источника, при публикации своей расшифровки отметила ее знаком предположительности чтения. Действительно, если слово «они» хотя бы складывается из начальных букв записи Достоевского (но вторая буква — «Н» — оторвана от первой и выглядит как прописная, а не строчная), то слово «совсѣмъ», которое должно иметь графические признаки буквы «Ѣ», в этой записи точно отсутствует. Проверить свои сомнения и посмотреть, какое написание имеют указанные слова, позволяет готовящийся онлайн-каталог образцов почерка Достоевского.

Слово «они» в примерах из рабочих тетрадей писателя (см. Илл. 14):

ОНИ

Страница тетради: 212.1.3. С.78.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

ОНИ

Страница тетради: 212.1.3. С.69.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

ОНИ

Страница тетради: 212.1.6. С.122.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Часть речи: Местоимение

Илл. 14. Написание слова «они» в рабочих тетрадях Достоевского

Fig. 14. The word “они” in Dostoevsky’s workbooks

⁵ Указанные здесь и далее ошибки прочтения подготовительных материалов к роману «Бесы» не были исправлены в издании: [Баршт, 2021].

Примеры написания слова «совсѣмъ» (см. Илл. 15):

СОВСѢМЪ

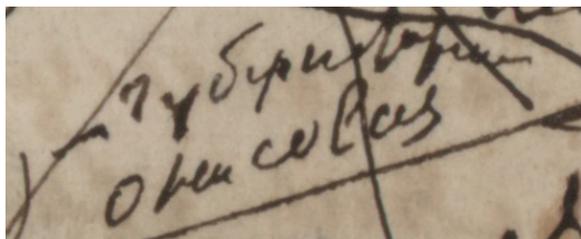
Тип текста: - Любой - Часть речи: - Любой - Apply

[с]{С}овсѣмъ,	совс[е]{ѣ}мъ	СОВСѢМ<ѣ>
Страница тетради: 212.1.4. С.93. Буква: Прописная Тип записи: Полная Тип текста: Скоропись Часть речи: Наречие <i>Правка начала слова.</i>	Страница тетради: 212.1.4. С.91. Буква: Строчная Тип записи: Полная Тип текста: Скоропись Часть речи: Наречие	Страница тетради: 212.1.4. С.100. Буква: Строчная Тип записи: Недописанная Тип текста: Скоропись Часть речи: Наречие
СОВСѢМЪ	СОВСѢМЪ	СОВСѢМЪ
Страница тетради: 212.1.4. С.146. Буква: Строчная Тип записи: Полная Тип текста: Скоропись	Страница тетради: 212.1.4. С.97. Буква: Строчная Тип записи: Полная Тип текста: Скоропись Часть речи: Наречие <i>Зачеркнутая вписка.</i>	Страница тетради: 212.1.3. С.92. Буква: Строчная Тип записи: Полная Тип текста: Скоропись

Илл. 15. Написание слова «совсѣмъ» в рабочих тетрадях Достоевского

Fig. 15. The word “совсѣмъ” in Dostoevsky’s workbooks

Из сравнения данных очевидно, что в интересующем нас фрагменте из записной тетради к «Бесам» этих слов нет и написано имя героя (см. Илл. 16):

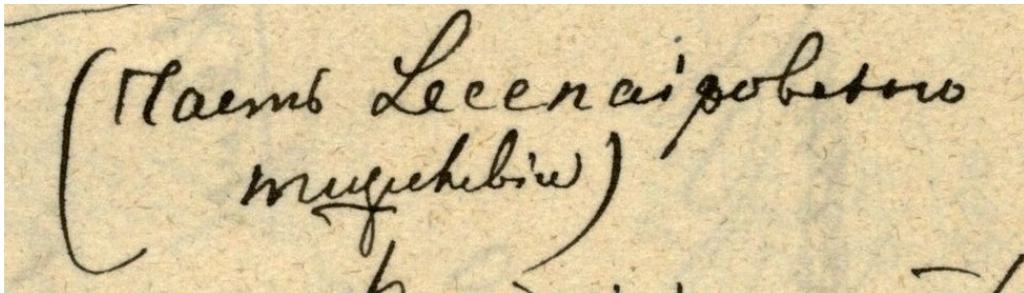

Илл. 16. Запись «о Николасъ»

Fig. 16. The note “o Nicolas”

Примеры соединения кириллицы и латиницы встречаются и в других рукописях Достоевского — с набросками к роману «Идиот», замыслу о Каргузове:

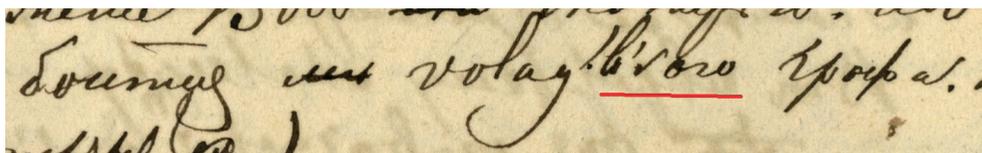
«(Часть Ласенаировского⁶ тщеславия)» (РГАЛИ. Ф. 212.1.7. С. 135) (см. Илл. 17).

Илл. 17. Написание «Ласенаировского»

Fig. 17. The word “Ласенаировского”

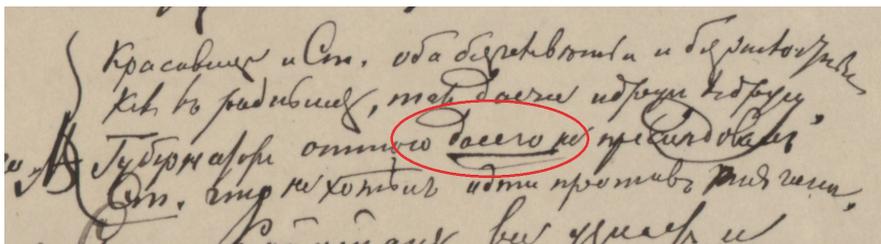
«боится [легкомысленного] volage'livago⁷ графа» (РГАЛИ. Ф. 212.1.7. С. 114) (см. Илл. 18).

Илл. 18. Написание «volage'livago»

Fig. 18. The word “volage'livago”

Сложный случай графически сходных написаний встречаем еще в одной заметке к «Бесам»: «Губернаторъ оттого **долго** не преслѣдовалъ Ст<удента> что не хотѣлъ идти противъ Княгини» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.4. С. 47) (см. Илл. 19).

Илл. 19. Написание «долго»

Fig. 19. The word “долго”

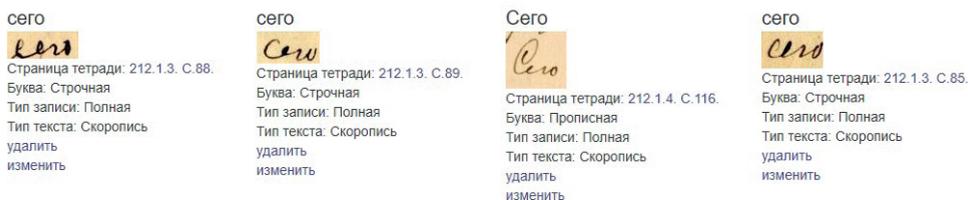
⁶ В тексте описка: Ласенаировского.

⁷ От volage — непостоянный (фр.).

В печати, начиная с первой публикации текста, ошибочное прочтение: 1935: «оттого **досего**» [Коншина, Игнатова: 136].

ПСС-1: «оттого **до сего**» [ДЗ0; т. 11: 92].

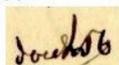
Е. Н. Коншина, неточно расшифровав слово, воспроизводит свой вариант «до сего» в слитном написании, видимо, решив, что это особенности авторской скорописи (тем более что в текстах Достоевского много примеров такого рода). В записи, кроме того, есть и условия именно для такого прочтения — размашистое написание буквы «л» в середине слова, которую легко принять за буквенное сочетание «се». Однако сравнение графем в библиотеке графических образцов показывает нюансы начертания интересующих нас букв и разницу в написаниях (см. Илл. 20–23).

Илл. 20. Написание «сего»

Fig. 20. The word “сего”

доселѣ

Страница тетради: 212.1.3. С.80.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

удалить

изменить

Илл. 21. Написание «доселѣ»

Fig. 21. The word “доселѣ”

ДОЛГО

Тип текста: Часть речи:

долго

Страница тетради: 212.1.5. С.10.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

долго

Страница тетради: 212.1.5. С.29.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

долго

Страница тетради: 212.1.4. С.68.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Часть речи: Наречие

долго

Страница тетради: 212.1.4. С.99.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Часть речи: Наречие

Илл. 22. Написание «долго»

Fig. 22. The word “долго”

Илл. 23. Написание «Долгомостъевъ»

Fig. 23. The word “Долгомостъевъ”

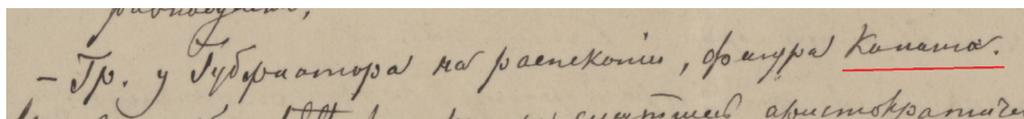
В буквосочетании «се», как видим, буква «с» имеет более открытый и скругленный штрих в виде завитка, чем начальное полукружие в букве «л». Последняя же пишется в вариантах с верхней выносной линией и без нее (первый вариант более частотен). Наиболее близкие графически написания «се» и «л» появляются в варианте начертания фамилии «Долгомостъевъ». В черновом наброске к роману «Бесы» прочтение «долго» подсказано и контекстом записи, и самим стилем высказывания: вариант «оттого долго не преследовал» звучит яснее, чем «оттого до сего не преследовал».

Другое место в рукописи (см. Илл. 24) также расшифровано неточно. В автографе:

«— Гр<ановскій> у Губернатора на распеканиі, фигура **каланча**» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.4. С. 49).

1935: «— Гр-. у Губернатора на распекании, фигура **комична**» [Коншина, Игнатова: 138].

ПСС-1: «Гр<ановский> у Губернатора на распекании, фигура **комична**» [ДЗ0; т. 11: 94].

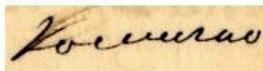

Илл. 24. Написание «каланча»

Fig. 24. The word “каланча”

Для варианта «комична» в указанной записи не хватает букв во второй части слова. Образцы этого написания (на данный момент описана словоформа «комично» — см. Илл. 25) в почерке Достоевского выглядят следующим образом:

КОМИЧНО

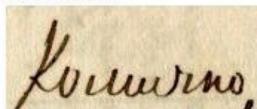
Страница тетради: 212.1.3. С.72.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

КОМИЧНО

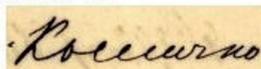
Страница тетради: 212.1.5. С.32.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

КОМИЧНО

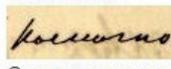
Страница тетради: 212.1.4. С.137.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

КОМИЧНО

Страница тетради: 212.1.4. С.137.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Илл. 25. Написание «комично»

Fig. 25. The word “комично”

Как ясно из сравнения, в написании указанных слов есть отличия. Кроме того, дополнительным аргументом в прочтении записи является ее содержание. В печатном тексте этот эпизод, в черновике обозначенный как «Гр<ановский> у Губернатора на распеканіи», нашел отражение в строках десятой главы «Флибустьеры. Роковое утро» второй части романа: «Лембке вдруг вошел быстрыми шагами, в сопровождении полицеймейстера, рассеянно поглядел на нас и, не обратив внимания, прошел было направо в кабинет, но Степан Трофимович стал пред ним и заслонил дорогу. **Высокая**, совсем не похожая на других **фигура** Степана Трофимовича произвела впечатление; Лембке остановился» [Д35; т. 10: 382]. Здесь в более развернутом виде и стилистически иначе дана та портретная характеристика Верховенского-старшего, которая в сжатой форме содержится в рукописи: подчеркивается высокий рост героя.

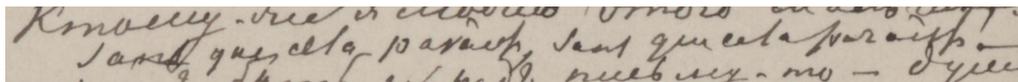
Следует уточнить прочтение фразы на французском языке, ср. в рукописи: «Он влюблен *sans que cela paraisse*, *sans que cela paraisse!*»⁸ (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 42) (см. Илл. 26).

В публикациях иначе:

1935: «Он влюблен *sans que cela paraître*, *sans que cela paraître*» [Коншина, Игнатова: 225].

ПСС-1: «Он влюблен *sans que cela paraître*, *sans que cela paraître*» [Д30; т. 11: 231].

⁸ не обнаруживая этого, не подавая вида! (*фр.*)

Илл. 26. Написание «paraisse»

Fig. 26. The word “paraisse”

На чтение «paraisse» в данном случае указывают именно графические особенности записи — в буквосочетании «ss» вторая буква в почерке Достоевского, как правило, больше первой и имеет верхний и нижний выносные штрихи, то есть выходит в надстрочное и подстрочное пространство. Ср. такое же написание этого буквосочетания в черновиках романа «Подросток» (РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 12) (см. Илл. 27–28):

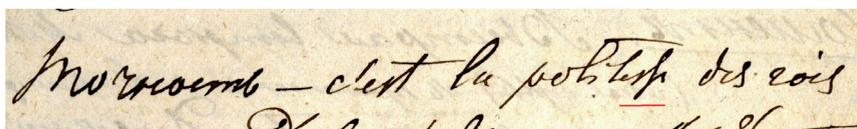
Илл. 27. Запись «Точность — c'est la politesse des rois»⁹

Fig. 27. The note «Точность — c'est la politesse des rois»

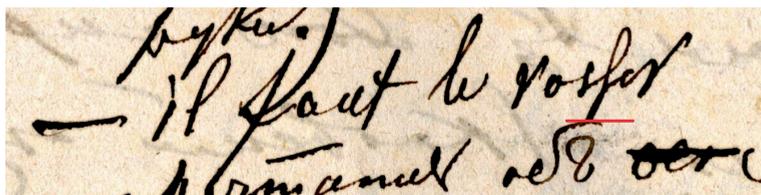
Илл. 28. Запись «— il faut le rosser»¹⁰

Fig. 28. The note «— il faut le rosser»

Кроме того, «sans que cela paraisse» — это строки (рефрен) из популярной в начале XIX века песни, текст которой неоднократно публиковался на французском языке¹¹:

⁹ вежливость королей (фр.).

¹⁰ нужно его выпороть (фр.).

¹¹ Текст песни на французском языке был напечатан в журнале «Вестник Европы» в 1803 г. без указания авторства, под названием «Модная парижская песня» и с примечанием: «Многие из наших читателей знают французской язык: для них печатаем эту песню, которая в сентябре нравилась парижским красавицам» (Октябрь. № 20. С. 274–275). Во французских источниках текст опубликован с подписью: Mézes (Mezes), ср.: Diners de la Société littéraire de Bordeaux / Société littéraire de Bordeaux. 1801. 12 octobre (№ 4). S. 8–9; Almanach des muses pour l'an XII. Quarantième volume de la Collection. Paris: Chez Louis, 1804. S. 201–202; Petite encyclopédie poétique, ou Choix de poésies dans tous les genres, par une société de gens de lettres. T. VIII: Romances et chansons. Paris: Capelle et Cie, 1804. S. 267–269; Le chansonnier modern, ou Choix des meilleures chansons modernes. Paris, 1807. S. 217–218. См. также: [Гинзбург, Вацуро: 761].

SANS QUE CELA PARAISSÉ
CHANSON

Air: *Du pas redoublé.*

Je hais cette publicité
 Qu'aime la suffisance;
Heureux auprès de ma Myrthé,
 Je le suis en silence.
Le fat, s'il n'a que des rigueurs,
 Les tait avec adresse,
Mais il n'obtient pas de faveurs
 Sans que cela paraisse.

Un mari comme il en est tant,
 Disait à sa parjure:
«Vous m'accablez à chaque instant
 D'une nouvelle injure.
Chacun aussi me montre au doigt
 Et rit de ma détresse;
Trahissez-moi, mais que ce soit
 Sans que cela paraisse.»

Nos femmes ont un esprit doux,
 Elles sont sans adresse,
Elles adorent leurs époux,
 Sans que cela paraisse.
Les vertus habitent leurs cœurs,
 L'équivoque les blesse,
Et toutes respectent les mœurs,
 Sans que cela paraisse.

La piété, la charité
 Les dirigent sans cesse;
Elles aiment la vérité,
 Sans que cela paraisse.
Leur sein, leurs jambes et leurs bras
 Que le regard caresse,
Sont faits au tour... Mais ce n'est pas
 Sans que cela paraisse.

Nos chansonniers sont pleins d'esprit;
 Pleins de délicatesse;
Chacun les admire, les lit
 Et les relit sans cesse.

Je suis comme eux en ma chanson,
 Plein de sel, de finesse;
 Comme eux j'égale Anacréon...
 Sans que cela paraisse¹².

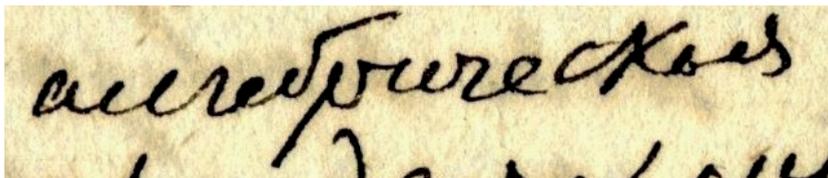
В черновике реплика на французском языке принадлежит Грановскому, то есть будущему Степану Трофимовичу, и произнесена в диалоге с Княгиней (Варварой Петровной), приведем расширенный контекст записи:

«Княгиня Грановскому: Я увѣрена, что это Шатовъ написалъ (анонимныя письма).

Грановскій¹³. Такъ-такъ, {я тоже думаю}, но я не хочу вмѣшиваться, и даже вамъ<, > моя милая В<арвара> П<етров>на<,> совѣтую не дѣлать вида, ктому-же я люблю этого мальчика. {Онъ влюбленъ sans que cela paraisse, sans que cela paraisse!}».

Судя по тому, что Грановский повторяет французское выражение дважды, словно следуя песенному рефрену, в данном случае могла иметь место отсылка к этому претексту. В окончательном тексте романа это выражение звучит в своем словарном значении¹⁴ в сцене, в которой Петр Верховенский говорит о романе Лембке: «И сколько юмору у вас напихано, хохотал. Как вы, однако ж, умеете поднять на смех sans que cela paraisse!» [Д35; т. 10: 299]. Реплика о том, что Шатов влюблен в свою жену, отдана Виргинской: «— Та-та-та, если бы не был в вас влюблен как баран, не бегал бы по улицам высуня язык и не поднял бы по городу всех собак. Он у меня раму выбил» [Д35; т. 10: 502].

В другой рабочей тетради с набросками к роману «Бесы» имеется запись, также неточно переданная в печати: «Какъ вы рѣшились? Я все анализировалъ: Удивительно какъ ясна у челоуѣка голова [без] передъ смертной казнию. Я бы не думалъ. Знайте что у меня предпрятіе не въ образахъ, а какъ **алгебраическая** формула по Тену. Я боюсь но я рѣшился» (РГАЛИ. Ф. 212.1.9. С. 4) (см. Илл. 29).

Илл. 29. Написание «алгебраическая»

Fig. 29. The word “алгебраическая”

¹² Diners de la Société littéraire de Bordeaux. 1801. 12 octobre (№ 4). S. 8–9.

¹³ В рукописи: Гранов-скій

¹⁴ См. перевод, а также: [Бабкин, Шендецов: 1148].

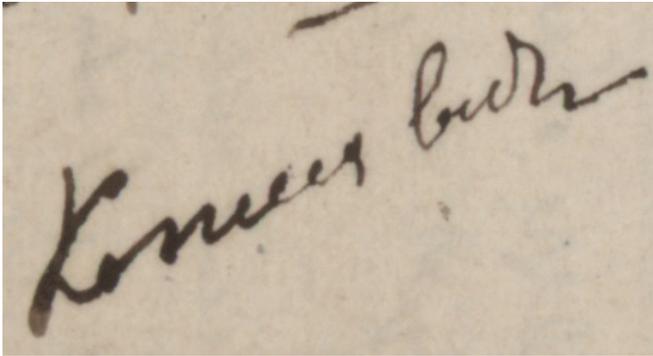
В печати неточно: «алгебра**и**ческая» [Коншина, Игнатова: 329]; [Д30; т. 11: 292] — возможно, сознательное исправление текста согласно языковой норме (в XIX в. «алгебри**ч**еский» — это вариант к «алгебраи**ч**еский»¹⁵). Оснований для исправления текста Достоевского в данном случае нет, и следовало бы сохранить вариант источника.

Уточним прочтение текста еще в одном случае. В черновых набросках к роману «Бесы» читаем:

«{Кн<язь>}. — Я не вѣрю въ Бога, а вы вѣрите. Какъ вы можете сказать, что Богъ проститъ<?>

— О, не понимаю и самъ. Безконеченъ грѣхъ, [но] но и Богъ безконеченъ въ разумѣ своемъ —

Капля воды» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 41) (см. Илл. 30).

Илл. 30. Черновой набросок к роману «Бесы»

Fig. 30. The draft note for the “Demons” novel

Последнее предложение вызвало у публикаторов затруднения:

1935: «= **Конец** <?> **вид** <?> =» [Коншина, Игнатова: 224].

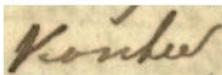
ПСС-1: «<Нрзб.> **вид**<ел?>» [Д30; т. 11: 190].

Предложенные варианты прочтения этой записи не соответствуют особенностям ее написания: слова «Конецъ» и «видъ» должны писаться с «ъ», графических признаков которого нет в рукописном тексте. В варианте «вид<ел?>», предложенном в ПСС-1, меньше букв, чем в записи Достоевского.

Обращение к электронному каталогу графических образцов позволяет проверить, каковы особенности написания слов «капля» и «воды» в почерке Достоевского (см. Илл. 31–32):

¹⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1998. Т. 1. С. 10.

Капля

Страница тетради: 212.1.7. С.14.

Буква: Прописная

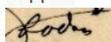
Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Илл. 31. Написание «Капли» (мн. ч.)

Fig. 31. The word “Капли” (pl)

водой

Страница тетради: 212.1.4. С.66.

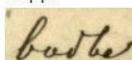
Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Часть речи: Имя существительное

воды

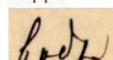
Страница тетради: 212.1.7. С.114.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

ВОДЫ

Страница тетради: 212.1.4. С.84.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Часть речи: Имя существительное

Илл. 32. Написания «водой», «воды»

Fig. 32. Words “водой”, “воды”

Основной графический рисунок этих слов соответствует особенностям написания интересующего нас чернового наброска к роману «Бесы». Слово «воды» в этом наброске написано более беглым почерком, наискосок, так как вся запись расположена на полях слева от текста, и расположение повлияло на изменение формы букв: в частности, более бегло и не до конца прописана буква «о», в классическом варианте представляющая собой овал.

Реплики, в составе которых появляется эта запись, относятся к наброскам, маркированным в рабочей тетради пометой «Тихонъ», то есть к разработке диалогов Князя (Ставрогина) с архиереем, которые стали основой не вошедшей в роман главы «У Тихона». Думается, что смысл записи «Капля воды» едва ли можно расшифровывать посредством печатного текста романа, где это выражение встречается в письме капитана Лебядкина к Лизавете Николаевне: «Может ли солнце рассердиться на инфузорию, если та сочинит ему из капли воды, где их множество, если в микроскоп?» [Д30; т. 10: 115]. Скорее, фрагмент черновика связан с содержанием 14-й гранки главы «У Тихона», где есть следующие диалоги:

«— Если вѣруете что можете простить сами себѣ и сего прощенія себѣ въ семъ мірѣ {страдані<емъ>} достигнуть, {если так[о<е>]{ую} [намѣре<ніе>]

{цѣль} себѣ поставяете съ вѣрою}, то вы {ужь} во все вѣруете!¹⁶ восторженно воскликнулъ Тихонъ. — Какже сказали вы что въ Бога не вѣруете?

Ставрогинъ не отвѣтилъ.

— Вамъ за невѣріе Богъ проститъ, ибо Духа Святаго чтите не зная Его.

— Кстати,¹⁷ {А} Христось [вѣдь не] проститъ? {съ кривой улыбкой и быстро измѣняя тонъ} спросилъ Ставрогинъ, и въ тонѣ вопроса послышался легкій оттѣнокъ ироніи, {какъ давеча [го] когда приглашалъ гору сдвинуть}, вѣдь¹⁸ {Вѣдь} сказано въ книгѣ: — “Если соблазните единаго отъ малыхъ сихъ”, помните? По Евангелію больше преступленія нѣтъ и¹⁹» (РГАЛИ. Ф. 212.1.10. С. 14).

Гранка 14 обрывается, о продолжении текста дает представление список А. Г. Достоевской:

«— Вамъ за невѣріе Богъ проститъ, ибо по истинѣ Духа Святаго чтите не зная Его.

— Мнѣ нѣтъ прощенья, мрачно сказалъ Ставрогинъ, — въ вашей книгѣ сказано, что выше преступленія нѣтъ, если оскорбить “единаго отъ малыхъ сихъ”, и не можетъ. Вотъ въ этой книгѣ!

²⁰Онъ указалъ на Евангеліе.

— Я вамъ радостную вѣсть за сіе скажу, съ умиленіемъ промолвилъ Тихонъ: — и Христось проститъ, если только достигнете того что простите сами себѣ... О нѣтъ, нѣтъ, не вѣрьте, я хулу сказалъ: если и не достигнете примиренія съ собою и прощенья себѣ, то и тогда Онъ проститъ за намѣреніе и страданіе ваше великое... ибо нѣтъ ни словъ, ни мысли въ языкѣ человѣческомъ для выраженія всѣхъ путей и поводовъ Агнца “дондеже пути его въявь не откроются намъ”. Кто обвинитъ его, необъятнаго, кто пойметъ всего, безконечнаго!» (ИРЛИ. Ф. 100. № 29443. Л. 38 об. — 39).

Хотя указанная выше метафора «капля воды» не раскрывается ни в черновике, ни в окончательном тексте романа, само содержание диалогов, темы веры в Бога, греха и прощенья, — это то, что объединяет черновой набросок из подготовительных материалов к «Бесам» и приведенные части главы «У Тихона».

В прочтении текста гранок главы «У Тихона» также есть уточнения, приведем два примера. Во-первых, это заметка на полях 8-й гранки:

«Я всталъ [н<a>] {и} побѣжалъ на разсвѣтъ въ Гороховую. {Я представляя себѣ, какъ я буду} бить каблукомъ голову и ругаться {надъ ней}. [вырвало. — Я понялъ, что боленъ<, > и воротился закутался<, > **ознобъ** и стр<ахъ>]» (РГАЛИ. Ф. 212.1.10. С. 8) (см. *Илл.* 33).

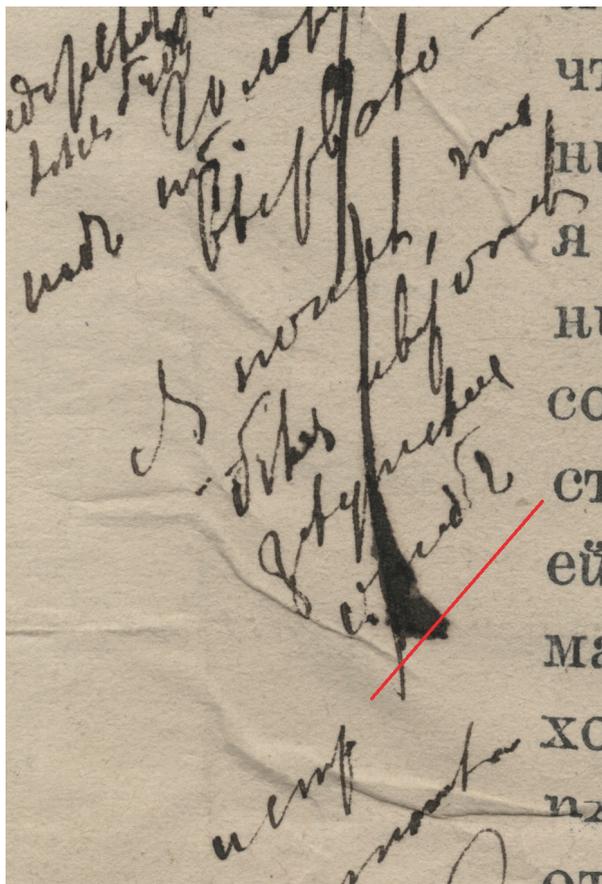
¹⁶ В тексте вопросительный знак (опечатка).

¹⁷ Незачеркнутый вариант.

¹⁸ Незачеркнутый вариант.

¹⁹ Абзац отчеркнут слева, на полях запись: Мнѣ нѣтъ отъ {вашего} Бога прощенья

²⁰ Знак: Z

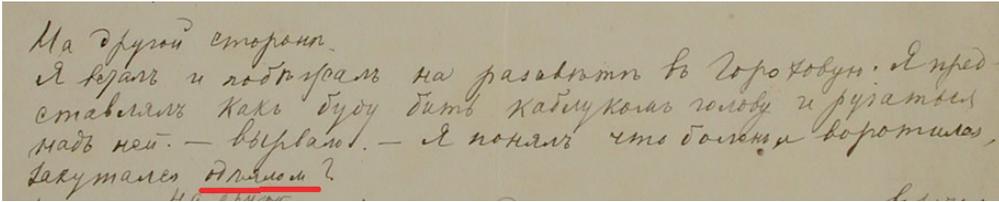

Илл. 33. Написание «ознобъ» в гранках главы «У Тихона»
 Fig. 33. The word “ознобъ” in the proofs of the chapter “At Tikhon’s”

ПСС-1: «[вырвало. Я понял, что болен, и воротился, закутался с **<нрзб.>**]» [Д30; т. 12: 125]²¹.

В расшифровке А. Г. Достоевской (имеется в виду не список главы «У Тихона» ее рукой, а расшифровка помет Достоевского на гранках) есть пропуски и неточности, в том числе и в данном фрагменте. Вместо слова «ознобъ» прочитано предположительно, со знаком вопроса, «одъяломъ» (ИРЛИ. Ф. 100. № 29443. Л. 42) (см. Илл. 34).

²¹ Текст гранок печатался, кроме того, в следующих изданиях: [Фриче], [Ф. М. Достоевский. Исповедь Ставрогина, 1922], [Ф. М. Достоевский. Бесы: Роман, 1935; т. 1: 453–488], [Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канон. тексты, 2010; т. 9]. В эти публикации, самой полной из которых является последняя, вошла не вся правка Достоевского на гранках, в том числе не отражены случаи, которые рассматриваются в данной статье.

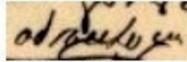
Илл. 34. Расшифровка помет Достоевского на гранках, выполненная А. Г. Достоевской (написание «одѣяломъ»)

Fig. 34. Transcript of Dostoevsky's notes on proofs by A. G. Dostoevskaya (The word "одѣяломъ")

Ошибочное прочтение объясняется и тем, что в начальной части слова в гранках размазаны чернила, а в конце нечетко, с исправлением, прописана буква «б» (вначале как «д»).

Сравним графические данные указанных слов (см. Илл. 35–36):

одѣяломъ

Страница тетради: 212.1.4. С.99.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

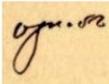
Тип текста: Скоропись

Часть речи: Имя существительное

Илл. 35. Слово «одѣяломъ» в почерке Достоевского

Fig. 35. The word "одѣяломъ" in Dostoevsky's handwriting

ознобъ

Страница тетради: 212.1.4. С.43.

Буква: Строчная

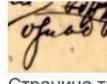
Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Часть речи: Имя существительное

Начало предложения.

ознобъ

Страница тетради: 212.1.4. С.46.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Часть речи: Имя существительное

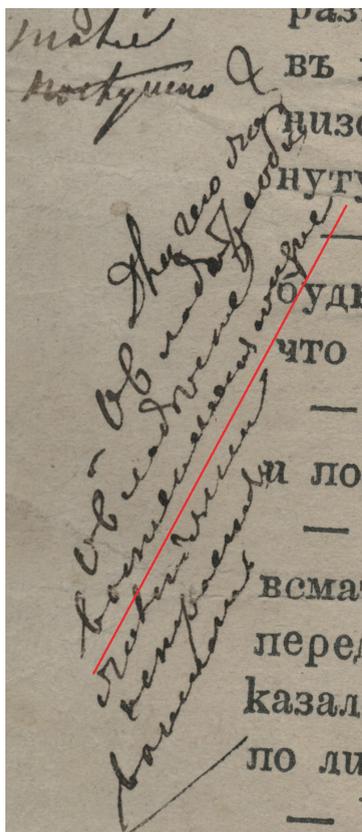
Илл. 36. Слово «ознобъ» в почерке Достоевского

Fig. 36. The word "ознобъ" in Dostoevsky's handwriting

Из этого сравнения следует, что заметка, сделанная в гранках, содержит слово «ознобъ» — в написании есть признаки соответствующих букв, в частности буквы «б».

Кроме того, прочтение «ознобъ» подтверждается самим текстом гранок: «Во мнѣ рождалось презрѣніе съ непомѣрною гадливостью за то какъ она бросилась послѣ всего въ уголъ и закрылась руками, меня взяло неизъяснимое бѣшенство, затѣмъ послѣдовалъ **ознобъ**; когда же подѣ утро сталь наступа<ть> жаръ меня опять одолѣлъ страхъ, но уже такой сильный что я никакого мученія не зналъ сильнѣй» (РГАЛИ. Ф. 212.1.10. С. 8) — и списка, куда, как известно, вошла часть правки Достоевского из гранок и где есть такие строки из соответствующей сцены визита Ставрогина в дом на Гороховой: «Воротясь я легъ весь въ **ознобъ**, но въ такой уже послѣдней степени страха, что пересталъ даже ненавидѣть дѣвочку» (ИРЛИ. Ф. 100. № 29443. Л. 19 об.).

Заметка на полях гранки 16 (15)²²: «— Овладейте собой, овладейте **воспламеняющими** желаніями и страстями вашими» (РГАЛИ. Ф. 212.1.10. С. 16 (15)) (см. Илл. 37).

Илл. 37. Написание «воспламеняющими»

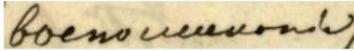
Fig. 37. The word “воспламеняющими”

²² Так в тексте: двойная нумерация с учетом пропущенной гранки.

ПСС-1: «**воспоминаниями**, желаниями» [ДЗО; т. 12: 133].

Словоформы «воспоминаниями» и «воспламеняющими» графически похожи, но отличаются и количеством букв, и нюансами их начертания. Сравним примеры из базы данных по почерку (см. Илл. 38–39):

воспоминаніе

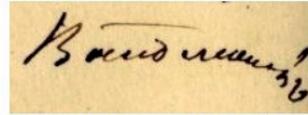
Страница тетради: 212.1.7. С.37.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Воспоминаніе

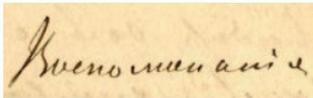
Страница тетради: 212.1.3. С.916.

Буква: Прописная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Воспоминанія

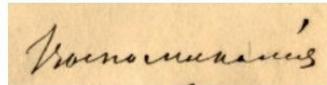
Страница тетради: 212.1.4. С.20.

Буква: Прописная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Воспоминанія

Страница тетради: 212.1.4. С.2.

Буква: Прописная

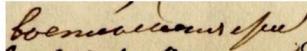
Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Илл. 38. Написание слова «воспоминаніе» в вариантах словоформ

Fig. 38. Forms variants of the word “воспоминаніе”

воспламеняется

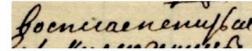
Страница тетради: 212.1.5. С.47.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

воспламениться

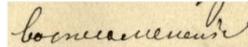
Страница тетради: 212.1.5. С.60.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

воспламенение

Страница тетради: 212.1.6. С.105.

Буква: Строчная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Часть речи: Имя существительное

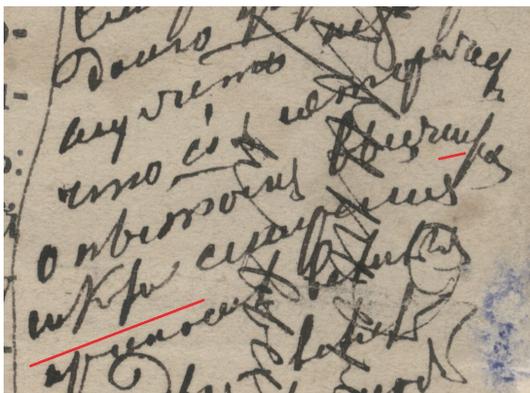
Илл. 39. Написание слова «воспламенение» и глагольных форм

Fig. 39. The word “воспламенение” and verb forms

Из примеров следует, что графическое отличие между написаниями заключается во второй букве «о» в слове «воспоминанія» — ее признаков нет в словоформе «воспламеняющими», где на ее месте находится «л». Заметно отличается в приведенных примерах написание конца слов: «-наніями» —

«-няющими». В наброске из гранок в записи наличествуют признаки букв «я» и «щ», что и позволило усомниться в правильности прочтения, предложенного в ПСС-1.

На полях этой же, 16-й (15-й), гранки есть еще один набросок, прочитанный неточно: «Смиренью нужно долго учиться. Неужто не знаете что сѣя исторически<мъ> опытомъ выжитая **школа** смиренія приносила великіе плоды — великихъ свѣтлыхъ людей<, > доставляла праведниковъ и побѣдителей. О, и не знаете чего достигли бы →» (РГАЛИ. Ф. 212.1.10. С. 16 (15)) (см. Илл. 40).

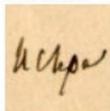
Илл. 40. Написание «школа»

Fig. 40. The word “школа”

ПСС-1: «выжитая **искра** смиренія» [Д30; т. 12: 133].

Примеры из базы данных по почерку Достоевского дают следующую информацию (см. Илл. 41–42):

Искра

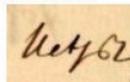
Страница тетради: 212.1.4. С.116.

Буква: Прописная

Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Искры

Страница тетради: 212.1.4. С.132.

Буква: Прописная

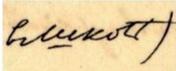
Тип записи: Полная

Тип текста: Скоропись

Илл. 41. Написания «Искра», «Искры»

Fig. 41. The words “Искра”, “Искры”

вѣшкольѣ)

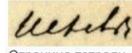
Страница тетради: 212.1.3. С.72.
 Буква: Строчная
 Тип записи: Полная
 Тип текста: Скоропись
 Слитная скоропись

школа

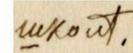
Страница тетради: 212.1.6. С.122.
 Буква: Строчная
 Тип записи: Полная
 Тип текста: Скоропись
 Часть речи: Имя существительное

школы

Страница тетради: 212.1.7. С.4.
 Буква: Строчная
 Тип записи: Полная
 Тип текста: Скоропись

школьѣ

Страница тетради: 212.1.5. С.27.
 Буква: Строчная
 Тип записи: Полная
 Тип текста: Скоропись

Илл. 42. Написание слова «школа» и его словоформ

Fig. 42. Forms variants of the word “школа”

Из этого сравнения написаний ясно, что по общему рисунку слова «искра» и «школа» действительно похожи, но основное различие заключается в начертании средней части слов и буквы «л», которая имеет верхний выносной элемент, отсутствующий, как правило, в букве «р». Прочтение наброска из гранок осложняется тем, что в слове «школа» лишь точно и полуovalом прописана буква «о», однако другие примеры написания этого слова свидетельствуют о том, что такой вариант был возможен.

Приведенный материал показывает, что составление базы данных по почерку Достоевского, как в скорописи, так и в каллиграфии, имеет несомненную практическую ценность и во многих случаях позволяет уточнить исследовательское прочтение записей в черновых текстах. Объем информации о почерке писателя, собранной к настоящему времени, превосходит и возможности, имевшиеся у самого ближайшего и непосредственного участника творческого процесса Достоевского — А. Г. Достоевской, которая переписывала многие его тексты и, в отличие от исследователей-публикаторов последующего времени, могла адресовать любые интересовавшие ее вопросы автору²³.

Сравнительный анализ данных по почерку выявляет нетипичность ряда написаний и способствует распознаванию неразборчивых записей. В каждом конкретном случае такого уточнения текста восстанавливается подлинный смысл написанного автором и нередко не только меняется наше представление о содержании ближайшего контекста анализируемой записи, но и, в случае уточнения новых имен, установления цитат, аллюзий, открываются неизвестные историко-литературные и биографические²⁴ параллели в творческой истории художественных замыслов писателя.

²³ Не стоит при этом недооценивать вклад А. Г. Достоевской в осмысление текстов писателя: не будучи исследователем, она тем не менее была очень внимательным читателем всего созданного Достоевским и безусловно владела многими ценными сведениями о принципах его творческой работы, а переписывая тексты Достоевского, соблюдала ряд правил их воспроизведения, которые свидетельствуют о несомненной внутренней установке на точность передачи авторского письма.

²⁴ См., например: [Тихомиров, 2018а, 2018b], [Тарасова, 2020, 2021].

Список литературы

1. Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: в 3 кн. СПб.: Квотам, 1994. Т. 3. 1344 с.
2. [Баршт К. А.] Рисунки. Каталог // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 17: Рисунки. С. 6–672.
3. [Баршт К. А.] Текстологическое исследование записных тетрадей Ф. М. Достоевского к роману «Бесы»: дипломатическая транскрипция / подгот. К. А. Баршт [и др.]. СПб.: Наука, 2021. 581 с. (Сер. «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре».)
4. [Гинзбург Л. Я., Вацуру В. Э.]. Поэты 1820–1830-х годов / вступ. ст. и общ. ред. Л. Я. Гинзбург. Л.: Сов. писатель, 1972. Т. 1 / биогр. справки, сост., подгот. текста и примеч. В. Э. Вацуру. 792 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. (Д30)
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. СПб.: Наука, 2013–2021-. Т. 1–10. (Д35)
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995–2015-. Т. 1–9, 11.
8. [Коншина Е. Н., Игнатова Н. И.] Записные тетради Ф. М. Достоевского, публикуемые центральным архивным управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР им. Ленина (тетради №№ 2 и 3) / подгот. к печати Е. Н. Коншиной, коммент. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. М.; Л.: Academia, 1935. 476 с.
9. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. СПб.: Акад. проект, 1999.
10. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. 727 с. (Литературное наследство; т. 83.) — (ЛН)
11. Панюкова Т. В. Уточнения к родословию Достоевских: семейство Михаила Михайловича (по материалам петербургского архива) // Неизвестный Достоевский. 2018. № 3. С. 129–179 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541066529.pdf (01.03.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3621
12. Тарасова Н. А. Текстологический анализ и новые факты истории текста (на материале рукописей Ф. М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 2 (10). С. 153–169.
13. Тарасова Н. А. Проблемы текстологии и поэтики романов Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы», «Подросток») // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С. 36–50.
14. Тарасова Н. А., Мбого И. А., Захаркина В. В. Новые методы изучения творческого наследия Ф. М. Достоевского: на материале цифрового архива писателя // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 3. С. 193–248 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1633701239.pdf (01.03.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5662
15. Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского (К проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя). Статья вторая // Неизвестный Достоевский. 2018. № 3. С. 56–105 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541001296.pdf (01.03.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3701 (a)
16. Тихомиров Б. Н. Неизвестный замысел критической статьи Ф. М. Достоевского о драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» // Неизвестный Достоевский. 2018. № 4. С. 3–16 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1544432389.pdf (01.03.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3741 (b)

17. Томашевский Б. В. Писатель и книга: очерк текстологии. М.: Искусство, 1959. 279 с.
18. Ф. М. Достоевский. Бесы: Роман. Т. 1 [и единственный] / ред., вступ. ст. и коммент. Л. П. Гроссмана; предисл. П. П. Парадизова, офорты С. М. Шор. М.; Л.: Academia, 1935. С. 453–488.
19. Ф. М. Достоевский. Исповедь Ставрогина: три ненапечатанные главы из романа «Бесы» / [предисл., подпись: В. К.]. München: Orchis-Verlag, 1922. 50 с.
20. [Фриче В. М.]. Исповедь Ставрогина. Три ненапечатанные главы из романа «Бесы» / публ. и примеч. В. М. Фриче // Документы по истории литературы и общественности. М.: Изд. Центрархива, 1922. Вып. 1. С. 3–44.

References

1. Babkin A. M., Shendetsov V. V. *Slovar' inoyazychnykh vyrazheniy i slov, upotreblyayushchikhsya v russkom yazyke bez perevoda: v 3 knigakh* [Dictionary of Foreign-Language Expressions and Words Used in the Russian Language Without Translation: in 3 Vols]. St. Petersburg, Kvotam Publ., 1994, vol. 3. 1344 p. (In Russ.)
2. Barsht K. A. Drawings. Catalogue. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 18 Vols]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2005, vol. 17, pp. 6–672. (In Russ.)
3. Barsht K. A. *Tekstologicheskoe issledovanie zapisnykh tetradey F. M. Dostoevskogo k romanu «Besy»: diplomaticheskaya transkriptsiya* [Textual Research of F. M. Dostoevsky's Notebooks to the "Demons" Novel: Diplomatic Transcription]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2021. 581 p. (Ser. "Sources and Methods in the Study of the Heritage of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture".) (In Russ.)
4. Ginzburg L. Ya., Vatsuro V. E. *Poety 1820–1830-kh godov* [Poets of the 1820s–1830s]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1972, vol. 1. 792 p. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.) — (D30)
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 35 Vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2021, vol. 1–10. (The Edition Continues). (In Russ.) — (D35)
7. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995–2015, vol. 1–9, 11. (The Edition Continues). (In Russ.)
8. Konshina E. N., Ignatova N. I. *Zapisnye tetradi F. M. Dostoevskogo, publikuemye Tsentral'nym arkhivnym upravleniem SSSR (tetradi №№ 1 i 4) i Publichnoy bibliotekoy SSSR imeni Lenina (tetradi №№ 2 i 3)* [F. M. Dostoevsky's Notebooks Published by the Central Direction of Archives of the USSR (Notebooks No. 1 and No. 4) and by the Lenin State Library of the USSR (Notebooks No. 2 and No. 3)]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 476 p. (In Russ.)
9. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. (In Russ.)
10. *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 gg.* [The Unpublished Dostoevsky: Notebooks and Workbooks of 1860–1881]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 727 p. (Ser. "The Literary Heritage"; vol. 83). (In Russ.) — (LN)
11. Panyukova T. V. Revision of the Dostoevsky Genealogy: Family of Mikhail Mikhailovich (Based on the Materials of St. Petersburg Archive). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown

- Dostoevsky*], 2018, no. 3, pp. 129–179. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541066529.pdf. (accessed on March 1, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3621 (In Russ.)
12. Tarasova N. A. Textual Analysis and New Facts for a History of the Text (on the Material of F. M. Dostoevsky's Manuscripts). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2020, no. 2 (10), pp. 153–169. (In Russ.)
 13. Tarasova N. A. Problems of Textual Criticism and Poetics of Fyodor Dostoevsky's Novels ("Crime and Punishment", "Demons", "The Adolescent"). In: *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Science]*, 2021, no. 3, pp. 36–50. (In Russ.)
 14. Tarasova N. A., Mbogo I. A., Zakharkina V. V. New Approaches to the Creative Heritage of F. M. Dostoevsky: Based on the Materials from the Writer's Digital Archive. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 193–248. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1633701239.pdf (accessed on March 1, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5662 (In Russ.)
 15. Tikhomirov B. N. Dostoevsky's Addresses and Addresses in Petersburg (On the Problem of Regional Commentary of Address Records of the Writer). Article Two. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 3, pp. 56–105. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541001296.pdf (accessed on March 1, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3701 (In Russ.) (a)
 16. Tikhomirov B. N. An Unknown Conception of Dostoevsky's Critical Essay About the Play "A Bitter Fate" by A. F. Pisemsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 4, pp. 3–16. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1544432389.pdf accessed on March 1, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3741 (In Russ.) (b)
 17. Tomashevskiy B. V. *Pisatel' i kniga: ocherk tekstologii [The Writer and the Book: An Essay on Textual Criticism]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1959. 279 p. (In Russ.)
 18. *F. M. Dostoevskiy. Besy: Roman [F. M. Dostoevsky. Demons: A Novel]*. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935, vol. 1, pp. 453–488. (In Russ.)
 19. *F. M. Dostoevskiy. Ispoved' Stavrogina: tri nenapechatannye glavy iz romana «Besy» [F. M. Dostoevsky. Stavrogin's Confession: Three Unpublished Chapters from the Novel "Demons"]*. München, Orchis-Verlag Publ., 1922. 50 p. (In Russ.)
 20. Friche V. M. Stavrogin's Confession. Three Unpublished Chapters from the Novel "Demons". In: *Dokumenty po istorii literatury i obshchestvennosti [Documents on the History of Literature and the Public]*. Moscow, Tsentrarkhiv Publ., 1922, issue 1, pp. 3–44. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тарасова Наталья Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8775-1434>; e-mail: nsova74@mail.ru.

Natalia A. Tarasova, PhD (Philology), Leading Researcher, the Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8775-1434>; e-mail: nsova74@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.04.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.06.2022

Принята к публикации / Accepted 25.06.2022

Дата публикации / Date of publication 08.07.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6102

EDN: WJRQAT

Каллиграфические элементы в почерке Достоевского как текстологическая проблема

Б. Н. Тихомиров

*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: btikhomirov@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается сложный случай установления статуса рукописи, написанной почерком с элементами каллиграфии, когда затруднительно определить, что перед нами: беловой автограф или писарская копия? Предметом текстологического анализа стала рукопись первой «сибирской оды» Достоевского «На европейские события в 1854 году», при публикации которой в нескольких авторитетных изданиях по-разному решался поставленный вопрос. В академическом Полном собрании сочинений Достоевского (в 1-м и 2-м изданиях) рукопись стихотворения, хранящаяся в ГА РФ (фонд III Отделения), квалифицирована, хотя и не без колебаний, как беловой автограф. В петрозаводском Полном собрании сочинений («Канонические тексты») статус рукописи определен как писарская копия. В статье показано, что расхождение в выводе авторитетных текстологов обусловлено уникальностью данной рукописи, написанной особой разновидностью почерка с элементами каллиграфии, в котором многие начертания букв ориентированы на образцы, закрепленные в учебных прописях 1830–1850-х гг. При установлении статуса рукописи использована методика двойного сопоставления почерка, которым она написана: с одной стороны, с каллиграфическими записями из рабочих тетрадей Достоевского 1860-х гг., с другой — с образцами из учебных прописей. Это позволило выявить ряд индивидуальных черт, присущих писателю именно в версии почерка с элементами каллиграфии, прежде всего в начертаниях прописных букв, и твердо установить, что перед нами беловой автограф. Одновременно анализ почерка позволил сделать заключение об особом психологическом состоянии Достоевского, в котором он находился в апреле 1854 г., через три месяца после выхода из острога, когда им писалась рукопись патриотического стихотворения «На европейские события в 1854 году», предназначенная для отправки официальным путем в столицу с надеждой на публикацию в «С.-Петербургских ведомостях».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «На европейские события в 1854 году», текстология, атрибуция, почерк, каллиграфия, беловой автограф, писарская копия, учебные прописи

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 21-18-00333 [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00333/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Тихомиров Б. Н. Каллиграфические элементы в почерке Достоевского как текстологическая проблема // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 2. С. 37–57. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6102. EDN: WJRQAT

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6102

EDN: WJRQAT

Calligraphic Elements in Dostoevsky's Handwriting as a Textological Problem

Boris N. Tikhomirov

*The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: btikhomirov@rambler.ru

Abstract. The article deals with a difficult case of establishing the status of a manuscript written with elements of calligraphy, which makes it difficult to determine whether it is a fair copy or a clerical copy. The object of textual analysis was the manuscript of Dostoevsky's first "Siberian ode" "On European Events in 1854," the publication of which in several authoritative periodicals addressed the issue in different ways. In the academic Complete Works of Dostoevsky (1st and 2nd editions), the manuscript of the poem, which is stored in the State Archives of the Russian Federation (fund of the III Department), is qualified as a fair copy, although not without hesitation. In the Petrozavodsk Complete Collected Works ("Canonical Texts"), the status of the manuscript is established as a clerical copy. The article shows that the discrepancy in the conclusions of authoritative textual critics is due to the uniqueness of this manuscript, which is written in a special type of handwriting with elements of calligraphy, where numerous letter styles comply with the patterns recorded in the educational copybooks of the 1830–1850s. When establishing the status of the manuscript, the method of double comparison of the handwriting used, on the one hand, with calligraphic notes from Dostoevsky's 1860s workbooks, and on the other hand, with samples from educational copybooks. This allowed to identify a number of individual features characteristic of the writer in the handwriting version with elements of calligraphy, primarily in the inscriptions of capital letters, and to firmly establish that it is a fair copy. At the same time, handwriting analysis allowed to draw a conclusion about Dostoevsky's special psychological state in April 1854, three months after he came out of prison. At that time he was working on the manuscript of the patriotic poem "On European Events in 1854," intended for sending by official means to the capital with the hope of being published in "St. Petersburg Vedomosti".

Keywords: F. M. Dostoevsky, poem "On European events in 1854", textual criticism, attribution, handwriting, calligraphy, fair copy, clerical copy, educational copybooks

Acknowledgement. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-18-00333. Available at: <https://rscf.ru/project/21-18-00333/>, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Tikhomirov B. N. Calligraphic Elements in Dostoevsky's Handwriting as a Textological Problem. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 37–57. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6102. EDN: WJRQAT (In Russ.)

1

В последнее время в работах специалистов, занимающихся вопросами текстологии рукописного наследия Достоевского, проявилось устойчивое внимание к системному изучению особенностей почерка писателя. Разновидности почерка Достоевского анализируются и описываются в широком диапазоне от черновой скорописи до каллиграфии, отслеживаются

хронологическая изменяемость и контекстуальная вариативность начертаний прописных и строчных букв, сделаны первые шаги по созданию графической «азбуки» Достоевского. Большое внимание этой проблематике уделяется и в электронном журнале «Неизвестный Достоевский», предоставляющем исключительные возможности для иллюстрационного сопровождения такого рода исследований¹.

В то же время приходится констатировать, что конкретные текстологические исследования ведутся на этом поле преимущественно в отношении черновой скорописи Достоевского в его записных книжках и тетрадях, в подготовительных материалах к художественным и публицистическим произведениям. Последнее обстоятельство вполне оправданно, поскольку системное аналитическое внимание к особенностям почерка Достоевского сопровождается в упомянутых исследованиях критическим пересмотром существующих публикаций рукописного наследия писателя и внесением многочисленных уточнений и исправлений, иногда в высшей степени существенных, в издания материалов творческой лаборатории Достоевского, подготовленные в предшествующие десятилетия, в том числе и в составе 1-го академического Полного собрания сочинений писателя, вышедшего в 1972–1990 гг.² (далее — *Д30*).

Гораздо меньше внимания уделяется особенностям почерка Достоевского в каллиграфических записях на страницах рабочих тетрадей, а также в черновых набросках и белых автографах, записанных «почерком с элементами каллиграфии»³. Эпоха невнимания публикаторов творческих рукописей Достоевского к каллиграфическим записям писателя, которые, за единичными исключениями, не были опубликованы даже в 1-м академическом Полном собрании сочинений писателя, осталась в прошлом отечественной достоевистики. В 2005 г. К. А. Барштом был подготовлен и опубликован почти исчерпывающий каталог рисунков и каллиграфий Достоевского, включающий более 650 фотовоспроизведений страниц из рукописного наследия писателя (см.: [Баршт: 9–672]). В последующие годы вопрос о значимости каллиграфических записей Достоевского и необходимости их публикации и изучения неоднократно поднимался в исследовательской литературе (см., напр.: [Тихомиров, 2010: 103–104]). В новом академическом Полном собрании сочинений писателя (далее — *Д35*), которое выходит с 2013 г., каллиграфические записи, соседствующие на одних и тех же страницах с творческими набросками Достоевского, начали регистрироваться —

¹ См., напр.: [Тарасова, Заваркина, Панюкова, 2018], [Заваркина, Панюкова, Тарасова, 2019], [Тарасова, Панюкова, 2020] и др.

² См., напр.: [Тарасова, 2011, 2020а, 2020б, 2021а, 2021б].

³ Использую здесь терминологию, употребляемую в работах Н. А. Тарасовой, в частности — в статьях, опубликованных в «Неизвестном Достоевском» (см.: [Тарасова, Панюкова, 2020: 224–231, 233–237, 273, 275, 280]), а также в последних томах нового академического Полного собрания сочинений Достоевского (см., например: [Д35; т. 9: 113, 117, 118 и др.]).

сначала спорадически (см.: [Д35; т. 5: 357–358])⁴, затем более полно (см.: [Д35; т. 7: 6, 12, 21, 23, 40, 42 и др.]) и, наконец, с исчерпывающей полнотой, включая недописанные слова и даже отдельные каллиграфически выписанные буквы (см.: [Д35; т. 9: 109, 113, 117, 119–129, 132 и др.]); в затекстовых примечаниях прокомментированы имена собственные, географическая номенклатура, каллиграфические записи на иностранных языках и некоторые другие.

Однако графический облик каллиграфических записей Достоевского по большей части оставлен в публикации Д35 без описания и характеристики. Да это и весьма сложно было осуществить в рамках академического издания. Больше, что *технически* возможно было сделать публикаторам (и последовательно осуществлено в 9-м и 11-м томах Д35), — отметить в примечаниях различие между «каллиграфическими прописями»⁵ и записями, сделанными «почерком с элементами каллиграфии» (нигде, однако, не оговорив «демаркационную линию» между двумя этими типами почерков).

Академическое Полное собрание сочинений Достоевского — явно не та форма, в которой было бы удобно заниматься описанием формального своеобразия каллиграфических записей писателя. Но и в Интернет-публикациях исследований, посвященных изучению особенностей почерка Достоевского (в частности, в статьях из «Неизвестного Достоевского»), графическим особенностям каллиграфии писателя до сих пор не было уделено достаточного внимания. Можно предположить, что это отчасти обусловлено определенной недооценкой *практической значимости* такого рода штудий.

Выше я уже подчеркнул, что тщательное изучение и описание скорописи Достоевского позволило современным текстологам сделать множество уточнений относительно прежних публикаций рукописного наследия писателя, прочитать целый ряд «темных мест», оставленных их предшественниками неразобранными, и т. п. Однако в отношении каллиграфических записей сложилось представление, что в силу четкости почерка, однотипности начертаний большинства букв и т. д. проблем с их прочтением практически не существует. В целом это действительно так. Однако и здесь есть свои «подводные камни».

В отличие, например, от официальных документов, написанных почерком с элементами каллиграфии, в которых Достоевский вполне определенно ориентируется на существующие в учебных прописях образцы, но избирает

⁴ Здесь напечатаны в *составе* набросков к неосуществленным замыслам «Брак» и «<Ростовщик>» каллиграфически записанные слова «Острота» и «Lerminier»; зачеркнутые слова: «Острота» и «Reymondin» отмечены в подстрочных примечаниях. Имена собственные «Lerminier» и «Reymondin» прокомментированы в примечаниях (см.: [Д35; т. 5: 606–607]). Каллиграфические записи, сделанные на полях страниц с подготовительными материалами к повести «Крокодил», в издании не отражены.

⁵ Еще одно терминологическое определение, принятое в новом академическом Полном собрании сочинений Достоевского (см., напр.: [Д35; т. 9: 119, 120–129, 132]). Определение это представляется не вполне удачным.

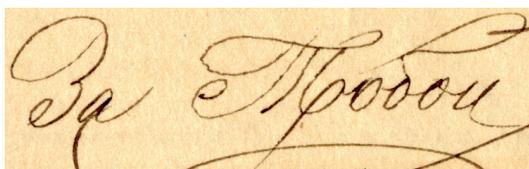
«аскетический стиль», в значительной степени редуцируя экспрессивные элементы в части росчерков и петель, — в каллиграфических записях, сделанных «для себя», среди материалов творческой лаборатории, он, наоборот, зачастую увлекается гипертрофированными начертаниями тех или иных частей букв (опять же главным образом прописных), создавая свои индивидуальные вариации каллиграфического почерка. См., например:

Прописные буквы «Н», «Х» и латинская «V» в записных тетрадах Достоевского РГАЛИ.
Ф. 212.1.5. С. 47 (1), 86 (2); Ф. 212.1.6. С. 25 (3)

Capital letters “H” (1), “X” (2) and Latin “V” (3) in Dostoevsky’s notebooks

Но даже и тогда, когда Достоевский ориентируется на стандартные начертания букв, закрепленные в учебных прописях и каллиграфических пособиях эпохи, не увлекаясь чрезмерно гипертрофией экспрессивных элементов, возможны случаи, когда без знания особенностей его каллиграфического почерка у публикаторов возникают сложности с прочтением некоторых каллиграфических записей в рабочих тетрадах писателя. Выразительный пример представляет запись в тетради РГАЛИ, ф. 212.1.3 среди подготовительных материалов к «Преступлению и наказанию». См.:

Запись «За Тобой» в записной тетради Достоевского
РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 118

The entry “Za Toboy” [“Behind You”] in Dostoevsky’s notebook

Начертание заглавной буквы «Т» в этой каллиграфической записи сопровождается характерной петлей (или завитком) со штрихом, продолженным вниз, в завершающем элементе буквы. В каллиграфических записях Достоевского этот экспрессивный элемент встречается не однажды, причем так же, как и в данном случае, не только при изолированном написании заглавной буквы, но и в составе слова. (Кстати, подобное начертание можно найти и в учебных прописях эпохи Достоевского.) Однако не только в первой публикации этой каллиграфической записи (см.: [Баршт: 39, № 31]), но и в новейшем академическом Полном собрании сочинений писателя запись «За Тобой» ошибочно прочтена как «За Пробой» (нижняя экспрессивная петля в завершающей части буквы «Т» воспринята текстологами

как самостоятельная строчная буква «р»). Причем в последнем случае публикатор в примечаниях даже предпринимает попытку связать эту каллиграфическую запись с окружающим контекстом творческих набросков к «Преступлению и наказанию», в частности вспомнив «пробу», на которую в начале романа идет Родион Раскольников (см.: [Д35; т. 7: 172, 777]).

Отдельного упоминания требует проблема прочтения каллиграфических записей Достоевского, записанных на иностранных языках (французском, итальянском, немецком, латыни), которых особенно много в рабочих тетрадях писателя времени пребывания в Западной Европе (1867–1871), среди подготовительных материалов к романам «Идиот» и «Бесы». Без предварительного составления «азбуки» буквенных начертаний Достоевского на латинице здесь легко допустить ошибки в прочтении каллиграфических записей, особенно если не задаваться вопросом о смысле этих написаний. Каталог рисунков и каллиграфий Достоевского, составленный К. А. Барштом [Баршт: 9–672], дает богатый материал для анализа данной проблемы (примеры см.: [Тарасова, Кибальник, Тихомиров, Захаров: 180–182, 185–186]).

Особая проблема, на которой хотелось бы остановиться более подробно и которая ранее не была затронута в работах по текстологии Достоевского, — это вопрос атрибуции рукописей, содержащих произведения писателя, которые написаны каллиграфическим почерком или почерком с элементами каллиграфии. С сугубой остротой эта проблема встает в отношении рукописей, которые сохранились вне основного массива автографов Достоевского, собранных вдовой писателя А. Г. Достоевской, — прежде всего тех, которые по тем или иным причинам отложились в фондах III Отделения и/или Военного министерства и хронологически главным образом относятся ко времени пребывания писателя в Сибири.

Суть проблемы заключается в том, что представляет известную сложность (и это подтверждается конкретной текстологической и эдиционной практикой) различие *писарских копий* и *беловых автографов* произведений и некоторых иных текстов Достоевского, когда они написаны рукой, владеющей навыками каллиграфического письма. Достоевский, что уже не однажды отмечалось, блестяще владел такими навыками (в период пребывания в Омском остроге он даже некоторое время выполнял обязанности писаря в канцелярии инженерного управления; см.: [Мартьянов: 342–343], также: [Д35; т. 4: 238]), причем в его рукописном наследии можно найти записи, как являющиеся строго каллиграфическими, так и выполненные почерком с элементами каллиграфии — скажем, с воспроизведением стандартных начертаний отдельных букв, но без специфического нажима или с индивидуальными вариациями в конфигурации некоторых, особенно прописных букв. В писарских копиях, в большинстве случаев, следование каллиграфическим правилам соблюдается более строго, но и в них нередки индивидуальные отступления от общепринятых стандартов. В результате без специального системного рассмотрения графики

такого рода документов с одновременным привлечением данных учебных прописей и каллиграфических пособий, по которым обучались современники Достоевского, отличить *автограф* писателя, написанный почерком «с оглядкой» на каллиграфические образцы, и *писарскую копию* в ином случае бывает затруднительно. Тому можно привести выразительные примеры.

2

Так, в частности, вызывает определенные затруднения установление статуса рукописи стихотворения «На европейские события в 1854 году» (далее сокращенно — *1854*). Укажу, что в существующих авторитетных описаниях рукописного наследия Достоевского рукопись *1854* определяется как «беловой автограф» ([Нечаева: 99], [Андрианова: 161]). Также и в двух академических публикациях стихотворения в составе Полного собрания сочинений Достоевского в текстологических преамбулах к примечаниям указано: «Печатается по беловому автографу» [*Д30*; т. 2: 519], [*Д35*; т. 2: 724]. Исходя из этих данных, перед нами *самый ранний* сохранившийся в полном объеме творческий автограф писателя, чем определяется его первостепенное значение. Место хранения автографа: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109 (III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии), 1 экспедиции. Оп. 24, 1849 г. № 214: «*По разысканию Липранди и донесению Антонелли, о Буташевичъ-Петрашевскомъ и его сотоварищахъ*». Ч. 13^а: «*Объ инженеръ Поручикъ Фёдоръ Достоевскомъ*»⁶.

Однако в других не менее авторитетных публикациях статус рукописи *1854* определяется иначе. Например, в текстологической преамбуле к публикации в петрозаводском Полном собрании сочинений Достоевского, издающемся в авторской орфографии и пунктуации, в качестве источника текста *1854* указана «писарская копия» [Ө. Д.; т. 3: 848]; так же: [*Д18*; т. 3: 619].

Причем ситуация осложняется еще двумя обстоятельствами. В 1-м академическом издании Достоевского в качестве иллюстрации воспроизведена первая страничка рукописи *1854* с подписью, противоречащей данным текстологической преамбулы: «На европейские события в 1854 году». **Писарская копия.** Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва)» [*Д30*; т. 2: 406]. Судя по всему, у редакции *Д30*, очевидно, были колебания в определении статуса этой рукописи: в подписи

⁶ Отмечу, что за исключением новейшего описания рукописей Достоевского шифр архивного хранения этого автографа указан с вопиющими ошибками: 1) «ЦГИА. Ф. III отд. I эксп. 214/13» [Нечаева: 99] (должно быть: ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в г. Москва, позднее влившийся в ЦГАОР СССР, ныне ГА РФ; Ф. 109 (III отделения)); 2) «ЦГАОР, ф. III, отд. I, эксп. 214/13» [*Д30*; т. 2: 519]; 3) «ГА РФ. Ф. III, отд. 109, 1 эксп., 1849, № 214, ч. 13» [*Д35*; т. 2: 724]. В последних двух случаях название фонда (III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии) превратилось в его номер (Ф. III), а также возникло фантомное указание на некое «отделение» («отд. I» и «отд. 109»).

к иллюстрации отразилось первоначальное решение, в текстологической преамбуле к примечаниям — окончательное.

Усугубляет проблемный характер ситуации и то обстоятельство, что во всех указанных изданиях рукопись третьей «сибирской оды» Достоевского «Умолкла грозная война»⁷ (далее — 1856), написанная *схожим почерком* с рукописью 1854, последовательно охарактеризована как «писарская копия» (см.: [Д30; т. 2: 520], [Д35; т. 2: 731], [Ө. Д.; т. 3: 849], [Д18; т. 3: 620], [Андрианова: 162]). Так статус рукописи 1856 был обозначен еще при ее первой публикации (см.: [Гроссман: 735]). В «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» под редакцией В. С. Нечаевой стихотворение 1856 вообще не упоминается, ибо в этом издании зарегистрированы только *автографы* писателя (следовательно, по умолчанию и здесь рукопись 1856 тоже расценена как «писарская копия»).

Налицо серьезная текстологическая проблема, которая требует тщательного рассмотрения рукописи 1854 (а затем, по результатам анализа, возможно, и рукописи 1856⁸).

Уже при первоначальном ознакомлении с рукописью 1854 возникают сомнения, что перед нами действительно *писарская копия*, то есть список с автографа, сделанный *профессиональным писарем*. В архивном деле из фонда III отделения, в составе которого она находится, содержится большое количество документов, написанных профессиональными делопроизводителями — писарями с твердо поставленными почерками, тяготеющими к каллиграфическому письму⁹. Рукопись первой «сибирской оды» Достоевского разительно от них отличается, так же как она отличается от «писарской копии» (со всеми присущими этому роду документов приметами) второй «сибирской оды» ссыльного писателя — «На 1-е Июля 1855 года»¹⁰. Рукопись 1854 написана каким-то «анемичным» почерком — практически без нажима, с одинаковой толщиной основных и вспомогательных штрихов

⁷ В академическом Полном собрании сочинений Достоевского без крайней необходимости стихотворению дано условное редакционное название «<На коронацию и заключение мира>» [Д30; т. 2: 409, 520]. Под этим названием оно напечатано и в последующих изданиях — см.: [Ө. Д.; т. 3: 46, 849], [Д18; т. 3: 13, 620], [Д35; т. 2: 401, 731], а также зарегистрировано в изд. [Андрианова: 162].

⁸ Рукопись хранится: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 291. № 45. Л. 25–27.

⁹ Один из таких документов воспроизведен в качестве иллюстрации на страницах Д30; под иллюстрацией сделана подпись: «Письмо подполковника Белихова к Л. В. Дубельту по поводу стихотворения Достоевского “На европейские события в 1854 году”» [Д30; т. 2: 404]. Однако эта подпись является грубой ошибкой: на иллюстрации воспроизведена первая страница отношения штаба Отдельного Сибирского корпуса управляющему III Отделением, подписанного начальником штаба генерал-лейтенантом И. А. Яковлевым (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 24. № 214, ч. 13. Л. 14–14 об.). Документ подготовлен 26 июня 1854 г. в Омске и не позволяет составить представление (как может показаться) о почерке писаря в канцелярии Сибирского № 7 линейного батальона, расквартированного в Семипалатинске (командир подполковник Д. И. Белихов).

¹⁰ Хранится: РГВИА. Ф. 395. Оп. 291. № 45. Л. 9–11 об.

(в то время как писарским рукописям по большей части присущ характерный, требуемый каллиграфическими правилами нажим на основных, пишущихся сверху вниз вертикальных штрихах), зачастую дрожащей рукой (что хорошо заметно при увеличении). При этом целый ряд букв, особенно заглавных, заметно отличается по конфигурации от «стандартов», закрепленных в учебных прописях и пособиях по каллиграфии, по которым велось обучение, в том числе и профессиональных писарей. Встречающаяся в рукописи 1854 существенная вариативность начертаний ряда букв (опять прежде всего прописных) тоже не характерна для твердо поставленного писарского почерка.

Однако сомнение в том, что рукопись стихотворения «На европейские события в 1854 году» написана писарской рукой, вовсе не означает (автоматически, от противного), что перед нами *автограф Достоевского*, — как заключают, например, публикаторы Д30 и Д35. Тут требуется тщательная текстологическая экспертиза и прежде всего сопоставление с другими автографами Достоевского. Хотя рукопись 1854 написана явно не писарской рукой, тем не менее начертания многих букв, особенно прописных, ориентированы на стандарты каллиграфического письма, как они представлены в многочисленных изданиях учебных прописей, пособий по чистописанию и каллиграфических тетрадей 1830–1850-х гг.¹¹ Поэтому в первую очередь сопоставление должно проводиться с беловыми автографами Достоевского, рукописями, написанными «почерком с элементами каллиграфии» (как такой тип почерка определяется в Д35), а также с каллиграфическими записями на страницах его рабочих тетрадей (о последних подробнее см.: [Тарасова, Панюкова, 2020]).

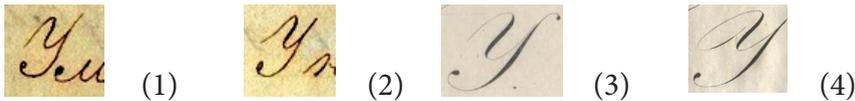
Тут, однако, необходима важная оговорка. Творческие рукописи писателя второй половины 1840-х гг. до нас не дошли. Два листочка с текстом ранней редакции «Неточки Незвановой» и несохранившегося рассказа «Домовой» написаны *скорописью*, где совсем иные начертания букв. То же надо сказать и о ближайшей по времени к стихотворению «На европейские события в 1854 году» Сибирской тетради Достоевского (подробнее см.: [Тарасова, Заваркина, Панюкова, 2018]). Эпистолярные тексты к большинству корреспондентов, как правило, также писались *скорописью*. Так что ближайших по времени к рукописи 1854 материалов для сопоставления почти нет.

И все-таки попробую предпринять текстологический анализ, используя творческие рукописи Достоевского более позднего времени. Если перед нами все-таки автограф писателя (не будем заранее зарекаться), то хотя бы некоторые индивидуальные особенности его почерка должны были бы сохраниться неизменными и спустя годы и даже десятилетия. Тут, впрочем,

¹¹ См.: (Бриф, 1831), (Гиллис, 1843), (Богданов, 1844), (Бриф, 1852) и др. Здесь и далее в круглых скобках приводятся издания из списка *Источники*.

для ответственного заключения необходимы не одно-два, а значительный объем сопоставлений. И именно по графическим признакам, которые могут быть квалифицированы как индивидуальные.

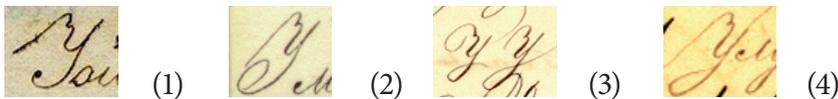
Начну с одного — хотя и периферийного, но, как представляется, значимого — наблюдения. Выше уже было отмечено, что в рукописи 1854 начертание целого ряда букв вариативно. В качестве примера приведу прописную букву «У», которая в тексте первой «сибирской оды» встречается трижды. В двух случаях ее написание лишено индивидуальных примет, типично для почерков, которые ставились в учебных заведениях эпохи Достоевского (для сравнения приведу вариант написания из учебных прописей 1830–1850-х гг.).

Прописная буква «У» в рукописи Достоевского 1854 (1, 2)
и в учебных прописях 1830–1850-х гг. (3, 4)

The capital letter “U” in 1854 Dostoevsky’s manuscript (1, 2)
and in the cursive workbooks of the 1830–1850s (3, 4)

Третий случай в написании слова «Ужъ» отличается от первых двух характерным «сдвигом» в верхней начальной части буквы. И *точно такой же* «сдвиг» обнаруживается в начертаниях прописных букв «У» в рабочих тетрадях Достоевского середины — второй половины 1860-х гг. (при том, что другие элементы в начертании «У» выглядят существенно иначе).

Прописная буква «У» в рукописи 1854 (1)
и в рабочих тетрадях Достоевского РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 88 (2); Ф. 212.1.6. С. 127 (3, 4)
The capital letter “U” in 1854 Dostoevsky’s manuscript (1) and notebooks (2–4)

Это, казалось бы, мелочь, но — являющаяся резко *индивидуальной приметой*. Она заставляет присмотреться и к другим характерным начертаниям рукописи 1854.

Может быть, не столь выразительно, но также дает материал к заключению о рукописи 1854 как автографе самого писателя начертание прописной буквы «А», также встречающейся в тексте стихотворения трижды. Ограничусь наблюдением над отдельно стоящим в начале строки союзом «А». В учебных прописях эпохи Достоевского в начертании прописной буквы «А» вертикально ориентированные штрихи сходятся только в самой верхней точке, сохраняя расстояние меж собою вплоть до вершины. В рукописи 1854 во

всех трех случаях вертикальные штрихи сходятся гораздо раньше, продолжая движение к вершине единой линией. *Точно такую же* конфигурацию мы вновь не однажды находим в рабочих тетрадях Достоевского 1860-х гг. Характерная петля в завершающей части прописной буквы «А» дополнительно усиливает впечатление близости начертаний (вновь при вариативности ряда других элементов).

Прописная буква «А» в учебных прописях (1, 2),
в рукописи Достоевского 1854 (3) и в записной тетради РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 74 (4, 5)
The capital letter “A” in the cursive workbooks (1, 2),
in 1854 Dostoevsky’s manuscript (3) and his notebook (4, 5)

Сходным образом соотносятся в рукописи 1854 и в рабочих тетрадях Достоевского прописные буквы «М» и «Л», так же отличаясь от образцов в учебных прописях.

Прописная буква «М» в учебных прописях 1830–1850-х гг. (1, 2), в рукописи 1854 (3)
и в рабочих тетрадях Достоевского РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 35 (4); Ф. 212.1.7. С. 107 (5)
The capital letter “M” in the cursive workbooks of the 1830–1850s (1, 2)
and in 1854 Dostoevsky’s manuscript (3) and notebooks (4, 5)

Причем, кроме характерного слияния вертикальных штрихов в левой части буквы «М» (аналогичного начертанию прописной буквы «А»), стоит обратить внимание и на вспомогательный штрих, образующий соединение двух основных вертикальных штрихов: в прописях он уходит круто вверх, в примерах 3–5 с плавным закруглением примыкает к нижней части второго основного вертикального штриха. Это наблюдение еще более усиливает впечатление, что стихотворение «На европейские события 1854 года» написано рукою Достоевского.

Прописная буква «Р», встречающаяся в рукописи 1854 десять раз, в целом близка образцам из учебных прописей, но обладает одной устойчиво повторяющейся деталью: в ее начертании предельно минимизирована правая петля и гипертрофированно увеличена петля левая. Ср.:

Прописная буква «Р» в учебных прописях 1830–1850-х гг. (1, 2)
и в рукописи Достоевского 1854 (3, 4, 5)
The capital letter “P” in the cursive workbooks of the 1830–1850s (1, 2)
and in 1854 Dostoevsky’s manuscript (3, 4, 5)

Ту же выраженную тенденцию мы вновь находим в рабочих тетрадях Достоевского 1860-х гг. См.:

Прописная буква «Р» в рабочих тетрадях Достоевского
РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 2 (1), 24 (2); Ф. 212.1.6. С. 136 (3, 4); Ф. 212.1.7. С. 110 (5)
The capital letter “P” in Dostoevsky’s notebooks

Вообще надо отметить, что гипертрофия верхней левой петли в прописных буквах «Б», «В», «Г», «П», «Т», особенно бросающаяся в глаза в сопоставлении с образцами из учебных прописей, — это тоже устойчивая индивидуальная черта каллиграфического письма Достоевского. И она широко представлена в рукописи 1854. Ср.:

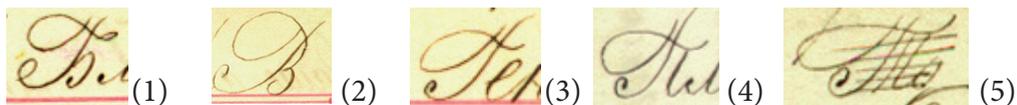

Образцы из каллиграфических пособий 1830–1850-х гг.
Samples from calligraphy manuals of the 1830–1850s

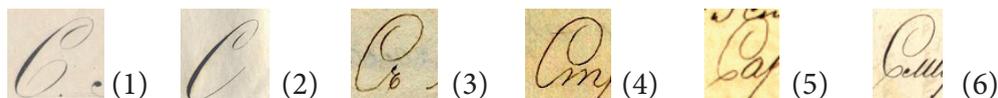
Прописные буквы «Б», «В», «Г», «П», «Т» в рукописи Достоевского 1854
Capital letters “B”, “V”, “G”, “P”, “T” in 1854 Dostoevsky’s manuscript

Причем отмечу, что в начертании прописной буквы «В» гипертрофия левой верхней петли также сопровождается уменьшением петли правой, как это имело место в начертании прописной буквы «Р». И близкие конфигурации данных элементов мы вновь находим в рабочих тетрадях Достоевского 1860-х гг. Ср.:

Прописные буквы «Б», «В», «Г», «П», «Т» в записной тетради Достоевского
РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 108 (1), 45 (2), 35 (3), 23 (4), 138 (5)
Capital letters “B”, “V”, “G”, “P”, “T” in Dostoevsky’s notebook

Гипертрофию верхней петли, только ориентированной не по горизонтали (как в приведенных выше примерах), а по вертикали, мы также находим в начертании прописной буквы «С». И вновь — как в рукописи 1854, так и в рабочих тетрадях Достоевского 1860-х гг. Ср.:

Прописная буква «С» в учебных прописях (1, 2),
в рукописи Достоевского 1854 (3, 4)
и в рабочих тетрадях РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 124 (5); Ф. 212.1.7. С. 97 (6)
The capital letter “C” in the cursive workbooks (1, 2),
in 1854 Dostoevsky’s manuscript (3, 4) and in his notebooks (5, 6)

После приведенных наблюдений можно, наверное, уже без комментариев привести наблюдения еще над некоторыми прописными буквами в рукописи 1854 и в рабочих тетрадях Достоевского. Ср.:

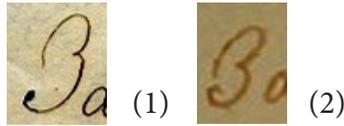

Прописная буква «З» в учебных прописях 1830–1850-х гг. (1, 2),
в рукописи Достоевского 1854 (3, 4)
и в рабочих тетрадях РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 118 (5); Ф. 212.1.6. С. 99 (6)
Capital letter “Z” in the cursive workbooks of the 1830–1850s (1, 2),
in 1854 Dostoevsky’s manuscript (3, 4) and in his notebooks (5, 6)

Здесь мы вновь наблюдаем гипертрофию верхней петли — теперь у прописной буквы «З» — как в рукописи 1854, так и в рабочих тетрадях Достоевского 1860-х гг.

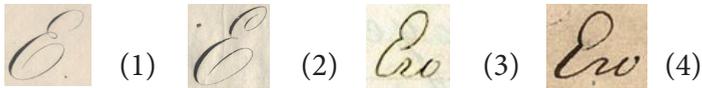
Любопытно, однако, что прописная «З» варьируется в рукописи первой «сибирской оды», утрачивая приметы каллиграфического письма, сбиваясь на начертание, характерное для скорописи. Как отмечено ранее, это в высшей степени не характерно для писарского почерка с его последовательной однотипностью начертаний одних и тех же букв. И здесь мы тоже обнаруживаем близкое соответствие, например, со скорописью Сибирской тетради Достоевского, датированной серединой 1850-х гг.¹² Ср.:

¹² Хранится: Российская государственная библиотека. Ф. 93.1.2.5.

Прописная буква «З» в рукописи Достоевского 1854 (1)
и в Сибирской тетради, № 209 (2)
The capital letter “З” in 1854 Dostoevsky’s manuscript (1)
and in the Siberian Notebook, No. 209 (2)

Аналогичное наблюдение можно сделать и над прописной буквой «Е», которая также сбивается в рукописи 1854 на вариант, более характерный для скорописи, но близкий к которому вновь находим в беловом автографе официального документа сибирского периода — на этот раз в рапорте Достоевского подполковнику Д. И. Белихову от 27 июля 1857 г.¹³ Ср.:

Прописная буква «Е» в учебных прописях (1, 2),
в рукописи Достоевского 1854 (3) и в рапорте 1857 г. (4)
The capital letter “Е” in the cursive workbooks (1, 2),
in 1854 Dostoevsky’s manuscript (3) and in the 1857 report (4)

Вообще надо отметить, что если в целом рукопись 1854 можно охарактеризовать, хотя и с известными оговорками, как написанную почерком с элементами каллиграфии, то, с другой стороны, в ней встречается определенное количество букв, начертания которых значительно отличаются от образцов, закрепленных в учебных прописях и пособиях по каллиграфии. Причем в данном случае речь идет уже не об индивидуальных вариациях и трансформациях каллиграфических «стандартов», а о существенном отступлении от традиции каллиграфического письма, о редукции ряда обязательных элементов каллиграфических начертаний (в том числе и по отношению к каллиграфическим записям самого Достоевского, например, в рабочих тетрадях 1860-х гг.). Это можно продемонстрировать на примере прописных букв «И», «К», «Н», которые достаточно частотны в рукописи 1854.

Прописная буква «И» в учебных прописях (1, 2)
и в рукописи Достоевского 1854 (3, 4, 5)
The capital letter “И” in the cursive workbooks (1, 2)
and in 1854 Dostoevsky’s manuscript (3, 4, 5)

¹³ Хранится: Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского города Семей. ГИК 221. Р-1-26.

Прописная буква «К» в учебных прописях (1, 2)
и в рукописи Достоевского 1854 (3, 4, 5)
The capital letter “K” in the cursive workbooks (1, 2)
and in 1854 Dostoevsky’s manuscript (3, 4, 5)

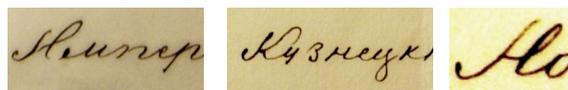
Прописная буква «Н» в учебных прописях (1, 2)
и в рукописи Достоевского 1854 (3, 4, 5)
The capital letter “H” in the cursive workbooks (1, 2)
and in 1854 Dostoevsky’s manuscript (3, 4, 5)

Повторю: таких начертаний прописных букв «И», «К», «Н» не встречается в каллиграфических записях Достоевского 1860-х гг. В рукописи 1854 они фигурируют несколько десятков раз, во многом определяя общее от нее впечатление при первоначальном ознакомлении. Начертания этих же букв в каллиграфических записях из рабочих тетрадей писателя свидетельствуют о иной, прямо противоположной тенденции, обнаруживающейся в почерке Достоевского этих лет. Ср.:

Прописные буквы «И», «К», «Н» в записной тетради Достоевского
РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 21 (1, 2), 146 (3)
Capital letters “I”, “K”, “H” in Dostoevsky’s notebook

Однако в беловом автографе прошения Достоевского на имя императора Александра II¹⁴, датированном серединой октября 1859 г., который также написан почерком с элементами каллиграфии, в словах «Императорский», «Кузнецк», «Но» мы обнаруживаем единичные случаи начертания таких же «редуцированных» прописных букв «И», «К», «Н», как и в рукописи 1854. См.:

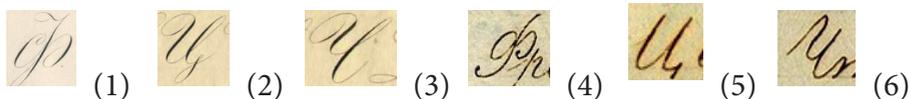

Образцы начертаний прописных букв «И», «К», «Н»
в прошении Достоевского на имя императора Александра II
Samples of capital letters “I”, “K”, “H”
in Dostoevsky’s petition addressed to Emperor Alexander II

¹⁴ Хранится: ГА РФ. Ф. 109 (III отд.). Оп. 24. № 45. Л. 63–64 об. Здесь же хранится копия прошения, написанная рукой Достоевского тем же типом почерка, однако с вариациями в начертании некоторых букв (Л. 65–66 об.).

Таким образом, не остается сомнений, что рукопись 1854 является автографом Достоевского, в котором представлена особая версия почерка с элементами каллиграфии¹⁵.

В чем заключается своеобразие этой «версии»? Выше я назвал почерк, которым написана рукопись 1854, «каким-то анемичным». В другом отношении охарактеризовал его как «аскетический». Это, конечно же, лишь метафоры. Но приведенные наблюдения наполняют их конкретным содержанием. В начертании целого ряда прописных букв Достоевский как бы *сдерживает себя*, отказываясь от экспрессивных элементов каллиграфических начертаний — петель, завитков, росчерков и проч. (Напомню слова замечательного каллиграфа князя Мышкина, который отмечал, что «росчерк — это наиопаснейшая вещь!» [Д35; т. 8: 32]). Это очень хорошо видно в воспроизведенных выше примерах прописных букв «И», «К», «Н» из рукописи 1854, рассмотренных в сравнении с образцами из учебных прописей. Дополнительно можно также привести варианты прописных букв «Ф», «Ц», «Ч». Ср.:

Прописные буквы «Ф», «Ц», «Ч» в учебных прописях (1, 2, 3)
и в рукописи Достоевского 1854 (4, 5, 6)

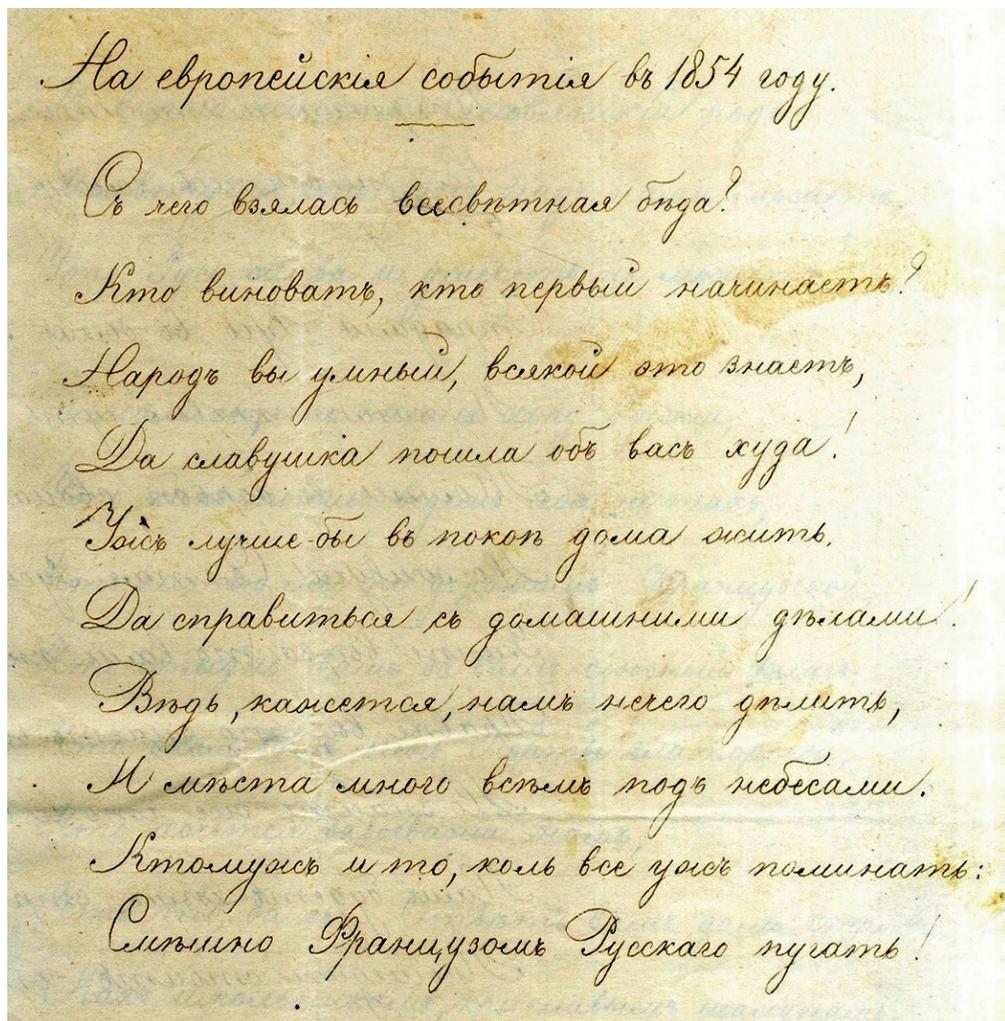
Capital letters “Ф”, “Ц”, “Ч” in the cursive workbooks (1, 2, 3)
and in 1854 Dostoevsky’s manuscript (4, 5, 6)

С другой стороны, Достоевский почти не использует в рукописи 1854 предписываемого каллиграфическими пособиями нажима на определенных элементах букв, как прописных, так и строчных, — словно, повторю еще раз, не пишет в естественном ритме, но медленно «выводит» буквы, причем часто явно дрожащей рукой. Всё это — свидетельства *особого состояния* пишущего, который с особым волнением, сильным трепетом относится к воспроизводимому им тексту.

Тут стоит напомнить, что стихотворение «На европейские события 1854 года» было сочинено Достоевским в апреле 1854 г. Всего три месяца назад он вышел из Омского острога, с начала марта служит без права выслуги в Семипалатинске рядовым солдатом Сибирского № 7 линейного батальона. Как бывший политический преступник, пребывающий «под строжайшим надзором», Достоевский не имеет права печататься, но с патристическим стихотворением, которое посылает в столицу официальным

¹⁵ Дополнительно можно было бы привести наблюдения над своеобразием начертания и/или постановки в рукописи 1854 некоторых пунктуационных знаков: например, характерного также и для скорописи Достоевского вопросительного знака, у которого верхняя часть образует замкнутую петлю, как у цифры «9» (ср.: РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 35 и 139; Ф. 212.1.8. С. 5), или составного знака «точка с запятой», у которого точка последовательно ставится на нижней строке, а запятая гораздо ниже — под строкой (ср.: РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 53).

образом, со строгим соблюдением субординации, связывает надежды на изменение своего положения. Он рассчитывает (эти его расчеты, увы, не оправдаются), что, если стихотворение будет напечатано в «С.-Петербургских ведомостях», ему легче будет добиться разрешения опубликовать другие свои сочинения (подробнее см.: [Тихомиров, 2017: 176–183]).

Заглавие и первая строфа автографа стихотворения Достоевского
«На европейские события 1854 года»

Title and first stanza of the autograph of Dostoevsky's poem
«On the European Events of 1854»

Надеждой, что это стихотворение сможет изменить его судьбу, и страхом, что эта надежда едва ли осуществится, обусловлено всё психологическое состояние Достоевского *в процессе написания* белого автографа этого стихотворения, предназначенного для отправки в высшие инстанции, где будет решаться его участь. *Самим почерком*, которым пишется текст стихотворения, его автор стремится выразить смирение и покорность. Описывая в романе «Идиот» «военно-писарский» [!] почерк, которым «пишется казенная бумага к важному лицу», князь Мышкин комментирует его так: «...тут военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотелось <...> да воротник военный туго на крючок стянут, дисциплина и в почерке вышла...» [Д35; т. 8: 32]. То, что отмечено в этой характеристике, позаимствованной из художественного произведения, в реальной рукописи 1854 — в силу особых биографических обстоятельств писателя — сказалось сугубо, значительно усиленно, в удесятеренной степени.

Так возникла совершенно особая, уникальная версия почерка с элементами каллиграфии, которая — рассмотренная как целое — существенно отличается от обычных каллиграфических записей Достоевского, обильно присутствующих в его рабочих тетрадях 1860-х гг., хотя и обнаруживает при побуквенном сопоставлении целый ряд общих с ними черт¹⁶.

Источники

1. [Богданов И.] Листки каллиграфии И. Богданова. [Б. м., 1844]. 16 л.
2. [Бриф М.] Российские прописи для чистописания, изданные М. Брифом в Санкт-Петербурге. [СПб., 1831]. 9 л.
3. [Бриф М.] Каллиграфическая тетрадь в 30-ти листах на трех языках русском, французском и немецком, писанные и гравированные [sic!] М. Брифом. СПб., [1852]. 30 л.
4. [Гиллис Р.] Русские прописи для обучения в Чистописании <составленные> Робертом Гиллисом. СПб., [1843]. 12 л.
5. Мартьянов П. К. Из воспоминаний «В переломе века» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 333–344.

Список литературы

1. [Андрианова И. С.] Рукописное наследие Ф. М. Достоевского / отв. ред. И. С. Андрианова; редкол. Л. В. Алексеева, Е. Н. Вяль, М. В. Заваркина, Т. В. Панюкова, О. А. Сосновская, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 560 с.
2. [Баршт К. А.] Рисунки. Каталог // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 17: Рисунки. С. 6–672.
3. Гроссман Л. П. Гражданская смерть Ф. М. Достоевского // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. Т. 22/24. С. 683–736.

¹⁶ Наблюдения над рукописью стихотворения «Умолкла грозная война!» (см. выше), написанной схожим почерком с рукописью 1854, но квалифицируемой во всех без исключения изданиях как *писарская копия*, будут опубликованы в следующей статье, которая готовится для очередного номера «Неизвестного Достоевского».

4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. (Д30)
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2013–2022. Т. 1–11. (Д35)
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995–2015. Т. 1–9, 11. (Ө. Д.)
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005. (Д18)
8. Заваркина М. В., Панюкова Т. В., Тарасова Н. А. Графические особенности рукописей Достоевского: (по материалам записных книжек и тетрадей 1862–1865 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 4. С. 84–138 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (15.03.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4301
9. [Нечаева В. С.] Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. 589 с.
10. Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста: монография. М.: Квадрига; МБА, 2011. 391 с.
11. Тарасова Н. А. From Graphics to Calligraphy: Textological Study of the Semantics and Poetics of F. M. Dostoevsky's *The Idiot* / Проблемы текстологического изучения романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: от графики и каллиграфии — к семантике и поэтике текста (на рус. яз.) // *The Dostoevsky Journal. A Comparative Literature Review*. 2020. Vol. 21. P. 24–45. (a)
12. Тарасова Н. А. Текстологический анализ и новые факты истории текста: (на материале рукописей Ф. М. Достоевского) // *Достоевский и мировая культура: Филологический журнал*. 2020. № 2(10). С. 153–169. (b)
13. Тарасова Н. А. Проблемы текстологии и поэтики романов Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы», «Подросток») // *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2021. № 3. С. 36–50. (a)
14. Тарасова Н. А. Проблемы текстологического исследования романа «Подросток» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 431–567. (b)
15. Тарасова Н. А., Заваркина М. В., Панюкова Т. В. Графические особенности рукописей Достоевского: материалы для информационной базы данных // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 4. С. 17–69 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (15.03.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788
16. Тарасова Н. А., Панюкова Т. В. Семантика и идеография рукописного текста Достоевского: от почерка к смыслу // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 4. С. 222–292 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607609576.pdf (15.03.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5081
17. Тарасова Н. А., Кибальник С. А., Тихомиров Б. Н., Захаров В. Н. Работы К. А. Баршта о Достоевском: имитация научного исследования // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 4. С. 177–231 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1640021111.pdf (15.03.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5841
18. Тихомиров Б. Н. Задачи и проблемы издания записных книжек и тетрадей Ф. М. Достоевского // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2010. № 1 (58). С. 101–115.
19. Тихомиров Б. Н. Достоевский стихотворный // «Жил на свете таракан...»: Стихи Ф. М. Достоевского и его персонажей. «Витязь горестной фигуры...»: Достоевский в стихах современников / сост., подгот. текста, примеч., послесл. Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2017. С. 174–239.

References

1. Andrianova I. S. *Rukopisnoe nasledie F. M. Dostoevskogo* [*Manuscript Heritage of F. M. Dostoevsky*]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the humanities Publ., 2021. 560 p. (In Russ.)
2. Barsht K. A. Drawings. Catalog. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 18 Vols*]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2005, vol. 17, pp. 6–672. (In Russ.)
3. Grossman L. P. The Civil Death of F. M. Dostoevsky. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1935, vol. 22/24, pp. 683–736. (In Russ.)
4. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.) (Д30)
5. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [*The Complete Works and Letters: in 35 Vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2022, vol. 1–11. (In Russ.) (Д35)
6. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995–2015, vol. 1–9, 11. (In Russ.) (Θ. Д.)
7. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [*The Complete Works: in 18 Vols*]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2003–2005. (In Russ.) (Д18)
8. Zavarkina M. V., Panyukova T. V., Tarasova N. A. Graphical Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts (Based on the Materials of the Notebooks and Workbooks of the Years 1862–1865). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, no. 4, pp. 84–138. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (accessed on March 15, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4301 (In Russ.)
9. Nechaeva V. S. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [*The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts*]. Moscow, 1957. 589 p. (In Russ.)
10. Tarasova N. A. «Dnevnik pisatelya» F. M. Dostoevskogo (1876–1877): kritika teksta [*“A Writer's Diary” by F. M. Dostoevsky (1876–1877): Textual Criticism*]. Moscow, Kvadriga Publ., MBA Publ., 2011. 391 p. (In Russ.)
11. Tarasova N. A. From Graphics to Calligraphy: Textological Study of the Semantics and Poetics of F. M. Dostoevsky's “The Idiot”. In: *The Dostoevsky Journal. A Comparative Literature Review*, 2020, vol. 21, pp. 24–45. (In Russ.) (a)
12. Tarasova N. A. Textual Analysis and New Facts for a History of the Text (on the Material of F. M. Dostoevsky's Manuscripts). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2020, no. 2(10), pp. 153–169. (In Russ.) (b)
13. Tarasova N. A. Problems of Textual Criticism and Poetics of F. M. Dostoevsky's Novels (“Crime and Punishment”, “Demons”, “The Adolescent”). In: *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [*Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*], 2021, no. 3, pp. 36–50. (In Russ.) (a)
14. Tarasova N. A. Problems of Textual Research of the Novel “The Adolescent”. In: *Roman F. M. Dostoevskogo «Podrostok»: sovremennoe sostoyanie izucheniya* [*The Novel by F. M. Dostoevsky “The Adolescent”: the Current State of the Study*]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 431–567. (In Russ.) (b)
15. Tarasova N. A., Zavarkina M. V., Panyukova T. V. Graphical Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts: Materials for the Information Database. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2018, no. 4, pp. 17–69. Available at: <https://unknown-dostoevsky.ru/files/>

- redaktor_pdf/1545737853.pdf (accessed on March 15, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788 (In Russ.)
16. Tarasova N. A., Panyukova T. V. Semantics and Ideography of Dostoevsky's Handwritten Text: from Handwriting to Meaning. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 222–292. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607609576.pdf (accessed on March 15, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5081 (In Russ.)
 17. Tarasova N. A., Kibal'nik S. A., Tikhomirov B. N., Zakharov V. N. K. Barsht's Works on Dostoevsky: Imitation of Research. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 4, pp. 177–231. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1640021111.pdf (accessed on March 15, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5841 (In Russ.)
 18. Tikhomirov B. N. The Tasks and Problems of the Publication of F. M. Dostoevsky's Notebooks. In: *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Foundation for Humanities]*, 2010, no. 1 (58), pp. 101–115. (In Russ.)
 19. Tikhomirov B. N. Dostoevsky Poetic. In: «*Zhil na svete tarakan...*»: *Stikhi F. M. Dostoevskogo i ego personazhey. «Vityaz' gostnoy figury...*»: *Dostoevskiy v stikhakh sovremennikov* [“Once Upon a Time There Lived a Cockroach...”: *Verses of F. M. Dostoevsky and of His Characters. “A Knight of a Grieving Figure...”: Dostoevsky Through the Verses of His Contemporaries*]. Moscow, Boslen Publ., 2017, pp. 174–239. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихомиров Борис Николаевич, доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (пер. Кузнечный, 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>; e-mail: btikhomirov@rambler.ru.

Boris N. Tikhomirov, PhD (Philology), the President of the Russian Dostoevsky Society, Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg (per. Kuznechnyy 5/2, St. Petersburg, 191002, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>; e-mail: btikhomirov@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 25.03.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.05.2022

Принята к публикации / Accepted 15.05.2022

Дата публикации / Date of publication 08.07.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6141

EDN: OMPPXK

Достоевский как прототип незавершенной повести Некрасова «В тот же день часов в одиннадцать утра...»

Д. А. Июдин

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: daniiliudin411@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы изучения незавершенной повести Н. А. Некрасова о Ф. М. Достоевском. Некрасов сыграл важную роль в становлении литературной репутации Достоевского. Роман «Бедные люди» стал сенсацией 1845–1846 гг., а его автор был назван гением. В середине 1850-х гг. Некрасов предпринял ревизию этих событий. Прототипами его персонажей являются реальные лица. В повести представлены характеры трех лиц: Мерцалова (Белинского), Глажиевского (Достоевского), Чудова (Некрасова). Их образы типичны и однозначны. Мерцалов противоречив: он восторженно встретил молодого писателя, но жесток и требователен к «литературным сочувствателям», которых воспринимает как слуг. Положительным героем показан лишь Чудов. Он честен, не интриган, критичен ко всем участникам этой литературной истории, осуждает интриги и сплетни. Он — герой произведения и alter ego автора. Как прототип Достоевский изображен в тексте Некрасова в трех ракурсах. Выступая в амплу мемуариста, Некрасов представляет Достоевского как писателя и как историческое лицо. В этих эпизодах преобладает документализм, автор использует факты биографии писателя, оказавшегося в эпицентре петербургской литературной жизни середины 1840-х гг. В амплу критика Некрасов анализирует творческий опыт раннего Достоевского, узнавая в авторе Макара Девушкина и Голядкина. В амплу журналиста и редактора Некрасов представляет Достоевского персонажем сплетен, слухов, сатирического послания Белинского Достоевскому, фельетонов И. Панаева. Это утрированный и карикатурный образ юного гения, не готового к этой роли, несостоятельного как личность, а потому осмеянного и отвергнутого окружением Белинского. Некрасов сделал историю Глажиевского назидательной. Автор разоблачает своих героев. В характерах героев есть противоречия, но нет сложности. Ему интересно событие, но не его участники. Сначала Некрасов увлекся темой, но позже потерял к ней интерес.

Ключевые слова: Достоевский, Некрасов, Белинский, Панаев, гений, триумф, сплетня, скандал, прототип, характер

Для цитирования: Июдин Д. А. Достоевский как прототип незавершенной повести Некрасова «В тот же день часов в одиннадцать утра...» // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 2. С. 58–85. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6141. END: OMPPXK

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6141

EDN: OMPPXK

Dostoevsky as a Character Prototype in Nekrasov's Unfinished Short Novel "On the Same Day at Eleven o'Clock in the Morning..."

Daniil A. Iudin

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: daniiliudin411@gmail.com

Abstract. The article discusses the debatable issues in the study of the unfinished short novel by N. A. Nekrasov about F. M. Dostoevsky. Nekrasov played an important role in the evolution of Dostoevsky's literary reputation. The novel "Poor Folk" became a sensation in 1845–1846, and its author was called a genius. In the mid-1850s Nekrasov undertook a revision of these events. The prototypes of his characters are real people. The short novel presents three characters: Mertsalov (Belinsky), Glazhievsky (Dostoevsky), Chudov (Nekrasov). Their images are distinctive and unambiguous. Mertsalov is contradictory: he greets the young writer with enthusiasm, but he is cruel and demanding of "literary sympathizers", whom he perceives as servants. Only Chudov is revealed as a positive hero. He is not an intriguer, is honest and critical of all participants in this literary story, condemns intrigues and gossip. A character of this work, he is also the author's alter ego. As a prototype, Dostoevsky is explored in Nekrasov's text from three perspectives. Acting as a memoirist, Nekrasov presents Dostoevsky as a writer and as a historical figure. A documentary approach prevails in these episodes, the author uses the facts of the biography of the writer, who found himself at the epicenter of St. Petersburg literary life in the mid-1840s. As a critic, Nekrasov analyzes the creative experience of early Dostoevsky, recognizing Makar Devushkin and Golyadkin in the author. As a journalist and editor, Nekrasov presents Dostoevsky as a character of gossip, rumors, Belinsky's satirical message to Dostoevsky, I. Panaev's feuilletons. This is an exaggerated and caricature image of a young genius who is not ready for this role, who is insolvent as a person, and therefore ridiculed and rejected by Belinsky's entourage. Nekrasov made the story of Glazhievskiy an instructive one. The author exposes his characters. There are contradictions within the characters, but no complexity. He is interested in the subject matter, but not in its participants. At first, Nekrasov was carried away by the topic, but later lost interest in it.

Keywords: Dostoevsky, Nekrasov, Belinsky, Panaev, brilliant, triumph, gossip, scandal, prototype, character

For citation: Iyudin D. A. Dostoevsky as a Character Prototype in Nekrasov's Unfinished Short Novel "On the Same Day at Eleven o'Clock in the Morning...". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 58–85. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6141. EDN: OMPPXK (In Russ.)

В отношениях Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского есть загадочный эпизод, который требует углубленного анализа и осмысления, — это появление неоконченной повести поэта о литературном дебюте Достоевского. Некрасов сыграл исключительно важную роль в становлении литературной репутации Достоевского, роман которого «Бедные люди», ключевое произведение в составе «Петербургского сборника», стал литературной сенсацией 1846 г.

Обстоятельства дебюта Достоевского и роль, которую сыграл в нем Некрасов, хорошо изучены в современном литературоведении. Это нашло отражение в воспоминаниях современников¹, в прижизненных критических статьях², в статьях и монографиях исследователей [Чуковский, 1914, 1917а, 1917б, 1922], [Туниманов], [Евнин], [Гин], [Фридлиндер], [Захаров, 1995], [Рак, Фридлиндер], [Захарова, 2013], [Баршт], [Викторович, Захарова: 13–60, 79–80].

Знакомство Ф. М. Достоевского с кружком В. Г. Белинского произошло в мае 1845 г., когда писатель отдал роман «Бедные люди» в альманах Некрасова «Петербургский сборник».

Роман понравился всем, кто его читал. Восторженные отзывы о «Бедных людях» высказывали Д. В. Григорович, Н. А. Некрасов, В. Г. Белинский, И. И. Панаев и др. В Петербурге быстро разнесся слух о Достоевском как о «новом Гоголе», но первые печатные отзывы о романе появились лишь в январе 1846 г.

¹ См., напр.: Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1960. 686 с.; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Л.: Наука, 1983. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь–август / текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова и др. 470 с.; <Панаев И. И.> Заметки Нового поэта о петербургской жизни... // Современник. 1855. № 12.; Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1972. С. 144–145; Григорович Д. В. Литературные воспоминания / [подгот. текста, вступ. ст., с. 5–20, и примеч. В. А. Путинцева]. [М.]: Гослитиздат, 1961. 215 с. и др.

² См.: <Белинский В. Г.> Мельник. (Le Meunier d'Angibault). Роман Жоржа Санда / пер. Фурманна. СПб.: В тип. Карла Крайя, 1845. В 8-ю д. л. 243 стр. // Отечественные Записки. 1846. Т. XLIV (44). № 1. Январь. Отд. VI. С. 2; <Белинский В. Г.> Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым // Отечественные Записки. 1846. Т. XLIV (44). № 2. Февраль. Отд. VI. С. 45; <Белинский В. Г.> Вступление // Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакцией Н. Некрасова. СПб., 1845. Часть I. С. 13; Русская литература. Физиология Петербурга, составленная из трудов Русских литераторов, под редакцией Н. Некрасова. С политипажами. СПб.: В тип. Journal de Saint-Petersbourg, 1845. Часть первая. В 8-ю д. л. 303 с.; СПб.: Издание книгопродавца А. Иванова, 1845. Часть вторая. В 8-ю д. л., 276 с. // Северная Пчела. 1845. № 234. 17 октября. С. 934–935; Я. Я. Я. Русская журналистика. Отечественные Записки. Учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. Октябрьская и Ноябрьская книжки 1845 г. (Окончание) // Северная Пчела. 1845. № 276. 7 декабря. С. 1102–1103; Я. Я. Я. Русская литература. Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1846. 560 с. // Северная Пчела. 1846. № 25. 30 января. С. 99; Я. Я. Я. Русская литература. Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. (Окончание.) // Северная Пчела. 1846. № 26. 31 января. С. 103; Ф. Б. Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1846. № 27. 1 февраля. С. 107; Я. Я. Я. Русская литература // Северная Пчела. 1846. № 47. 28 февраля. С. 187; Швырев С. П. Критика. Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб.: В тип. Э. Праца, 1846 // Москвитянин. 1846. № 2. С. 164.

Илл. 1а. Ф. М. Достоевский.
(К. А. Трутовский, 1847)

Fig. 1a. F. M. Dostoevsky.
(K. A. Trutovsky, 1847)

Илл. 1б. Ф. М. Достоевский.
(К. А. Трутовский, 1847)

Fig. 1b. F. M. Dostoevsky.
(K. A. Trutovsky, 1847)

Достоевский писал брату 16 ноября 1845 г.:

«Все меня принимают как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли, что Достоев<ский> то-то сказал, Достоев<ский> то-то хочет делать. Белинский любит меня как нельзя более. <...> ...откровенно тебе скажу, что я теперь упоен собствен<ной> славой своей»³.

Всю жизнь Достоевский помнил первую встречу с Белинским как «самую восхитительную минуту». Критик сказал ему:

«Вы только непосредственным чутьем, как художник, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? <...> Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художник, одною чертой, разом в образе выставляете самую суть, чтоб ощупать можно было рукой, чтоб самому нерассуждающему читателю стало вдруг все понятно! Вот тайна художественности, вот правда в искусстве! Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!..» (Д30; т. 25: 30–31).

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1: Письма 1832–1859. С. 115–116. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома и страницы в круглых скобках.

Илл. 2а. Д. В. Григорович.
(Литография 1854 г.)

Fig. 2a. D. V. Grigorovich.
(Lithography of 1854)

Илл. 2б. Н. А. Некрасов.
(Литография П. Ф. Бореля, 1850-е гг.)

Fig. 2b. N. A. Nekrasov.
(Lithography by P. F. Borel, 1850s)

Илл. 2с. В. Г. Белинский.
(С литографии 1860-х гг.)

Fig. 2c. V. G. Belinsky.
(From the Lithography of the 1860s)

Илл. 2д. И. И. Панаев.
(Литография П. Ф. Бореля)

Fig. 2d. I. I. Panaev.
(Lithography by P. F. Borel)

Литературную репутацию Достоевского создавали не только печатные отзывы, но в первую очередь ее формировала молва, которая объявила начинающего писателя «новым гением» [Захарова, 2020]. Эта молва стала скандалом. Достоевский оказался в центре сплетен, интриг и литературной борьбы, которая развернулась между фельетонистами и «Северной Пчелой» (Ф. В. Булгарин, Л. В. Брант). Упоминание об этой полемике можно встретить в статьях А. А. Григорьева⁴.

В конце 1846 г. изменились отношения в кружке Белинского. Произошел разрыв Достоевского с Белинским и его соратниками. Начинающего писателя стали высмеивать друзья. Об одном из таких эпизодов вспоминала А. Я. Панаева:

«Раз Тургенев при Достоевском описывал свою встречу в провинции с одной личностью, которая вообразила себя гениальным человеком, и мастерски изобразил смешную сторону этой личности. Достоевский был бледен как полотно, весь дрожал и убежал, не дослушав рассказа Тургенева. Я заметила всем: к чему изводить так Достоевского? Но Тургенев был в самом веселом настроении, увлек и других, так что никто не придал значения быстрому уходу Достоевского. Тургенев стал сочинять юмористические стихи на Девушкина, героя “Бедных людей”, будто бы тот написал благодарственные стихи Достоевскому [за то], что он оповестил всю Россию об его существовании, и в стихах повторялось часто “маточка”»⁵.

Илл. 3. А. Я. Панаева.
(Портрет работы К. И. Горбунова)

Fig. 3. A. Ya. Panaeva.
(Portrait by K. I. Gorbunov)

⁴ См.: Библиографическая Хроника. Юмористические рассказы нашего времени, издаваемые Абракадаброю. С политипажамы. СПб.: В прив. тип. Фишера, 1846. Книжка вторая. В б. 8 д. л. Стр. 26 // Финский Вестник. 1846. № 8. С. 73–76; Литературные известия и заметки // Финский Вестник. 1846. № 8. С. 1–10; Петербургский сборник // Финский Вестник. 1846. № 9. С. 21–34.

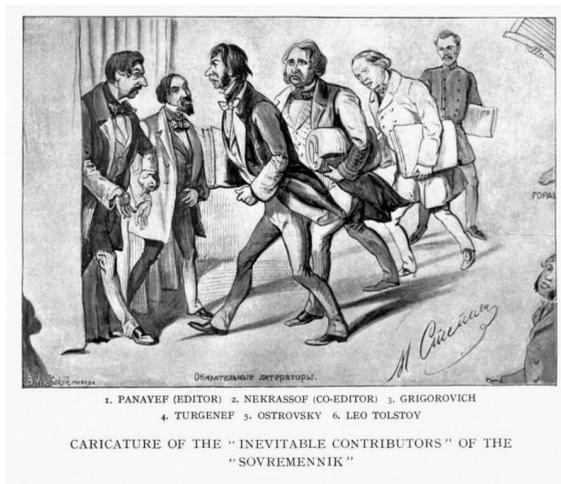
⁵ Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1972. С. 144–145.

В 1855 г. после выхода Достоевского из каторги нападки на него возобновились, когда в двенадцатом номере «Современника» под псевдонимом «Новый поэт» И. И. Панаев опубликовал фельетон «Литературные кумиры и кумирчики».

Илл. 4. Карикатура Н. А. Степанова на Н. А. Некрасова и И. И. Панаева.
(«Иллюстрированный Альманах», 1848)

Fig. 4. Caricature by N. A. Stepanov on N. A. Nekrasov and I. I. Panaev.
("Illustrated Almanac," 1848)

Илл. 5. И. И. Панаев, Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, И. С. Тургенев,
А. Н. Островский, Л. Н. Толстой.

(Карикатура Н. А. Степанова «Обязательные литераторы», 1857)

Fig. 5. I. I. Panaev, N. A. Nekrasov, D. V. Grigorovich, I. S. Turgenev,
A. N. Ostrovsky, L. N. Tolstoy.

(Caricature by N. A. Stepanov "Obligatory Writers," 1857)

Упоминания имени Достоевского в фельетоне И. И. Панаева нет, но в нем описаны обстоятельства дебюта писателя. Так, о провозглашении «натуральной школой» молодых писателей талантами писал фельетонист «Современника»:

«...за неимением настоящих героев, я поклонялся кумирчикам, которые созидались людьми мне близкими, которым я верил и которых я уважал. Мы ставили наших кумирчиков на пьедестал и поклонялись им с искренним энтузиазмом»⁶.

Не называя имени, И. И. Панаев создал сатирический образ Достоевского:

«Одного, произведенного таким образом в кумиры, курениями и поклонениями перед ним, мы чуть было даже не свели с ума. Этому кумирчику посчастливилось более, нежели другому: его мы носили на руках по городским стогнам и, показывая публике, кричали: “Вот только что народившийся маленький гений, который со временем убьет своими произведениями всю нашу настоящую и прошедшую литературу. Кланяйтесь ему! кланяйтесь!...” Об нем мы протрубили везде, и на площадях и салонах»⁷.

И. И. Панаев вспомнил «анекдот» об обмороке Достоевского перед светской красавицей, о котором он рассказал в «Современнике» еще в 1847 г.⁸

По мнению И. И. Панаева, высказанному в фельетоне 1855 г., после этого происшествия «маленький гений» стал «невыносим».

В фельетоне И. И. Панаева засвидетельствована сплетня о кайме. Он писал, что кумирчик «потребовал, чтобы его статью напечатали непременно в начале или в конце книги, чтобы она бросалась в глаза всем и была не в пример другим обведена золотым бордюром, или каймою»⁹.

Авторами «Послания Белинского к Достоевскому» считают Тургенева и Некрасова. В. Н. Захаров добавил в круг соавторов И. И. Панаева [Захаров, 1985]. Эта атрибуция была поддержана и развита, а аргументация уточнена Б. Н. Тихомировым [Тихомиров].

Фельетон И. И. Панаева не был личной инициативой автора. Сатирическое отношение к Достоевскому и его литературному дебюту выражало редакционную позицию «Современника», в том числе Некрасова. Казалось, Достоевский исчез из русской литературы. Участников события, объявивших его гением, занимал вопрос, что случилось в мае 1845 г., кто и зачем сотворил «кумирчика» и был ли гений.

⁶ <Панаев И. И.> Заметки Нового поэта о петербургской жизни. Литературные кумиры и кумирчики // Современник. 1855. № 12. Отдел V. С. 238.

⁷ Там же.

⁸ <Панаев И. И., Некрасов Н. А.> Еще несколько стихотворений Нового поэта // Современник. 1847. № 4. Отдел IV. Смесь. С. 154–155.

⁹ <Панаев И. И.> Заметки Нового поэта о петербургской жизни. Литературные кумиры и кумирчики. С. 239.

Одновременно, до или после фельетона Панаева, за эту тему взялся Некрасов, задумавший повесть о Достоевском.

Повесть Некрасова не была завершена. Корней Чуковский озаглавил открытую им рукопись по названию повести «Каменное сердце», которую написал ее герой. Позже, в Полном собрании сочинений 1948–1953 гг., ее без должных оснований назвали «Как я велик!» [Коровин, Мостовская: 766]. Это было сделано под влиянием отрицательной рецензии М. К. Лемке на публикацию К. Чуковского, опубликованной под псевдонимом М. Маврин, в которой он утверждал, что в Перми в 1884 г. была издана литографированная книга Н. А. Н. «Как я велик!» [Маврин: 36]. Сейчас повесть называют по первой строке рукописи: «В тот же день часов в одиннадцать утра...». Сохранился ее черновой автограф — фрагмент без заглавия и даты. Рукопись помечена римской цифрой «II», предположительно номером главы [Коровин, Мостовская: 766].

В 1920–1940-е гг. в некрасоведении обсуждался слух о том, что в Перми существовало отдельное издание повести, которая якобы была завершена и состояла из пяти глав. М. К. Лемке утверждал, что черновой автограф, обнаруженный К. И. Чуковским, является одной из пяти глав завершеного сочинения Некрасова, вышедшего под другим названием «Н. А. Н. “Как я велик!”». Повесть из жизни литературного гения. Пермь. Литография Злотникова. 1884. Не продается» [Маврин: 36]. Она значительно превышала объем текста, подготовленного К. И. Чуковским. По свидетельству М. К. Лемке, это была книжка в 264 страниц в 16-ю долю листа. Обстоятельства ее появления были туманны и для М. К. Лемке: «Была ли эта книжка в 264 страницы отлитографирована в Перми, был ли там литограф Злотников — неизвестно, но эта повесть и есть та самая, из которой Чуковский дал одну главу, только им и найденную в бумагах поэта» [Маврин: 36]. Кроме того, как утверждал Лемке, в повести «Как я велик!» было 5 глав, текст, который опубликовал Чуковский, — это 3 глава. По утверждению Лемке, текст повести «значительно отделан автором сравнительно с черновиком, найденным теперь» [Маврин: 36].

Сегодня принята скептическая точка зрения на «пермское» издание, изложенная в статье М. Д. Эльзона «Существовала ли книга Некрасова “Как я велик!”?»: «Суммируя сведения, в основе которых лежит сообщение М. К. Лемке, можно сделать вывод, что книга Некрасова “Как я велик!” (если она действительно существовала) принадлежит к числу изданий с вымышленными выходными данными и в этом отношении не является чем-то исключительным. Сомнения же обусловлены необъективным характером источника, “приоритетом” и неясностью поведения М. К. Лемке (ознакомившись с содержанием ранее неведомой книги, ничего не добавил к известному по публикации К. И. Чуковского; зная о местонахождении экземпляра, не позаботился о его дальнейшей судьбе и т. д.)» [Эльзон: 181].

Согласно его заключению, анализ источников «позволяет ответить отрицательно на вопрос о том, существовала ли книга “Как я велик!”» [Эльзон: 183].

В настоящее время установленным фактом является то, что никаких публикаций повести Некрасова в Перми не было. М. К. Лемке и А. К. Шарц привели недостоверную информацию. За сто лет не появилось ни одного факта, который бы подтверждал существование этого издания. Подробно эта история изложена в текстологической справке последнего Полного собрания сочинений Некрасова [Коровин, Мостовская: 766–767], предпочтительной датой работы Некрасова над рукописью незавершенной повести приняты 1855–1856 гг. [Евнин: 30], [Коровин, Мостовская: 768–772].

Фрагмент черновой рукописи повести Некрасова, впервые обнаруженный К. И. Чуковским, был опубликован в журнале «Нива» в 1917 г. Действующими лицами повести Некрасова являются реальные лица, входившие в литературный круг Белинского: Ф. М. Достоевский (Глажиевский, Решетилов), В. Г. Белинский (Мерцалов, Ветлугин), Н. А. Некрасов (Чудов, Тростников) (Илл. 6), И. И. Панаев (Разбегаев), П. В. Анненков (Спутник) (Илл. 7), Д. В. Григорович (Балаклеев) (Илл. 8), И. С. Тургенев (Мальчишка) (Илл. 9), Н. Я. Тютчев и М. А. Языков (Практическая голова), Н. Х. Кетчер (Парутин) и др.¹⁰

Илл. 6. Белинский и Некрасов.

(Иллюстрация Б. И. Лебедева из альбома «Белинский в жизни»)

Fig. 6. Belinsky and Nekrasov.

(Illustration by B. I. Lebedev from the Album “Belinsky in Life”)

¹⁰ Чуковский К. И. Драгоценная находка. Неизданная повесть Н. А. Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе. Предисловие // Нива. 1917. № 34–37. С. 556–560. Ср. комментарии к повести: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Л.: Наука, 1984. Т. 8: Художественная проза. Незаконченные романы и повести, 1841–1856 гг. / [подгот. текста и коммент. И. А. Битюгова и др.]. С. 771–780. Далее ссылки на это издание приводятся

*Илл. 7. П. В. Анненков.
(Рис. К. А. Горбунова)
Fig. 7. P. V. Annenkov.
(Drawing by K. A. Gorbunov)*

*Илл. 8. Д. В. Григорович.
(Автопортрет. 1840-е гг.)
Fig. 8. D. V. Grigorovich.
(Self-Portrait. 1840s)*

*Илл. 9. И. С. Тургенев.
(Портрет работы В. Лами, 1844)
Fig. 9. I. S. Turgenev.
(Portrait by V. Lami, 1844)*

Большинство действующих лиц повести типичны и однозначны. Это участники литературного кружка Белинского и «литературные сочувствователи», в него входило «всё, что тогда в литературе было молодого, талантливого и благородного» (Н15; т. 8: 423). К «сочувствателям» относились те, которые «не имели другого круга, кроме литературного, в котором и проводили все свое время, свободное от служебных или других занятий» (Н15; т. 8: 423), литераторы терпели их благодаря покровительству Мерцалова. Присутствие «сочувствателей» в кругу литераторов оправдывалось «какими-нибудь достоинствами». Среди них было много «таких, которые умели сочувствовать», это были «добрые малые, большей частью совершенно безразличные, умевшие сделаться необходимыми светилам кружка кто по своим связям, кто по богатству, а кто просто по особенной угодливости и уменью льстить» (Н15; т. 8: 423). Некрасов ироничен в описании этих типов.

В повести представлены характеры лишь трех лиц: Глажиевского, Мерцалова, Чудова. Образы Глажиевского и Мерцалова разрабатываются по заданной динамической модели. Они представлены критически: сначала даны внешнее описание или проявление персонажа в действии или поступке, затем раскрываются их мотивация, не всегда осознанная или осознаваемая, но не укрывающаяся от наблюдательного взгляда Чудова.

Мерцалов, как правило, искренне увлекается и заблуждается. Его подробную характеристику Некрасов дает в начале повести. Он — «человек с тонким литературным вкусом, справедливо пользовавшийся репутацией отличного критика», являвшийся «главным сотрудником журнала, имевшего тогда громкую и почетную известность» (Н15; т. 8: 411). Чертами его характера в изображении Некрасова являются «беспристрастие, не преклонявшееся ни пред какими отношениями, ни пред какими выгодами, резкий раздражительный тон, ирония, если не всегда тонкая, то всегда злая и меткая» (Н15; т. 8: 411). Из-за этих черт характера у Мерцалова появились враги, о нем стали распускать слухи, в которых он предстает «каким-то бичом всего даровитого и прекрасного, каким-то литературным бандитом, не дающим пощады ни встречному ни поперечному, лишь бы потешить свою молодецкую удаль» (Н15; т. 8: 411). В то же время он добрый, благородный и деликатный, но несчастный по жизни человек. Он, как нежный отец, с жаром и негодованием накидывался только «на некоторые недостойные литературы явления», что объясняется его «горячей, страстной любовью к литературе» (Н15; т. 8: 411). Его приводит в отчаяние «бездарное, недобросовестное или почему-нибудь вопиющее явление» (Н15; т. 8: 411–412).

Появление нового таланта Мерцалов встречает с «ободрительным теплым участием» (Н15; т. 8: 412). Некрасов приводит в повести обвинения Белинского и представителей «натуральной школы» в кумовстве. Мерцалов постоянно впадает в крайности как в литературе, так и в жизни, его настроение переменчиво, оно меняется «резко и круто»:

«...и человек или книга, еще сегодня милые ему, рисковали завтра возбудить его отвращение» (Н15; т. 8: 412).

В его характере есть черта — он не боится признавать свои ошибки:

«Ни печатно, ни словесно он не стыдился сознаваться в ошибках и если не был упорно постоянен в своем мнении (что некоторыми почитается необходимым признаком великого ума), то можно сказать положительно, что мнения его истекали из глубокого убеждения» (Н15; т. 8: 412).

Когда Чудов принес Мерцалову роман Глажиевского, тот встретил его «кроткою улыбкою недоверия, с которою опытные критики выслушивают обыкновенно людей, решающихся произнести положительные приговоры в деле, подлежащем исключительно суду их, опытных критиков» (Н15; т. 8: 412). Его недоверие объясняется тем, что «частые увлечения, за которыми следовали горькие, обидные самолюбию разочарования, научили Мерцалова быть осторожнее, и если он не мог переделать своей натуры, то по крайней мере старался показать, что теперь уже спокойнее и трезвее встречает каждое новое явление, наученный летами и опытом не поддаваться увлечению» (Н15; т. 8: 412).

Взаимоотношениям героев свойственна игра: друг перед другом каждый разыгрывает свою роль.

В диалоге с Мерцаловым Чудов уговаривает критика прочитать «Каменное сердце», тот противится:

«Чуть прочтете что-нибудь, понравится, расшевелит сердчишко, уж сейчас и превосходная, пожалуй, даже — гениальная вещь! <...> Стоит, уверяю вас, стоит! — <...> Вы только начните — не оторветесь! <...> Но ведь отличная вещь. Прочтите сегодня...» (Н15; т. 8: 412–413).

В интерпретации Некрасова Мерцалов лишь прикидывался незаинтересованным. Когда Чудов ушел, он «с живостью ухватил рукопись»: «прочел заглавие, пробежал эпиграф, который составляли несколько строк, выписанных из его собственной критической статьи, и стал читать». Автор передает эмоциональное впечатление критика от чтения произведения:

«По прочтении нескольких страниц лицо его вспыхнуло, он оставил рукопись и заходил скорыми шагами по комнате. Потом он кликнул человека, приказал ему никого не принимать и стал продолжать чтение» (Н15; т. 8: 413).

Вернувшись некоторое время спустя, Чудов видит Мерцалова, лицо которого «выражало сильное волнение». Мерцалов с «досадой и нетерпением» спрашивает о Глажиевском и приходит в восторг, узнав, что это молодой писатель, которому всего 24 года. Мерцалов дает краткую оценку начинающему писателю: «Ну так он гениальный человек!» (Н15; т. 8: 414).

Ему кажется, что суждение Чудова о «Каменном сердце» недостаточно выразительно:

«Вы говорили? Что вы говорили! Можно ли так говорить о подобной вещи! Пришел, повернулся, оставил рукопись и пропал! Превосходная вещь, — мало ли что мы называем превосходною вещью. Это слово так же применяется к пустенькому водевилю, как и к дельной вещи. Это художественное гениальное произведение! — с одушевлением продолжал Мерцалов. — Я вам скажу, Чудов, — заключил он, вспыхнув так, что лицо его покраснело, и сделав резкое движение рукой, — я не возьму за “Каменное сердце” всей русской литературы!» (Н15; т. 8: 414).

Некрасов характеризует слухи, которые ходили в обществе. Упоминание о «молве», как мы писали выше, есть в воспоминаниях свидетелей дебюта Достоевского, в прижизненной критике, в письмах писателя:

«Потом пошли толки о достоинствах “Каменного сердца”, о художественном его значении, о глубоком принципе, который лежит в его основании, о необыкновенной концепции его частей и замкнутости целого (тогда подобные слова были в большом употреблении в литературном языке); далее говорил Мерцалов (и говорил чрезвычайно умно и с большим одушевлением) отдельно о каждом лице романа и решительно не находил достаточных похвал искусству автора» (Н15; т. 8: 414).

Его поражает в нем «удивительное мастерство живьем ставить лицо перед глазами читателя, очеркнув его только двумя-тремя словами, но такими, что если б иной писатель исписал десять страниц, то и тогда лица его не выступили бы так резко и рельефно! И потом какое глубокое, теплое сочувствие к нищете, к страданию!» (Н15; т. 8: 414).

Мерцалов объясняет Чудову гениальность Глажиевского:

«...написать такую вещь в двадцать пять лет может только гений, который силою постижения в одну минуту схватывает то, для чего обыкновенному человеку потребен опыт многих лет!» (Н15; т. 8: 416).

Критические отзывы Мерцалова повторяют претензии Белинского к стилю Достоевского:

«...растянутость, многословие, неуместное повторение одних и тех же слов, обличающее некоторую манерность» (Н15; т. 8: 416).

В некоторых деталях ночного чтения Некрасов точен. Оно длилось до четырех часов утра. Читали роман «Бедные люди» Д. В. Григорович и Н. А. Некрасов. Об этом свидетельствовал Д. В. Григорович: «Я стал горячо убеждать его в том, что хорошего дела никогда не надо откладывать, что следует

сейчас же отправиться к Достоевскому, несмотря на позднее время (было около четырех часов утра), сообщить ему об успехе и сегодня же условиться с ним насчет печатанья его романа. Некрасов, изрядно также возбужденный, согласился, наскоро оделся, и мы отправились»¹¹.

В повести Некрасова обсуждают роман Чудов и Мерцалов. После обсуждения Чудов ночью прибежал к Глажиевскому «и откровенно, с юношеским увлечением пересказал ему мнение Мерцалова о “Каменном сердце”» (Н15; т. 8: 416).

Достоевский в «Дневнике Писателя» вспоминал:

«Когда они кончили (семь печатных листов!), то в один голос решили идти ко мне немедленно: “Что ж такое что спит, мы разбудим его, *это* выше сна!”» (Д30; т. 25: 29).

После неожиданного визита первых читателей Достоевский не мог успокоиться:

«Точно я мог заснуть после них! Какой восторг, какой успех, а главное — чувство было дорого, помню ясно: “У иного успех, ну хвалят, встречают, поздравляют, а ведь эти прибежали со слезами, в четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ах хорошо!” Вот что я думал, какой тут сон!» (Д30; т. 25: 29).

Некрасов создает психологический образ Глажиевского:

«В продолжение короткого знакомства с Глажиевским Чудов (Тростников. — Д. И.) имел много случаев наблюдать выражение радости в лице нового писателя, которая тем разительнее отражалась в нем, что в обыкновенном, спокойном состоянии оно уподоблялось сероватой и мгlistой осенней туче, готовой ежеминутно разрешиться дождем пополам со снегом и слякотью» (Н15; т. 8: 416).

Образ «тучи» становится лейтмотивом в портрете Глажиевского:

«Эти глаза и вообще вся физиономия Глажиевского походила на тучу, уже разрешившуюся всем тем, о чем было сказано выше; серый осенний день был в полном разгуле; вглядываясь в нее, можно было даже слышать визгливое и жалобное завывание ветра, сопровождающее осенние непогоды...» (Н15; т. 8: 420).

Ему свойственно сомнение в себе, в своих силах:

«...лицо его носило признаки долгого колебания, борьбы с самим собою и слабости» (Н15; т. 8: 417);

¹¹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 83.

«Тут опять тень действительного сомнения и страха показалась в его лице, которое имело обыкновение меняться тысячу раз в минуту, то изображая собою, как мы уже заметили, угрюмую тучу, готовую разрешиться дождем и слякотью, то вдруг, мгновенно озаряясь ярким играющим светом, каким блестит солнце к морозу» (Н15; т. 8: 418).

Эти противоречивые чувства откровенно и сильно проявляются, когда Чудов (Тростников) заходит к Глажиевскому, чтобы отвести его к Мерцалову. Глажиевский говорит про себя, что он «человек несветский, не умеет ни войти, ни поклониться, ни говорить с незнакомыми людьми» (Н15; т. 8: 419). Используя изобретенное Достоевским слово «штушеваться», Некрасов показывает, как Глажиевский робеет перед критиком:

«В минуты сильной робости он имел привычку съеживаться, уходить в себя до такой степени, что обыкновенная застенчивость не могла подать о состоянии его ни малейшего понятия» (Н15; т. 8: 420);

«Лицо его всё вдруг осовывалось, глаза исчезали под веками, голова уходила в плечи; голос, всегда удушливый, окончательно лишался ясности и свободы, звуча так, как будто гениальный человек находился в пустой бочке, недостаточно наполненной воздухом, и притом его жесты, отрывочные слова, взгляды и беспрестанные движения губ, выражающих подозрительность и опасение, имели что-то до такой степени трагическое, что смеяться не было возможности» (Н15; т. 8: 420).

Образ, созданный Некрасовым, малосимпатичен. После смущения от комплиментарных слов Мерцалова Глажиевский переходит «в другую крайность»: он «вздумал щегольнуть развязностью, промурлыкал какой-то стих из песенки и рассказал анекдот о своем Терентии, который, по незнанию грамоты, съел какой-то пластырь, прописанный ему для наружного употребления. Анекдот не был забавен, а изложение его отличалось деланностью и двумя-тремя натянутыми сарказмами» (Н15; т. 8: 420). На протяжении всей повести Чудов иронично называет Глажиевского «гениальным человеком».

Некрасов достоверно передает общее содержание отзывов Белинского о «Бедных людях»:

«Разбирать подобное произведение — значит выказать его сущность, значение, причем легко можно обойтись и без похвалы: дело слишком ясно и громко говорит само за себя; но сущность и значение подобного художественного создания так глубоки и многозначительны, что в рецензии нельзя только намекнуть на них» (Н15; т. 8: 422).

В другом фрагменте текста Мерцалов (Ветлугин) отзываясь о романе «Каменное сердце», повторяя слова Белинского:

«В нем всё строго обдуманно, соображено и выполнено так художественно, что то, что с первого раза кажется как будто натянутым, не идущим к делу, — взгляните пристальнее, вы увидите, что недостаток не в ослаблении таланта автора, а в вашей собственной неспособности и ограниченности обнять во всей полноте и ширине художественное произведение. Такова его глубина, что только по внимательном чтении открывается оно во всей глубине и высоте широкого своего содержания... и вы видите, что тут не один роман, но пять, десять, двадцать романов; развеите любую страницу — и выйдет прекрасная вещь, которая могла бы составить славу писателю с обыкновенным талантом!» (Н15; т. 8: 433).

Некрасов как будто повторяет слова из газетных рецензий 1840-х г.:

«Новая эпоха в русской литературе: такого воспроизведения действительности еще не бывало! Ветлугин (Мерцалов. — Д. И.) говорит, что он не возьмет всей русской литературы... В самом деле, необыкновенное явление» (Н15; т. 8: 434).

В повести Некрасов воссоздает быт литературного кружка Белинского, описывает его нравы во время появления в нем Достоевского:

«Весть о новом гениальном романе, о новом литературном гении с необыкновенною быстротою разнеслась в литературном кружке, центром и светилом которого был Мерцалов. Приятели, приходившие к нему, не видели его иначе как с рукописью “Каменного сердца” в руках, из которой он тотчас же начинал читать отрывки, восхищаясь ими и отдавая должную дань удивления таланту автора» (Н15; т. 8: 423).

Некрасов делит кружок на литераторов и «литературных сочувственников», которые никогда не писали и не напишут ничего. В последней группе он выделяет и характеризует разные типы: «поэта в душе», «благородную личность», «художественную натуру», «практическую голову», «элемент светскости», «библиотеку», «газету» и «всестороннюю (восприимчивую) натуру». Литераторы унижают вторую группу, нагло пользуются их благосклонностью и услугами, сплетничают и злословят, хвастают и завидуют друг другу, лезут не в свои дела, дают советы, когда их не просят.

Еще один юмористический персонаж, который нарисован в повести Некрасова, — услужливый Спутник, сопровождающий Глажиевского (Решетилова). Это благовидный молодой человек, который относится к особому типу литературного сочувствителя, не литератора и не художника, чья роль заключалась в сопровождении литератора. Он становился тенью знаменитости, находился «неотлучно при ней» (Н15; т. 8: 436). Некрасов характеризует отношения между Спутником и Глажиевским как странные:

«...не дружеские и не приятельские, они скорее напоминали умиленные отношения скромного, расторопного и понятливого подчиненного к милостивому начальнику» (Н15; т. 8: 436).

Его услужливость заключается в том, что каждое утро он являлся у Глажиевского (Решетилова) и «передавал ему (разумеется, не без прибавлений) всё, что слышал вчера лестного о нем и нелестного о соперниках его, посвящал, кстати, гениального человека в сплетни и закулисные тайны еще мало знакомого ему литературного кружка. Прибегал к нему немедленно с каждым номером журнала и листком газеты, в которых говорилось о гениальном человеке. Вытверживал наизусть и делал общим достоянием остроты и достопримечательные изречения гениального человека, произнесенные в кругу двух-трех приятелей» (Н15; т. 8: 436).

Комические черты Спутника обнаруживаются в неискренности его эмоций, в том, как Некрасов описывает его чтение произведения знаменитости: Спутник «сменял слабого грудью гениального человека во время торжественных чтений, придавая своему голосу в патетических местах творения (читаемого даже в двадцатый раз) дрожание — признак потрясенного чувства. Если читалось сочинение новое, восклицал в известных местах: “Тс, тс!.. сейчас начнется превосходная сцена!..” И внимание слушателей удвоивалось» (Н15; т. 8: 437). Благодаря таким «подвигам» на Спутника падали «косвенные лучи славы, осенявшей чело гениального человека» (Н15; т. 8: 437). Он вызывает жалость автора, как бедняк, который трактует «о размещении и употреблении чужих капиталов», не имея собственных.

О Разбегаеве Глажиевский отзывается как о «пустом», но «добром» и нужном «малом»:

«Ведь вот он пустой малый, а вкус у него есть; такт есть... И добрый он; бесподобный малый: не завистливая душа!» (Н15; т. 8: 417).

Автор шуточно обыгрывает фамилию своего автобиографического героя Чудова:

«Что ни говорите, а Тр<остников> чуд<ный> малый!» (Н15; т. 8: 432).

Из рассказов Чудова Мерцалову о характере и внешности Глажиевского критик выбирает «более или менее удачные применения к “Каменному сердцу”, объясняя, как тогда любили выражаться, автора его произведением и наоборот: произведение — его автором» (Н15; т. 8: 415). Любой самый незначительный факт позволяет Мерцалову создавать «целую личность человека», «любо было слушать, как отрывок факта, события или не вполне дошедшей еще до нас далекой газетной новости приобретал в его устах и форму и душу, превра<ща>ясь в нечто стройное и целое, подобно зерну, брошенному в землю, которое постепенно превращается в высокое

и прекрасное дерево, с крепким стволом и широкими, красиво раскидывающимися листьями» (Н15; т. 8: 415). В глазах Некрасова эти «логические» суждения Мерцалова выглядят странными: автору «забавно было видеть, когда вторая половина факта в свою очередь наконец также достигала до него и, убивая совершенно первую, уничтожала в то же время и здание, выстроенное им с такою тщательностью и такою, по-видимому, логичностью, — здание, которое он привык уже почитать не пустым фантомом» (Н15; т. 8: 415).

Из слов Чудова Мерцалов формирует свое мнение о Глажиевском:

«— Всего более радует, — говорил он, — что ему только двадцать пять лет. Если б он был уже человек зрелого возраста, тогда всего вернее, что из него ничего более не вышло бы. Тогда на “Каменное сердце” можно было бы смотреть как на результат целой и лучшей половины жизни умного и наблюдательного человека, много пережившего и перечувствовавшего. Но написать такую вещь в двадцать пять лет может только гений, который силою постижения в одну минуту схватывает то, для чего обыкновенному человеку потребен опыт многих лет!» (Н15; т. 8: 416).

Глажиевский с радостью и волнением выслушивает мнение Мерцалова о своем романе, которое ему «откровенно, с юношеским увлечением» передает Чудов, который единственный раз видит на лице писателя счастье. Юный гений впадает в «нечто вроде обморока», по несколько раз «дрожащим, расслабленным, неровным голосом переспрашивал» о словах критика, повторяет их, «как будто вникал в них и взвешивал значительность каждого слова, поминутно усмехаясь своим дребезжащим нервным смехом и тщетно усиливаясь сообщить солидность и спокойствие своей физиономии» (Н15; т. 8: 416). Чудов подозревает, что будь Глажиевский наедине, то он бы «пустился бы вприсядку» от этих слов. Когда Глажиевский узнает, что какие-то суждения о «Каменном сердце» принадлежат не Мерцалову, а Чудову, герой читает на лице писателя «нечто вроде презрения» (Н15; т. 8: 417).

Глажиевский, по наблюдению Чудова, неискренен, тщеславен и честолюбив. Особенно эти черты характера юного гения раскрываются в эпизоде его первого визита к Мерцалову. Глажиевский боится идти к критику. Чудов усиливает тревогу начинающего писателя, предупреждая, что «Мерцалов рассердится, он человек желчный, раздражительный...» (Н15; т. 8: 419). Нерешительность Глажиевского так велика, что Чудов в назначенное время застает его еще не одетым. Писатель проявляет слабость, на его лице — «признаки долгого колебания» (Н15; т. 8: 417). Он обижается, когда Чудов догадывается, что причиной его сомнений является страх, что «эффект вашего произведения разрушится, когда Мерцалов увидит вас!» (Н15; т. 8: 418). Его лицо то наливается радостью, которую он старается скрыть, то на нем

появляется «тень действительного сомнения и страха», он обращается к Чудову «с притворной досадой и смирением» (Н15; т. 8: 418). Оказавшись около двери критика, Глажиевский еще раз пытается убежать. Он робеет, «стушевывается» перед критиком, который оказывает ему простой и ласковый прием, осыпает похвалой «Каменное сердце».

Чудов отмечает неискренность юного писателя, когда Мерцалов спрашивает, сколько времени Глажиевский писал роман. Чудову Глажиевский ответил, что «писал свой роман четыре года и шестнадцать раз переписывал», Мерцалову говорит, что начал его в мае и закончил в том же году (Н15; т. 8: 421). Тщеславие Глажиевского Чудов замечает тогда, когда юный писатель смотрит на автографы великих людей, которые ему показывает Мерцалов:

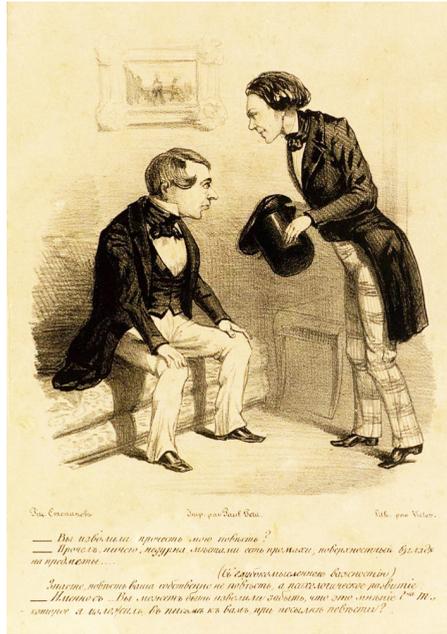
«Мерцалов говорил добродушно, не думая о впечатлении, которое производят его слова, но если б он следил за лицом Глажиев<ского>, он увидел бы, что не столько его слова и автографы великих людей занимали слушателя, сколько то обстоятельство, что он, великий русский критик, по поводу его, Глажиевского, заговорил о Пушкине, Байроне и Гоголе, — лицо автора “Каменного сердца” всего красноречивее выражало чувства, возбужденные в нем таким лестным сближением: по этому лицу Тростников, уже начинавший понимать Глаж<иевского>, тотчас догадался, в чем дело!» (Н15; т. 8: 421).

Некрасов дает сатирический очерк нравов литературного кружка Мерцалова. Он высмеивает обеды, которые устраивают для литераторов и «сочувствующих», прогоняя своих жен. В нем царствуют сплетни и лесть:

«...похвала, порицание, новость, мнение — всё будет пущено в ход с невероятною скоростью и таким же искусством» (Н15; т. 8: 428).

Некрасов показывает, как в кружке рождаются слухи:

«Вскоре после посещения Решетилова к Ветлугину забежал Балаклеев. Решетилов поговорил и с ним о “Каменном сердце”. От него Решетилов побегал на Невский проспект, и через полчаса все сочувствователи знали о гениальной повести» (Н15; т. 8: 429).

Илл. 10. Журналист и Сотрудник. <А. А. Краевский и Ф. М. Достоевский>. (Карикатура. Н. А. Степанов, 1848. С рис. 1847)

Fig. 10. Journalist and Employee. <A. A. Kraevsky and F. M. Dostoevsky>. (Caricature by N. A. Stepanov, 1848. With Figure of 1847)

Неизменный спутник литературного быта — сплетни:

«Мелкие слабости, ничтожные побуждения, низкие чувства так же причастны людям, пишущим хорошие книги, как и людям, читающим их. Как и самые простые смертные, они

Сплетничали и злословили,
Хвастали и завидовали.

И сплетни их были тем непростительнее, что они прекрасно знали и здраво судили, до какой степени такое ремесло унижительно. И тем ужаснее, что под видом участия к вам, во имя справедливости, во имя новых и светлых идей они почитали своим правом вмешиваться в ваши дела; входить в анализ вашей домашней жизни; без спроса и позволения давать вам советы, сначала косвенные, а если вы недогадливы, то и прямые, поражавшие и оскорблявшие вас грубой, непрошеной откровенностью и бесцеремонным прикосновением к таким сторонам вашей жизни, даже вашего сердца, которые и самой деликатной рукой не могли быть тронуты без боли и оскорбления. И боже мой! К чему приходили слабые характеры, поддававшиеся их влиянию! Чему подвергались люди, благоразумно заключившиеся в заколдованный круг, куда не допускался посторонний нескромный глаз! Ужасна

была участь последних: их называли тупоголовыми, отсталыми, чуть не раскольниками; не зная ничего верного о них, сплетничали вдвое более, чем о тех простодушных, которые сами подавали оружие и подставляли голову; в бессильной злобе изобретали небывалые факты, предрекали им разорение, считали в их кармане каждую копейку, им писали колкие намеки и даже выговоры отсутствующие светила и, наконец, придирались к маленькому лбу, неспособному вмещать обширного ума, отрицали в них талант, не помня собственных недавних восхвалений, не справляясь с общим мнением!» (Н15; т. 8: 429–430).

Автор с юмором рассказывает, как члены кружка становились жертвами сплетен, которые возникали на пустом месте. Жертву окружали сочувствием и заботой, возникали нелепые толки:

«— Бедный, бедный Ветлугин, или Балаклеев, или Тростников! Какое несчастье: такой прекрасный, умный, образованный человек — и жена его бьет!

— Бьет, бьет! Я сам, видел... Я пришел к ним, а он вышел ко мне с красными глазами...

— Может быть, он спал?

— Нет, нет! Какое спал! У него и щека одна немного припухла...

— Да чего тут много толковать! Я пришел к ним; в столовой никого нет; так как я вхожу без доклада, то я пошел дальше — в гостиную, в детскую. Наконец вхожу в спальню — и ужасная картина представилась моим глазам: он сидит на полу, прислонившись лицом к кровати, а Наталья Карповна страшно топает ногами и кричит: “Так ты не хочешь, так ты не хочешь?” Чего не хочешь, уж я не знаю, только волосы у ней были растрепаны и лицо пылало, как у фурии.

— Ах несчастный!» (Н15; т. 8: 430–431).

Еще одной интригой сплетен являются двусмысленные письма:

«И спустя несколько дней несчастный начинал получать письма двусмысленного, щекотливого содержания, в которых уверяли, что его любят, что он пользуется общим уважением, что никто к нему не переменялся и что, если он вздумает приехать, его ждет самый блестящий прием, и всё кончалось намеками, далеко не двусмысленными и которых целью было — утешить, успокоить его!» (Н15; т. 8: 432).

Далее «сплетня разрасталась до невероятных размеров», в припадке откровенности жертва «начинает рассказывать такие вещи, о которых мог бы умолчать» и т. д. (Н15; т. 8: 432).

Модель зарождения сплетни совпадает с моделью сенсации, ее возникновения, развития и завершения скандалом. Зарождение и развитие сплетен в литературном обиходе объясняет неизбежность злословия и поражения Глажиевского в кружке Мерцалова.

М. М. Гин справедливо полагает, что объектом сатиры Некрасова является «не Глажиевский (Достоевский), а те либеральные господа, которых автор называет “литературными сочувствителями”» [Гин: 38–39]. Добавим: и Достоевский тоже.

Глажиевский в изображении Некрасова — самолюбивый неискренний человек, падкий на лесть. Его интересуется только похвала, он со страхом ждет встречи с Мерцаловым, подозревая, что критик может изменить свое мнение о романе.

Некрасов подозревает наигранность и расчетливость в поведении героя. Его тщеславие напоминает поведение «кумирчика» в фельетоне И. И. Панаева. Как и в фельетоне «Нового поэта», Глажиевский капризен. Например, когда Чудов, устав от нерешительности молодого гения, уходит один к Мерцалову, Глажиевский меняет свое намерение и отправляет за ним своего слугу:

«— И прекрасно, и прекрасно! — заметил Глажиевский. — Чего же ему еще? Прочел роман, сделал свое заключение о нем, — ну и пусть пишет, пусть хоть целую книгу, как говорил сам вчера, пишет...

— Так вы не пойдете?

— Нет... разве в другой раз когда... после... будет еще время...

— Ну, как хотите! — с досадой отвечал Чудов, которому надоело упрашивать его. Он также не имел охоты вторично пускаться в доказательства, почему Мерцалову интересно видеть его, к чему Глажиевский как бы вызывал его, прибавив:

— Да и что ему интересного в человеке, который... который...

— Прощайте! — вместо ответа резко сказал Чудов и ушел.

Едва сделал он десять шагов по тротуару, как услышал за собой крик:

— Тихон Васильич! Тихон Васильич!

Он обернулся и увидел Терентия, бежавшего за ним без шапки.

— Что?

— Барин вас просит. Он приказал сказать, что идет, только сейчас оденется.

Тростников воротился» (Н15; т. 8: 418–419).

Скромность и стеснение являются отрицательными чертами характера Глажиевского. Это отношение автора к своему герою строго судит Ф. И. Евнин: «В дошедшем до нас отрывке все, относящееся к Достоевскому, представлено (как и в “Послании”) в гротескно-ироническом освещении. Подчеркивается, например, незначительность и непривлекательность его внешности, его совершенно патологическая мнительность и нерешительность. Достоевский наделен самым мелким тщеславием, его болезненное самолюбие не знает границ, он намеренно провоцирует все новые похвалы по адресу “Бедных людей” и т. д. Ни слова не говорится о положительных

сторонах его личности. Ведь было же в нем (а не только в его «Бедных людях») нечто такое, что сразу привлекло к нему сердце нелюдимого, замкнутого Некрасова, побудило Некрасова к интимным излияниям о своем детстве, к дружеской откровенности» [Евнин: 30].

Восторженный Мерцалов подчас гневлив, желчен и раздражителен:

«— Куда вы к черту пропали? Мне нужен был до зарезу “Conversations Lexicon”: я посылал к вам три раза. Вечно вас нет, когда нужно, а как не до вас — вы тотчас тут как тут! И чего вы пришли, я просил не вас, а лексикон. Принесли?

— Нет, отдан Лыкошину.

— Отдан? Вечно так! И кто вас просил отдавать!

Бедный сочувствователь молчал, не осмеливаясь напомнить даже, что библиотека принадлежит ему и что он волен распоряжаться своими книгами» (Н15; т. 8: 426).

Когда оказывается, что его просьба не исполняется, он может по-хамски выгнать сочувствователя, если находится не в духе:

«...другие подвергались добровольному унижению, выдерживая довольно неприятные сцены, когда Мерцалов, раздражавшийся довольно скоро, находился в моменте распада; в такие минуты он не почитал неудобным объявить некстати пришедшему литературному сочувствователю: “Убирайтесь вон!”...» (Н15; т. 8: 425).

Положительным героем повести представлен Чудов. Он порядочен, честен, не интриган, критичен по отношению ко всем участникам этой литературной истории, подмечает их самолюбие, восприимчивость к лести, грубость, склонность к интригам и сплетням и т. д. В отношениях с другими этически безупречна только его позиция. Автору интересно событие, но не сам герой. Он знает и понимает каждого участника, наконец, он знает будущее этой истории. Автор не живет жизнью героев. С такой позицией, где положителен только сам автор, повесть не написать. Замысел запрограммирован на неудачу, несмотря на то, что Некрасов старался воспроизвести памятные события из недавнего литературного прошлого.

Как прототип Достоевский показан в повести Некрасова, как минимум, в трех ракурсах.

Представляя Достоевского как писателя и как историческое лицо, Некрасов выступает в качестве мемуариста, вспоминает события, которым был свидетель. В этих эпизодах повести преобладает документализм, автор использует факты биографии писателя, оказавшегося в эпицентре петербургской литературной жизни 1845 г. В их изложении поэт точен. Описание дебюта «молодого гения» близко критике В. Г. Белинского, фельетонам И. И. Панаева, воспоминаниям Ф. М. Достоевского и Д. В. Григоровича.

Некрасов трактует художественный опыт раннего Достоевского, узнавая писателя в его Макаре Девушкине и Голядкине.

Достоевский предстает в повести персонажем сплетен, слухов, фельетонов Панаева, «Послания Белинского к Достоевскому». Это сатирический, «фельетонный», утрированный и карикатурный образ юного гения, не готового к данной роли, несостоятельного как личность, а потому осмеянного окружением Белинского.

Причина, по которой Некрасов не завершил свой замысел, как представляется, кроется в том, что история несостоявшегося гения вышла под его пером слишком прямолинейной и назидательной. Поначалу тема увлекла Некрасова, но позже он потерял к ней интерес. В образе Глажиевского есть противоречивая порочность, но отсутствует сложность характера, автор разоблачает своего героя как недалекого, падкого на лесть, неискреннего и тщеславного человека, подозревает его в наигранной скромности. Такое отношение к своему герою изобличает в Некрасове ревность, зависть к литературному успеху Достоевского.

Такая установка не могла не привести Некрасова к художественной неудаче, хотя миф о личностной и творческой несостоятельности Достоевского продолжил свое бытование и в последующих поколениях его недоброжелателей.

Некрасов был бы прав в своем осуждении Достоевского, если бы гений умер в Мертвом Доме и исчез из русской литературы, но Достоевский не умер, а воскрес и снова начал свой путь в литературе, новыми успехами доказав справедливость оценок «Бедных людей» как гениального романа.

Список литературы

1. Баршт К. А. Литературный дебют Ф. М. Достоевского: творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф. М. Бедные люди / изд. подгот. К. А. Баршт. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 379–515.
2. Викторovich В. А., Захарова О. В. Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881. Коломна: Лига, 2021. 536 с.: цв. вкл. ISBN 978-5-98932-104-9.
3. Гин М. М. Достоевский и Некрасов: два мировосприятия / ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Карелия, 1985. 184 с.
4. Евнин Ф. И. Достоевский и Некрасов // Русская литература. 1971. № 3. С. 24–48.
5. Захаров В. Н. По поводу одного мифа о Достоевском // Север. 1985. № 11. С. 113–120.
6. Захаров В. Н. Дебют гения // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в авт. орфографии и пунктуации под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. Т. 1. С. 609–637.
7. Захарова О. В. Первое упоминание Достоевского в печати // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 7 (136). Т. 2. С. 66–68 [Электронный ресурс]. URL: <https://uchzap.petrstu.ru/files/issue/n136-2.pdf> (19.02.2022). EDN: SNMQXR

8. Захарова О. В. «Осёл в квадрате», или Кто первым назвал Достоевского гением? // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 20–30 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1601488576.pdf (19.02.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4821
9. [Коровин В. И., Мостовская Н. Н.] Комментарий // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Л.: Наука, 1984. Т. 8: Художественная проза. Незаконченные романы и повести, 1841–1856 гг. / [подгот. текста и коммент. И. А. Битюгова и др.]. С. 766–780.
10. Маврин М. <Лемке М. К.> Памятники русской культуры, под редакцией К. И. Чуковского. I. Неизданные произведения Н. А. Некрасова. С объяснительными статьями и примечаниями К. И. Чуковского // Книга и революция. 1920. № 1. С. 34–36.
11. Рак В. Д., Фридлиндер Г. М. [Примечания] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; редкол. В. Е. Багно (гл. ред.) и др. СПб.: Наука, 2013. Т. 1: Бедные люди. Повести и рассказы. 1844–1846 / ред. тома В. Д. Рак. С. 647–679.
12. Тихомиров Б. Н. Стихотворное «Послание Белинского к Достоевскому»: итоги и проблемы изучения // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3. С. 62–85 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1568011144.pdf DOI: 10.15393/j9.art.2019.6342 (19.02.2022).
13. Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л.: Наука, 1971. С. 33–66.
14. Фридлиндер Г. М. [Примечания] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Л.: Наука, 1972. Т. 1: Бедные люди; Повести и рассказы. 1846–1847 / ред. Г. М. Фридлиндер; подгот. и примеч. Т. И. Орнатской, Г. М. Фридлиндера. С. 464–480.
15. Чуковский К. И. Забытое и новое о Достоевском // Речь. 1914. 6 апреля.
16. Чуковский К. И. Драгоценная находка. Неизданная повесть Н. А. Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе. Предисловие // Нива. 1917. № 34–37. С. 554–560. (a)
17. Чуковский К. И. Послесловие // Нива. 1917. № 34–37. С. 569–570. (b)
18. Чуковский К. И. Достоевский и кружок Белинского // Некрасов Н. А. Каменное сердце. Пб.: Полярная звезда, 1922. С. 3–38.
19. Эльзон М. Д. Существовала ли книга Н. А. Некрасова «Как я велик!»? // Альманах библиофила. М., 1979. Вып. 7. С. 179–183.

References

1. Barsht K. A. Dostoevsky's Literary Debut: The Creative History of the Novel "The Poor Folk". In: *Dostoevskiy F. M. Bednye lyudi [Dostoevsky F. M. The Poor Folk]*. Moscow, Ladomir Publ., Nauka Publ., 2015, pp. 379–515. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. *F. M. Dostoevskiy v russkoy kritike. 1845–1881 [F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881]*. Kolomna, Liga Publ., 2021. 536 p. (In Russ.)
3. Gin M. M. *Dostoevskiy i Nekrasov: dva mirovospriyatiya [Dostoevsky and Nekrasov: Two Worldviews]*. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1985. 184 p. (In Russ.)
4. Evnin F. I. Dostoevskiy i Nekrasov. In: *Russkaya literatura*, 1971, no. 3, pp. 24–48. (In Russ.)
5. Zakharov V. N. About One Myth of Dostoevsky. In: *Sever*, 1985, no. 11, pp. 113–120. (In Russ.)

6. Zakharov V. N. Genius Debut. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995, vol. 1, pp. 609–637. (In Russ.)
7. Zakharova O. V. First Reference to Dostoevsky's Name in Print Media. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2013, no. 7–2 (136), pp. 66–68. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22002780> (accessed on February 19, 2022). EDN: SNMQXR (In Russ.)
8. Zakharova O. V. Donkey Squared, or Who First Called Dostoevsky a Genius? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 3, pp. 20–30. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1601488576.pdf (accessed on February 19, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4821 (In Russ.)
9. Korovin V. I., Mostovskaya N. N. Comment. In: *Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [Nekrasov N. A. *The Complete Works: in 15 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 8, pp. 766–780. (In Russ.)
10. Mavrin M. <Lemke M. K.> Monuments of Russian Culture, Edited by K. I. Chukovsky. I. Unpublished Works of N. A. Nekrasov. With Explanatory Articles and Notes by K. I. Chukovsky. In: *Kniga i revolyutsiya* [Book and the Revolution], 1920, no. 1, pp. 34–36. (In Russ.)
11. Rak V. D., Fridlender G. M. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works and Letters: in 35 Vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, vol. 1, pp. 647–679. (In Russ.)
12. Tikhomirov B. N. The Poems “The Missive of Belinsky to Dostoevsky”: Results and Problems of the Study. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 3, pp. 62–85. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1568011144.pdf (accessed on February 19, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6342 (In Russ.)
13. Tunimanov V. A. Dostoevsky and Nekrasov. In: *Dostoevskiy i ego vremya* [Dostoevsky and His Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 33–66. (In Russ.)
14. Fridlender G. M. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 1, pp. 464–480. (In Russ.)
15. Chukovskiy K. I. Forgotten and New About Dostoevsky. In: *Rech'*, 1914, 6 April. (In Russ.)
16. Chukovskiy K. I. Precious Find. An Unpublished Short Novel (Povest') by N. A. Nekrasov About Belinsky, Dostoevsky and Turgenev. Foreword. In: *Niva*, 1917, no. 34–37, pp. 554–560. (In Russ.) (a)
17. Chukovskiy K. I. Afterword. In: *Niva*, 1917, no. 34–37, pp. 569–570. (In Russ.) (b)
18. Chukovskiy K. I. Dostoevsky and the Belinsky Circle. In: *Nekrasov N. A. Kamennoe serdtse* [Nekrasov N. A. *Stone Heart*]. Petersburg, Polyarnaya zvezda Publ., 1922, pp. 3–38. (In Russ.)
19. El'zon M. D. Was There a Book by N. A. Nekrasov “How Great I Am!”? In: *Al'manakh bibliofila* [Almanac of Bibliophile]. Moscow, 1979, issue 7, pp. 179–183. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Даниил Андреевич Иудин, студент Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910); e-mail: daniiliudin411@gmail.com. *Daniil A. Iudin*, Student of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation); e-mail: daniiliudin411@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 12.05.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.06.2022

Принята к публикации / Accepted 20.06.2022

Дата публикации / Date of publication 08.07.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6121

EDN: OKFLSO

**Кризис библиографического отдела:
писал ли Достоевский рецензии
для «Гражданина»?**

Д. Д. Бучнева

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: darja.lammasjarvi@mail.ru

Аннотация. В 10-м, 11-м и 12-м номерах «Вестника Европы» за 1872 г. под псевдонимом А. И. Пальма «П. Альминский» была опубликована первая часть романа «Алексей Слободин. Семейная история». В еженедельнике «Гражданин» (1873 г., № 1) был размещен анонимный критический отзыв на это произведение Пальма. В записной тетради Ф. М. Достоевского 1872–1873 гг. есть отметка «Мещерский — Алексей Слободин», и Е. Н. Коншина в 1935 г. связала эту запись писателя с отзывом на роман Пальма. Впервые о том, что возможным автором данного критического текста является Достоевский, заявил В. В. Виноградов. Исследователи пытались решить вопрос об авторстве однозначно: либо Достоевский, либо Мещерский. Однако редакторская работа Достоевского предполагала различные формы взаимодействия. Рецензия на роман «Алексей Слободин. Семейная история» строится на концепции о художественных типах, которая была разработана Достоевским. Он дал задание Мещерскому и составил план рецензии. В критическом отзыве присутствуют несколько фрагментов, которые позволяют признать Достоевского соавтором. Так, обращение к типу Савелия Туберозова предшествует размещенной в четвертом номере рецензии на роман Н. С. Лескова (Стебницкого) «Соборяне». Наблюдается сходство в описании этого образа. Достоевский в анализе лесковского произведения раскрывает концепцию типа более детально, нежели Мещерский. Полемика с А. Н. Пыпиным, обнаруживаемая в рецензии на роман Пальма, также принадлежит Достоевскому. Заметно непостоянство стиля, что указывает на работу над текстом одновременно двух авторов: Мещерского и Достоевского. В статье представлены дополнительные доводы в пользу того, что Достоевский являлся одним из авторов рецензии на роман Лескова «Соборяне». Математические методы, использованные в данном исследовании, подтверждают эту гипотезу.

Ключевые слова: Достоевский, Мещерский, «Гражданин», А. И. Пальм, П. Альминский, роман, «Алексей Слободин. Семейная история», Н. С. Лесков, Стебницкий, «Соборяне», атрибуция, рецензия

Для цитирования: Бучнева Д. Д. «Кризис библиографического отдела: писал ли Достоевский рецензии для «Гражданина»? // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 2. С. 86–99. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6121. EDN: OKFLSO

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6121

EDN: OKFLSO

The Crisis of the Bibliographic Department: Did Dostoevsky Write Reviews for “Grazhdanin” (“The Citizen”)

Daria D. Buchneva

Petrozavodsk State University

(Petrozavodsk, Russian Federation)

e-mail: darja.lammasjarvi@mail.ru

Abstract. The first part of the novel “Alexey Slobodin. Family History” was published in the 10th, 11th and 12th issues of “Vestnik Evropy” for 1872, under the pseudonym P. Al’minsky (A. I. Pal’m). A critical review of Pal’m’s work was posted anonymously in “Grazhdanin” (“Citizen”) (1873, no. 1). In his notebook, F. M. Dostoevsky entrusted the writing of the review to V. P. Meshchersky. In 1935, E. N. Konshina linked the writer’s note with a review of Pal’m’s novel. V. V. Vinogradov was the first to declare Dostoevsky’s authorship. The researchers tried to resolve the issue unambiguously: it was either Dostoevsky or Meshchersky. However, Dostoevsky’s editorial work involved various forms of interaction. Review of “Alexey Slobodin. Family History” is based on the concept of artistic types, which was developed by Dostoevsky. He tasked Meshchersky with writing the review and provided him with a review plan. There are several fragments in the critical review that make it possible to recognize Dostoevsky as a co-author. Thus, an appeal to the of Savely Tuberozov type precedes the review of the novel by N. S. Leskov (Stebnitsky) “Soboryane” published in the fourth issue. There is a similarity in the description of this image. In his analysis of Leskov’s work Dostoevsky reveals the concept of type in more detail than Meshchersky. The controversy with A. N. Pypin, presented in the article on the novel “Palma,” also belongs to Dostoevsky. The style is noticeably inconsistent, which indicates that the text resulted from the simultaneous work of two authors: Meshchersky and Dostoevsky. The article presents additional arguments in favor of the fact that Dostoevsky was one of the authors of the review of Leskov’s novel “Soboryane.” The mathematical methods used in this study confirm this hypothesis.

Keywords: Dostoevsky, Meshchersky, “Grazhdanin” (“Citizen”), A. I. Pal’m (P. Alminsky), novel, “Alexei Slobodin. Family history”, N. S. Leskov (Stebnitsky), “Soboryane”, attribution, review

For citation: Buchneva D. D. The Crisis of the Bibliographic Department: Did Dostoevsky Write Reviews for “Grazhdanin” (“The Citizen”). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 86–99. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6121. EDN: OKFLSO (In Russ.)

С первого января 1873 г. Достоевский возобновил в «Гражданине» рубрику «Критика и библиография», судьба которой его очень волновала. Так, 26 февраля 1873 г. он делился с М. П. Погодиным:

«Меня мучитъ многое, напримѣръ совершенное отсутствіе сотрудниковъ по библиографическому отдѣлу. Воротилс<я> на этой недѣль изъ Крыма Страховъ, я обрадовался (будетъ критика) а онъ вдругъ серьезно заболѣлъ»¹.

¹ Достоевский Ф. М. Письмо к М. П. Погодину. От 26 февраля 1873 г. (РГАЛИ. Ф. 373.1.149. Л. 3 об.; см.: Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный

В том же письме редактор описал свою работу в «Гражданине»: необходимо «ознакомиться съ грусами статей, оставшимися отъ прежняго редактора. Перечитывать статьи беретъ огромное время и разстраиваетъ мое здоровье, ибо чувствую что отнято время отъ настоящаго занятія. Затѣмъ, имѣя статью и рѣшивъ напечатать — переправлять ее съ начала до конца, что зачастую приходится»².

В первом номере «Гражданина» за 1873 г. было размещено несколько анонимных рецензий. Одна из них — на опубликованный в 10-м, 11-м и 12-м номерах «Вестника Европы» за 1872 г. фрагмент романа «Алексей Слободин. Семейная история» под псевдонимом А. И. Пальма «П. Альминский».

Достоевский с Пальмом познакомился на «пятницах» у Петрашевского. Позднее, когда началось разветвление основного кружка петрашевцев, в собрание Дурова, Пальма и Плещеева также вошли братья Достоевские (см.: [Бельчиков: 7]). 22 декабря 1849 г., рассказывая брату Михаилу о своем приговоре, Достоевский писал: «Одинъ Пальмъ прощенъ. Его тѣмъ-же чиномъ въ армию»³. Спустя тридцать лет Достоевский вновь встретился с Пальмом.

И. С. Тургенев, готовивший к публикации свой рассказ «Конец Чертапханова. Из “Записок Охотника”» в «Вестнике Европы», 9 декабря 1872 г. писал редактору журнала М. М. Стасюлевичу:

«Последний № “Вестника” получен и прочтен мною. “Слободин” — очень хорошая вещь, я узнал от Суворина, который здесь, что под “Альминский” скрывается Пальм. Я радуюсь за него»⁴.

Спустя две недели, 20 декабря, Тургенев в письме П. В. Анненкову так же восторженно заявил:

«Альминский, автор “Слободина”, — не кто иной, как Пальм, писатель Вам, вероятно, известный. “Слободин” — очень недурная вещь — особенно последняя часть мне нравится»⁵.

Для Тургенева не было секретом имя автора «Алексея Слободина», в частных переписках он делился этой информацией. Знал ли Достоевский, кто скрывается за псевдонимом «Альминский»? Вероятно, на момент публикации рецензии в «Гражданине» он не подозревал, что «Альминский» — это не кто иной, как Пальм. За критический отзыв, скорее всего, принялся бы сам Достоевский, но он не придал роману особого значения, поскольку

ресурс]. URL: <https://philolog.petrstu.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm> (17.04.2022)).

² Достоевский Ф. М. Письмо к М. П. Погодину. Л. 3.

³ Достоевский Ф. М. Письмо к М. М. Достоевскому. От 22 декабря 1849 г. (ОР РГБ. 93.1.6.13. Л. 13; см. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов. [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrstu.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm> (17.04.2022)).

⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 2000. Т. 12. С. 74.

⁵ Там же. С. 80.

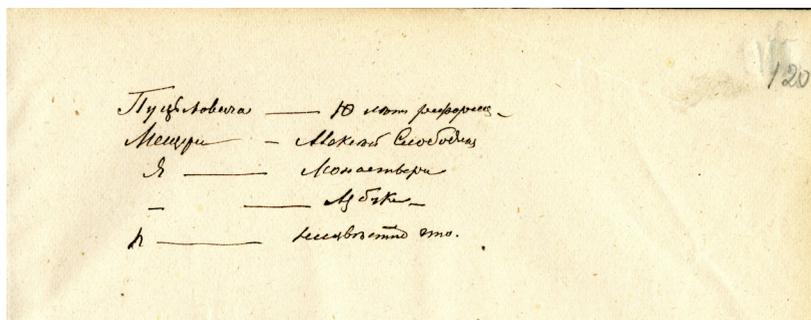
не знал, что «Алексей Слободин» задумывался Пальмом-Альминским как автобиографическое произведение.

Ор. Миллер писал:

«В романе своем “Алексей Свободин” (sic!) г. Пальм, как он мне говорил <...> в лице самого Свободина воспроизвел некоторые черты молодой поры Ф. М. Достоевского. Тут, во время одного из обычных споров в описываемом в романе кружке одни грудью стояли за гласное судопроизводство, другие видели все спасение в свободе печатного слова, третьи провозглашали выборное начало и т. д. Свободин тихо и медленно сказал: “Освобождение крестьян несомненно будет первым шагом в нашей великой будущности”» (цит. по: [Бельчиков: 36–37]).

В первых частях романа, опубликованных в «Вестнике Европы» за 1872 г., образ Алексея Слободина еще только формировался, поэтому Достоевский не мог или даже не стал предугадывать его дальнейшее развитие.

В записной тетради 1872–1873 гг. Достоевского отмечено: «*Мещерск<ий>* — *Алекстий Слободинъ*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.9. С. 120). В опубликованной в «Гражданине» статье вопросов об авторстве этого текста уже не возникало. Однако то, что Достоевский задумал и зафиксировал, не всегда могло быть воплощено в итоговом варианте номера. Это был только план, который задумал редактор.

Илл. 1. Фрагмент страницы записной тетради Ф. М. Достоевского 1872–1873 гг. с записью «*Мещерск<ий>* — *Алекстий Слободинъ*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.9. С. 120)

Fig. 1. Fragment of a page of F. M. Dostoevsky's notebook of 1872–1873 with the entry “*Meshchersky — Aleksey Slobodin*” (Russian Archive of Literature and Art. Fund 212.1.9. P. 120)

Занимаясь изучением взаимоотношений между Достоевским и Лесковым, В. В. Виноградов впервые заявил, что рецензия на роман Пальма написана либо самим Достоевским, либо при его участии. Камнем преткновения в атрибуции для всех исследователей стало то, что автор рецензии отнес роман «Бесы» Достоевского к «капитальным произведениям»:

«Всѣ наши журналы изобилуютъ романами, повѣстями, рассказами; но за исключеніемъ такихъ капитальныхъ произведеній, какъ романъ гр. Толстаго, “Бѣсы”, Достоевскаго, “Соборянь”, Лѣскова-Стебницкаго, много ли въ нихъ типовъ?»⁶.

Атрибутируя рецензию, Виноградов упоминает полемическую заметку в «Голосе» от 31 июня 1873 г. [Виноградов, 1961с: 510]. Заметим, что она была опубликована не 31 июня, как пишет Виноградов, а 18 января 1873 г., т. е. в 18-м номере «Голоса».

Эту же ошибку, вслед за Виноградовым, допускают комментаторы академического Полного собрания сочинений Достоевского, исправляя только месяц выхода 210-го номера — 31 июля. Автор «Литературных и общественных курьезов» А. Г. Ковнер в «Голосе» намекает на авторство Достоевского:

«Въ первомъ же нумерѣ “Гражданина” за нынѣшній годъ, новый редакторъ называетъ свой, только-что оконченный романъ “Бѣсы” — “капитальнымъ произведеніемъ” <...> Признавая свой романъ “Бѣсы” “капитальнымъ произведеніемъ”, г. Достоевскій окончательно разошелся со мной... Не отрицая въ этомъ романѣ нѣсколько вполнѣ удачныхъ типовъ и много истинно художественныхъ страницъ, я, однако, считалъ его больше “куръезомъ”, чѣмъ романомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; а тутъ вдругъ самъ авторъ признаетъ его “капитальнымъ произведеніемъ”!»⁷.

Виноградов не видит ничего «неприличного» в такой оценке своего романа Достоевским, поскольку автор «Бесов» был убежден, что его образы типичны [Виноградов, 1961с: 510–511]. Однако комментаторы *Д30* однозначно убеждены: Достоевский, только что занявший редакторский пост, «не мог совершить подобной бестактности»⁸. Главным аргументом в пользу авторства Мещерского они посчитали примечание Е. Н. Коншиной к записным книжкам и тетрадам Достоевского, опубликованным при ее участии в 1935 г. [Коншина, Игнатова: 446]. Исследовательница связала зафиксированную Достоевским запись с рецензией на роман Пальма.

⁶ Алексей Слободин. Семейная история. «Вестник Европы». 1872. Октябрь, ноябрь и декабрь // Гражданин. 1873. № 1. С. 21–22. Далее: *Алексей Слободин*.

⁷ Литературные и общественные курьезы // Голос. 1873. № 18. 18 января.

⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 180. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

Так, исследователи пытались решить вопрос авторства критической статьи в «Гражданине» однозначно: либо Достоевский, либо Мещерский. Однако редакторская работа Достоевского предполагала различные формы взаимодействия. Формулировка Виноградова, что рецензия может быть написана «при непосредственном участии Достоевского» не является корректной. Необходимо более точно определять «степень» участия. Статья может подвергаться редакторской правке или быть написанной в соавторстве. На журффиках Мещерского обсуждались будущие номера «Гражданина»: Достоевский задавал тон и направлял авторов, давал свои комментарии по разным вопросам, которые проникали в статьи, заметки и рецензии.

Рецензия на роман «Алексей Слободин» строится на концепции о художественных типах, которую однозначно не мог разработать Мещерский, поскольку не был опытным критиком. В конце января 1873 г., в четвертом номере «Гражданина», вышла анонимная рецензия на роман Лескова-Стебницкого «Соборяне», для которой также риторической фигурой выступает «тип»:

«Въ сферу поэзіи нашей авторъ вводитъ въ первый разъ лица изъ русскаго духовенства и притомъ съ чисто-поэтическимъ отношеніемъ къ нимъ, т. е. ставитъ передъ нами *положительные типы* изъ этой среды. Г. Лѣсковъ открываетъ такимъ образомъ для нашей поэзіи новую, нетронутую еще ею жизненную среду русскаго общества и народа»⁹.

Вопрос об авторе критической статьи на роман «Соборяне» Лескова в «Гражданине» вызвал ряд дискуссий. Так, некоторые исследователи представили точку зрения, что ее составителем является Ф. М. Достоевский (В. В. Виноградов [Виноградов, 1961a, 1961b, 1961c: 487–555], В. А. Викторovich [Викторovich, 1996: 158–162; 2019: 318–323]). В. А. Туниманов [Туниманов: 188–189] и комментаторы академического Полного собрания сочинений Достоевского (ДЗ0; т. 27: 181–182) выдвинули гипотезу в пользу авторства В. П. Мещерского. И. Зохран в 2004 г. предположила в рецензии соавторство Мещерского и Достоевского [Zohrab]. На наш взгляд, пришла пора признать за Достоевским эту анонимную статью.

Добавим еще некоторые комментарии и уточнения к атрибуции рецензии на роман «Соборяне». Так, помимо изображения положительных типов в произведении, можно раскрывать, как отмечает автор статьи, отрицательные. Однако у Лескова не получается довести до совершенства образы Термосесова и Бизюкина, поэтому они «составляютъ величайшій поэтической грѣхъ уважаемаго автора: это не только не типы, это даже не карикатуры, потому что для карикатуры въ нихъ совершенно нѣтъ соли — нѣтъ, это просто созданья какого-то кошмара» (*Соборяне*: 126). Автор рецензии видит

⁹ Соборяне. Старогородская хроника. Н. Лескова. (Стебницкого). Москва. 1872 (5 частей в одной книге; 136+72+74+42+76, всего 400 страниц) // Гражданин. 1873. № 4. С. 125. Далее: *Соборяне*.

путь к раскрытию таких типов: «...онъ долженъ изумлять насъ своею жизненною энергiей и силой (Скупой рыцарь, Ричардъ III и т. д.)» (*Соборяне*: 126). Интересное совпадение обнаруживается с художественной работой Достоевского, который в 1863 г. в письме к Н. Н. Страхову, указал, что составил план рассказа про «лицо живое»¹⁰, главная особенность которого заключается в том, что «всѣ его жизненны[я]/е/ соки, силы, буйство, смѣлость пошли на рулетку»¹¹. Этого «изумления» и требует впоследствии Достоевский от Лескова.

Итогом представленных выше рассуждений стал завершенный в 1866 г. роман «Игрок». В том же письме к Страхову Достоевский заметил: «Онъ — игрокъ, и не простой игрокъ, также какъ скупой рыцарь Пушкина не простой скупецъ»¹². Писатель видит необходимость в глубоком раскрытии образа, поскольку он должен не просто существовать в художественном тексте, а быть, по крайней мере, «дополнительною краской» (*Соборяне*: 126). Достоевский обещает Страхову не написать задуманное произведение, а «сдѣлать картину»¹³ в метафорическом смысле. Так и роман Лескова он сопоставляет с превосходной картиной, на которой такие образы, как Термосесов и Бизюкин, — серые пятна.

В рецензии разграничиваются понятия «романист» и «поэт». Так, по мнению автора, описывая жизнь, поэт уходит в глубину, а не в сложность — в свою очередь, форма романа требует обратного. Как следствие, «наши поэты менѣе всего романисты, а наши романисты прежде всего поэты, а потомъ уже романисты» (*Соборяне*: 125). Это рассуждения Достоевского. Мещерский — беллетрист, а не поэт и романист, он не способен погружаться в сложность таких вопросов. Достоевский несколько раз вспоминает Пушкина и его «бессмертные созданья» (*Соборяне*: 125), в частности, трагедии, обращается к «Капитанской дочке». Глубина анализа и размышлений автора над романом Лескова, концепция художественных типов, отношение к критике в целом, стилистическое совпадение — все это выдает истинного автора рецензии на роман «Соборяне», которым является Достоевский¹⁴.

Усиливая аргументацию В. В. Виноградова об авторстве Достоевского в рецензии на роман Стебницкого, В. А. Викторович акцентировал внимание

¹⁰ Достоевский Ф. М. Письмо к Н. Н. Страхову. От 18 (30) сентября 1863 г. (РО ИРЛИ. Ф. 287. № 52. Л. 4; см.: Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm> (17.04.2022)).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 4 об.

¹⁴ Текст был подвергнут исследованию с помощью математических методов. Так, «Лес решений» атрибутировал рецензию Достоевскому. Однако нейросеть «Трансформер» отвергла его авторство. См. подробнее результаты: ИС СМАЛТ (Информационная система «Статистические методы анализа литературных текстов») / А. А. Рогов, Р. В. Абрамов, Д. Д. Бучнева, О. В. Захарова, К. А. Кулаков, А. А. Лебедев, Н. Д. Москин, А. В. Отливанчик, Е. Д. Савинов, Ю. В. Сидоров [Электронный ресурс]. URL: <http://small.karelia.ru/> (17.04.2022).

на проблеме типа — ключевой в эстетике Достоевского. Эта оригинальная идея была отражена в критических статьях 1860-х гг. [Викторович, 1996: 158]. Для Достоевского принципиально важно открытие новых типов. Начинается рецензия на роман Пальма следующими словами:

«Типовъ, давайте намъ типовъ, въ литературѣ нашей нѣтъ типовъ, — вотъ слова, которыя чуть ли не каждый день приходится говорить, приходится и выслушивать всякій разъ, что рѣчь заходитъ о нашей современной беллетристикѣ. **И дѣйствительно, отсутствіе типовъ въ литературѣ есть одна изъ многихъ болѣзней нашей эпохи**» (Алексей Слободин: 21)¹⁵.

Достоевский до публикации рецензии не раз высказывался об отсутствии типов в литературе и уже после, например, писал:

«А сколько, сколько расплодилось у нас теперь говорунов? <...> Это тип новый, недавно народившийся; художественная литература его еще не затрагивала. Много чего не затронула еще наша художественная литература из современного и текущего, много совсем проглядела и страшно отстала. Всѣ больше типами сороковых годов пробиваются, много что пятидесятихъ» (ДЗ0; т. 27: 8).

После основного тезиса в рецензии, заявленного Достоевским, идет перечисление «капитальных произведений». Удивительно, что редактор не унифицировал написание произведений и их авторов. Так, в критической статье на «Алексея Слободина» сказано:

«Всѣ наши журналы изобилуютъ романами, повѣстями, рассказами; но за исключеніемъ такихъ капитальныхъ произведений, какъ романъ гр. Толстаго, “Бѣсы”, Достоевскаго, “Соборянѣ”, Лѣскова-Стебницкаго, много ли въ нихъ типовъ?» (Алексей Слободин: 21–22).

В предложении отсутствует название романа Толстого — «Война и мир». После художественных текстов стоят лишние запятые.

В рецензиях высоко оцениваются романы «Война и мир» Толстого, «Соборяне» Лескова. Однако в критической статье, посвященной «Соборянам», упоминаются также глубокие произведения Пушкина, Тургенева, Фета, в анонимной рецензии на произведение Пальма — «Бесы» Достоевского. Вероятно, это неизменный фрагмент текста Мещерского, представленного Достоевскому. Он не стал исключать слова о своем романе в статье, написанной Мещерским, но, уже занимаясь самостоятельно подготовкой рецензии на лесковское произведение, вспоминает других «глубоких» авторов, не включая в этот список себя по этическим соображениям.

Оценка Савелия Туберозова в рецензии на роман «Алексей Слободин» предвещает будущую критическую статью о «Соборянах». Ср.:

¹⁵ Здесь и далее в цитатах полужирным шрифтом выделено мной.

Рецензия на роман А. Пальма	Рецензия на роман Н. Лескова (Стебницкого)
<p>«Свѣжо еще въ насъ воспоминаніе объ отцѣ Савеліѣ “Соборянѣ”. Эта убогая, по своему общественному значенію, но коллосальная по своему богатству внутренняго содержанія, личность священника, не приковываетъ ли она къ себѣ, не очаровываетъ ли она собою, именно потому, что типъ Туберозова — это жизнь, и опять-таки будничная жизнь, гдѣ извѣстныя необыкновенныя обстоятельства, проходящія чрезъ эту будничную жизнь, чуть-чуть только усиливаютъ колоритъ и освѣщеніе, но не создаютъ ничего новаго и не могутъ создать, ибо чтобы типъ былъ удаченъ, онъ долженъ слагаться изъ пережитаго всякимъ, авторомъ и читателями — будничнаго, такъ сказать, духовнаго матеріала.</p> <p>Намъ говорятъ въ отвѣтъ: правда, типовъ нѣтъ, но знаете ли, почему ихъ нѣтъ? — потому что ихъ нѣтъ въ нашей современной жизни.</p> <p>Трудно съ этимъ безусловно согласиться всякому, кто мало-мальски углублялся въ нѣдра нашей нынѣшней русской жизни.</p> <p>Туберозовъ “Соборянѣ”, не есть ли это современный типъ съ значеніемъ высоко-художественнаго произведенія? Если это типъ, то одинъ уже этотъ фактъ доказываетъ, что въ нынѣшней нашей жизни типы есть» (Алексей Слободин: 22)</p>	<p>«Главное лицо всей хроники, масивнаго и маститаго, вызывающаго къ себѣ всеобщее уваженіе, бездѣтнаго хоть и женатаго, семидесятилѣтняго старика, протоіерея Савелія Туберозова <...> Что за лицо! Съ первой страницы хроники, съ первыхъ — что называется — ударовъ кисти художника, просто и естественно, какъ сама жизнь, вырастаетъ эта чудесная, величавая фигура, разъ увидавъ которую, никогда ея не забудешь. <...> Тихо и сильно, какъ всякая настоящая жизнь, проходитъ передъ нами это глубокое лицо, живое до способности къ комизму и серьезное до высокаго, до трагизма, до слезъ. Но въ своей примиренности, въ чистомъ сіяньи искусства, оно стоитъ передъ нами еще неотразимѣе, еще сильнѣе чѣмъ елибъ поэтъ вздумалъ обратиться — елибъ это было возможно — въ грошоваго обличителя, наставителя, моралиста и т. п. Все кругомъ него въ романѣ, все, въ чемъ есть живая душа, все тяготѣетъ къ нему, какъ къ силѣ, какъ къ сердцу своему, а оно — это лицо — стоитъ одиноко, не смотря на привязанность къ себѣ паствы, на общее уваженіе, на близость имъ только и дышащей, любящей жены. <...> Какъ бы то ни было, человѣкъ написавшій “Соборянѣ”, т. е. создавшій типъ Туберозова, не можетъ не быть истиннымъ поэтомъ, имя котораго не пропадетъ» (Соборяне: 125–126)</p>

Авторы высоко оценивают созданный Лесковым тип Савелия Туберозова: «коллосальная по своему богатству внутренняго содержанія, личность священника» (Алексей Слободин: 22); в рецензии на «Соборянѣ» — «величавая фигура, разъ увидавъ которую, никогда ея не забудешь» (Соборяне: 125).

Только истинный поэт может создать «капитальное произведение» (Алексей Слободин: 22) с «положительными типами» (Соборяне: 125) из русского духовенства. «Главным лицом всей хроники» (Соборяне: 125) и «современным типом со значением высокохудожественного произведения» (Алексей Слободин: 22) является Савелий Туберозов. Нет сомнений, что характеристику образа в обеих рецензиях давал один критик — Достоевский. Фрагмент о Туберозове, представленный в рецензии на роман Пальма, отличается также синтаксически. В нем заметно изменение стиля.

Стоит обратить внимание на еще один важный фрагмент в рецензии на роман Пальма — полемику с А. Н. Пыпиным:

«Но если такова была мысль автора, то надо признаться, что главная его ошибка заключается въ томъ, въ чемъ, на примѣръ, жестоко согрѣшилъ господинъ Пыпинъ, въ своей роли судьи умственнаго движенія Россіи въ началѣ столѣтія, подходя къ личностямъ того времени и къ ихъ мыслямъ съ точки зрѣнія мыслителя того же столѣтія, но только нашего времени. Пыпинъ ставитъ въ упрекъ Карамзину то, что онъ не судилъ о французской революціи 1793 года такъ какъ онъ, Пыпинъ и ему подобные, ее судятъ въ 1869-мъ» (Алексей Слободин: 22).

Достоевский всегда расходился с Пыпиным в идейном плане. Отрицательно он отнесся и к опубликованным в девятом номере «Вестника Европы» за 1870 г. «Очеркам общественного движения при Александре I. IV. Карамзин. Записка о новой и древней России». Пыпин критикует Карамзина, сопровождая свои доводы фразами вроде: «при всей странности этихъ взглядовъ Карамзина», «ему было трудно осмотрѣться въ событіяхъ»¹⁶, «онъ былъ еще молодъ, не умѣлъ понимать дѣйствительности»¹⁷ и т. д. В рецензии фраза «такъ какъ онъ, Пыпинъ и ему подобные, ее судятъ въ 1869-мъ» (Алексей Слободин: 22) относит к «Очеркам» Пыпина 1870 г.

Страхов, полемизируя с Пыпиным, опубликовал в десятом номере «Зари» за 1870 г. под псевдонимом «Н. Косица» очень эмоциональную статью «Вздых на гробе Карамзина (Письмо в редакцию “Зари”»)¹⁸. Достоевский отреагировал на нее в письме Страхovu от 2 (14) декабря 1870 г.:

«Къ Статьѣ о Карамзинѣ (Вашей) я пристрастенъ, ибо такова почти была и моя юность и я возросъ на Карамзинѣ. Я ее съ чувствомъ читалъ. Но мнѣ понравился и тонъ. Мнѣ кажется Вы въ первый разъ такъ рѣзко высказываете то, о чемъ всѣ молчали. Рѣзкость-то мнѣ и нравится. Именно

¹⁶ Пыпин А. Н. Очерки общественного движения при Александре I. IV. Карамзин. Записка о новой и древней России // Вестник Европы. 1870. № 9. С. 186.

¹⁷ Там же. С. 185.

¹⁸ Н. Косица. Вздых на гробе Карамзина (Письмо в редакцию «Зари») // Заря. 1870. № 10. С. 202–232.

смѣлости, именно усиленнаго самоуваженія надо больше. Нисколько не удивляюсь, что эта статья Вамъ доставила даже враговъ»¹⁹.

Параллельно выходявшим главам «Алексея Слободина» Пыпин публиковал в «Вестнике Европы» цикл исторических очерков «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов», на который Достоевский отреагировал в «Дневнике Писателя»²⁰:

«Но съ чтеніемъ статей г. Пыпина я отрезвился. Разумѣется я желаю и по прежнему продолжаю желать изо всѣхъ моихъ силъ, чтобы драгоцѣнныя, твердыя и самостоятельныя начала, присущія народу русскому, существовали дѣйствительно; но согласитесь тоже — что же это за такія начала, которыхъ даже самъ г. Пыпинъ не видитъ, не слышитъ и не примѣчаетъ, которыя спрятаны, спрятались и никакъ не хотятъ отыскаться?»²¹.

Вероятно, Достоевского в большей мере задела глава о «Славянофильстве», в которой Пыпин высмеивает почвенников:

«Новый период ея²² мало увеличилъ литературныя силы первоначальной школы, и мало подвинулъ доказательство ея основныхъ положеній; за то слабыя стороны этого ученія обнаружились теперь ярче, чѣмъ когда-нибудь. Къ славянофильству примкнули новыя школы, которыя также заговорили о “народныхъ началахъ”, “почвѣ” и т. п., и не имѣя ни таланта, ни горячаго убѣжденія первыхъ начинателей ученія, распространяли только пустыя фразы на тему народности и болѣе или менѣе явный обскурантизмъ. Славянофильская публика стала увеличиваться рядами той публики, патриотизмъ которой в прежнее время называли кваснымъ, которая, не вдаваясь въ особыя размышленія, довольствовалась шумливыми и хвастливыми фразами о народности...»²³.

Упомянув в последней части исторических очерков «не вполне благоприятныя заключенія о литературной эпохѣ сороковыхъ годовъ, какія вызывала современная дѣятельность нѣкоторыхъ писателей, принадлежавшихъ той эпохѣ по началу своей дѣятельности», Пыпин не обошел стороной Достоевского:

«Можно пожалуй прибавить, что и нынѣшній “Гражданинъ” издается также самымъ настоящимъ, повидимому, человѣкомъ сороковыхъ годовъ... <...>

¹⁹ Достоевский Ф. М. Письмо к Н. Н. Страхову. От 2 (14) декабря 1870 г. (РО ИРЛИ. Ф. 52. Л. 37 об.; см. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов. [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petsu.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm> (17.04.2022)).

²⁰ Достоевский Ф. М. Дневник Писателя. XI. Мечты и грѣзы. I // Гражданин. 1873. № 21. С. 606–608.

²¹ Там же. С. 606.

²² Имеется в виду славянофильства.

²³ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки. VI. Славянофильство. (Продолжение) // Вестник Европы. 1872. № 12. С. 678.

Нынѣшній редакторъ “Гражданина” приобрѣлъ тогда (“Бѣдными Людми”) свою славу какъ писатель беллетристическій, извѣстнаго гражданско-филантропическаго характера, навѣяннаго Гоголемъ, — но о другихъ его произведеніяхъ Бѣлинскій еще тогда же мѣтко отозвался какъ о “нервической чепухѣ”, которая въ послѣднее время и господствуетъ, кажется, безраздѣльно, въ его произведеніяхъ»²⁴.

Таким образом, фрагмент полемики с Пыпиным в рецензии на роман Пальма принадлежит Достоевскому.

Заметны в рецензии стилевые «скачки». Особенно ярко на синтаксическом уровне проявляется неровность слога. Присутствуют фразы, характерные для Мещерского, например, «таинственная прелесть романовъ» или «неизъяснимая прелесть живѣйшаго интереса», но также наблюдаются формулировки, свойственные Достоевскому: «...главная живая мысль, проникающая все произведение и объединяющая всѣ его составныя части» (*Алексей Слободин*: 22).

Исследование текста проводилось с помощью математических методов определения авторства — в частности, «Леса решений», который показал следующие результаты: Достоевскому и Мещерскому атрибутировалось по 21 % текста, 57 % текста может принадлежать любому из двух авторов. Фрагмент о художественных типах, включая часть о «капитальных произведениях», принадлежит, по результатам эксперимента, Достоевскому. Финальные абзацы — Мещерскому. Poleмика с Пыпиным и небольшая, но важная оценка типа Савелия Туберозова могут относиться как к авторству Мещерского, так и Достоевского²⁵. Математические методы подтверждают выдвинутую гипотезу.

Есть все основания признать Достоевского соавтором рецензии на роман Пальма «Алексей Слободин. Семейная история», поскольку им была разработана концепция, на основе которой строилась критическая статья. Мещерский проанализировал «Алексея Слободина» с точки зрения типов. Вставка про Савелия Туберозова из «Соборян» Лескова, полемика с Пыпиным — это те фрагменты текста, где Достоевский выступил соавтором Мещерского.

²⁴ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. IX. Заключение // Вестник Европы. 1873. № 7. С. 259.

²⁵ См. результаты исследований: ИС СМАЛТ (Информационная система «Статистические методы анализа литературных текстов») / А. А. Рогов, Р. В. Абрамов, Д. Д. Бучнева, О. В. Захарова, К. А. Кулаков, А. А. Лебедев, Н. Д. Москин, А. В. Отливанчик, Е. Д. Савинов, Ю. В. Сидоров. [Электронный ресурс]. URL: <http://smalt.karelia.ru/> (19.04.2022).

Список литературы

1. Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 247 с.
2. Викторovich В. А. Ф. М. Достоевский. Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. (атрибуция и научный комментарий В. Викторovichа) // Знамя. 1996. № 11. С. 151–177.
3. Викторovich В. А. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873–1874). Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. 426 с. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (15.04.2022)
4. Виноградов В. В. Достоевский и Лесков (70-е годы XIX века) // Русская литература. 1961. № 1. С. 63–84. (a)
5. Виноградов В. В. Достоевский и Лесков (70-е годы XIX века). Окончание // Русская литература. 1961. № 2. С. 65–97. (b)
6. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: ГИХЛ, 1961. 614 с. (c)
7. [Коншина Е. Н., Игнатова Н. И.] Записные тетради Ф. М. Достоевского, публикуемые центральным архивным управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР им. Ленина (тетради №№ 2 и 3) / подгот. к печати Е. Н. Коншиной, коммент. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. М.; Л.: Academia, 1935. 476 с.
8. Туниманов В. А. Ф. М. Достоевский и Н. С. Лесков в 1873 году. Литературная дуэль // *Ars philologiae*: профессору Аскольду Борисовичу Муратову ко дню шестидесятилетия: сб. ст. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 188–189.
9. Zohrab I. A Chronological Description of the Contents of Meshchersky's "The Citizen" ("Grazhdanin") During Dostoevsky's Editorship. Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions (in English Translation, Nos 1–30, 1873) // *New Zealand Slavonic Journal*. 2004. No. 38. P. 181–225.

References

1. Bel'chikov N. F. *Dostoevskiy v protsesse petrashevtsyev* [*Dostoevsky in the Trial of the Petrashevtsy*]. Moscow, Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936. 247 p. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. F. M. Dostoevsky. Newly Attributed Articles of 1872–1874. In: *Znamya*, 1996, no. 11, pp. 151–177. (In Russ.)
3. Viktorovich V. A. *Dostoevskiy — redaktor «Grazhdanina» (1873–1874)* [*Dostoevsky as Editor of "Grazhdanin" ("Citizen") (1873–1874)*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2019. 426 p. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (accessed on April 15, 2022). (In Russ.)
4. Vinogradov V. V. Dostoevsky and Leskov (the 70s of the 19th Century). In: *Russkaya literatura*, 1961, no. 1, pp. 63–84. (In Russ.) (a)
5. Vinogradov V. V. Dostoevsky and Leskov (the 70s of the 19th Century). Ending. In: *Russkaya literatura*, 1961, no. 2, pp. 65–97. (In Russ.) (b)
6. Vinogradov V. V. *Problema avtorstva i teoriya stiley* [*An Authorship Problem and the Theory of Styles*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1961. 614 p. (In Russ.) (c)
7. Konshina E. N., Ignatova N. I. *Zapisnye tetradi F. M. Dostoevskogo, publikuemye Tsentral'nym arkhivnym upravleniem SSSR (tetradi №№ 1 i 4) i Publichnoy bibliotekoy SSSR imeni Lenina (tetradi №№ 2 i 3)* [*F. M. Dostoevsky's Notebooks Published by the Central Direction of Archives*]

- of the USSR (Notebooks No. 1 and No. 4) and by the Lenin State Library of the USSR (Notebooks No. 2 and No. 3)]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 476 p. (In Russ.)*
8. Tunimanov V. A. F. M. Dostoevsky and N. S. Leskov in 1873. The Literary Duel. In: *Ars philologiae: professoru Askol'du Borisovichu Muratovu ko dnyu shestidesyatiletiya [Ars philologiae: to Professor Askold Borisovich Muratov on His Sixtieth Birthday]*. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1997, pp. 188–189. (In Russ.)
 9. Zohrab I. A Chronological Description of the Contents of Meshchersky's The Citizen (Grazhdanin) During Dostoevsky's Editorship. Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions (in English Translation, Nos 1–30, 1873). In: *New Zealand Slavonic Journal*, 2004, no. 38, pp. 181–225. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бучнева Дарья Дмитриевна, студентка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1990-3117>; e-mail: darja.lammasjarvi@mail.ru.

Daria D. Buchneva, Student of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1990-3117>; e-mail: lammasjarvi@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.04.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.06.2022

Принята к публикации / Accepted 14.06.2022

Дата публикации / Date of publication 08.07.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6101

EDN: NESRUW

**«Тем не менее дим идет»:
выписки из статьи М. Куторги в рукописях Ф. М. Достоевского**

А. А. Скоропадская

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: san19770@mail.ru

Аннотация. «Дневник Писателя» являет собой пример уникальной журналистской манеры Достоевского, работавшего во многих публицистических жанрах, в том числе — в жанре политического обозрения. Современные внутрироссийские и международные события писатель анализировал, не только опираясь на большой объем столичной, провинциальной и иностранной прессы, но и обращаясь к примерам далекой и близкой истории. Ярким образцом такого рода обращений являются выписки из статьи русского антиковеда М. С. Куторги, встречающиеся в рабочих материалах к «Дневнику Писателя» за 1876 г. Достоевского интересуют приводимые Куторгой мысли Платона и Аристотеля о тирании, демократии, монархии, олигархии, а также — о реформах Солона. В настоящей статье дается фактологический и текстологический комментарий к выпискам, определяется их связь с содержанием записной тетради 1875–1876 гг. Факты античной истории, осмысленные древнегреческими философами и вслед за ними — русским ученым-историком, находят отклик в историософской концепции Достоевского, отстаивающего монархические и православные позиции.

Ключевые слова: Достоевский, М. С. Куторга, античность, Платон, Аристотель, монархия, тирания, аристократия, демократия, политика, самодержавие, народ, «дим», дем, демос

Благодарность. Автор благодарит за помощь в расшифровке рукописей Ф. М. Достоевского Татьяну Викторовну Панюкову, ведущего редактора WEB-лаборатории Петрозаводского государственного университета.

Для цитирования: Скоропадская А. А. «Тем не менее дим идет»: выписки из статьи М. Куторги в рукописях Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 2. С. 100–116. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6101. EDN: NESRUW

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6101

EDN: NESRUW

“Nevertheless, “Dim” Is Coming”: Extracts from an Article by M. Kutorga in F. M. Dostoevsky’s Manuscripts

Anna A. Skoropadskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: san19770@mail.ru

Abstract. “A Writer’s Diary” is an example of the unique journalistic style of Dostoevsky, who worked in many journalistic genres, including political review. The writer analyzed current domestic and international events, relying on a large volume of the metropolitan, provincial and foreign press, as well as appealing to examples from distant and recent history. Extracts from an article by the Russian antiquarian M. S. Kutorga, found in the working materials for “A Writer’s Diary” for 1876, are a vivid example of such appeals. Dostoevsky is interested in the thoughts of Plato and Aristotle cited by Kutorga about tyranny, democracy, monarchy, oligarchy, and also about Solon’s reforms. This article provides a factual and textual commentary on the extracts, determines their connection with the contents of the 1875–1876 notebook. The facts of ancient history, interpreted by the ancient Greek philosophers and, subsequently, by the Russian historian, resonate with the historiosophical concept of Dostoevsky, who defends the monarchical and Orthodox positions.

Keywords: Dostoevsky, M. S. Kutorga, antiquity, Plato, Aristotle, monarchy, tyranny, aristocracy, democracy, polity, autocracy, people, “dim”, dem, demos

Acknowledgements. The author thanks Tatyana Viktorovna Panyukova, Leading Editor of the WEB-Laboratory of Petrozavodsk State University, for her help in deciphering F. M. Dostoevsky’s manuscripts.

For citation: Skoropadskaya A. A. “Nevertheless, “Dim” Is Coming”: Extracts from an Article by M. Kutorga in F. M. Dostoevsky’s Manuscripts. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 100–116. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6101. EDN: NESRUW (In Russ.)

Публицистика Ф. М. Достоевского вбирает в себя многочисленные журналистские жанры, в том числе — жанр политического обозрения. Редакторский и авторский опыт работы по освещению международных событий, полученный в журналах «Время» и «Эпоха» [Нечаева, 1972, 1975], еженедельнике «Гражданин» [Викторович], в наибольшей степени сформировал отличительную манеру Достоевского, в основе которой была «своя концепция мировой истории и европейской политики, свое понимание причин и свои оценки событий, которых нет ни у кого из обозревателей» [Захаров, 2021: 55]. Глубина анализа современных писателю внутрироссийских и международных событий обеспечивалась не только прочтением большого объема столичной, провинциальной и иностранной прессы, но и частыми обращениями к примерам далекой и близкой истории.

Так, сохранившиеся рукописи Достоевского содержат свидетельства интереса писателя к античной истории. Одним из таких свидетельств являются неоднократные обращения к статье известного русского антиковеда М. С. Куторги «Борьба димократии с аристократией в древних эллинских республиках пред персидскими войнами», опубликованной в ноябрьском выпуске «Русского Вестника» за 1875 г.¹ Упоминания статьи и выписки из нее связаны с работой над возобновленным «Дневником Писателя»², однако они не становились предметом специального исследования, хотя при публикациях рабочих материалов в отдельном издании [ЛН: 480, 482] и в составе полного собрания сочинений³ к ним был сделан фактологический комментарий. Между тем статья оказала определенное влияние на формирование некоторых развиваемых в «Дневнике Писателя» мыслей.

Статья М. Куторги несколько раз упоминается Достоевским в рабочих материалах к январскому номеру «Дневника Писателя» за 1876 г. Достоевскому было свойственно вести записи одновременно на отдельных листах и в тетрадах, которые не всегда заполнялись писателем последовательно. В рассматриваемом нами случае упоминания статьи М. Куторги находятся в тематических набросках к «Дневнику Писателя» на отдельном листе (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.11/2) и в потоке записей рабочей тетради 1875–1876 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.15)⁴. Сохранившийся комплекс рукописей не всегда позволяет определить хронологию записей. Внутренние даты (указание на номера прочитанных газет и журналов), обрамляющие упоминания статьи в тетради, варьируются между 15/17 и 24/25 декабря 1875 г. В набросках на отдельном листе нет внутренних дат и указаний на конкретные периодические издания, хотя один из пунктов намечаемой структуры «Дневника Писателя» назван «Слышанное и прочитанное». По содержанию фиксируемые на листе темы соотносятся с записями в рабочей тетради: роман «Дым» И. С. Тургенева, памятник Александру I и Н. Карамзину в Симбирске, суд над купцом Овсянниковым. Упоминание статьи Куторги находится на обороте второго листа:

*«Китай, Японія —
Все это фантастично
Но и въ Европѣ*

¹ Куторга М. Борьба димократіи съ аристократіей въ древнихъ эллинскихъ республикахъ предъ персидскими войнами // Русскій Вѣстникъ. 1875. № 11. С. 5–61. Далее ссылки на это издание, в дореволюционной орфографии и пунктуации, приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

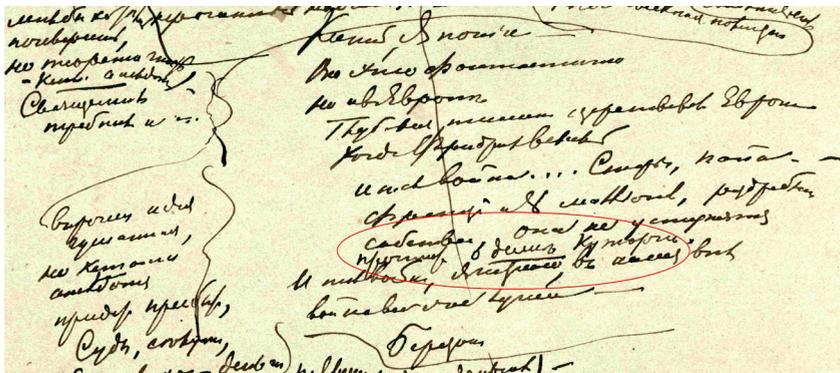
² Формы и этапы этой работы представлены в описаниях рукописного наследия Достоевского: [Нечаева: 58–73; Рукописное наследие: 132–143].

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. С. 394. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

⁴ Записные тетради представлены на портале «Архив Ф. М. Достоевского», созданном при финансовой поддержке РФФ (см.: dostoevsky-archive.ru).

Глубокая тишина царствовала {Европа}
 Когда Фридрихъ великій
 И такъ война... Стары <г>. Папа. —
 Франція и 8 миллионѣвъ, раздроблен<ная>
 собствен<ность>, они не уступятъ
 {Прочтите о димѣ Куторги.}
 И такъ война, я незнаю, въ нашъ вѣкъ
 война все же лучше —
 Березинъ» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.11/2. Л. 2 об.)⁵.

Характер записи «Прочтите о димѣ Куторги» свидетельствует, что она была вписана: во-первых, промежутком между строками меньше, чем в обрамляющем записи тексте, во-вторых, по содержанию записи вклинивается в ряд мыслей, обращенных к теме войны.

Илл. 1. Фрагмент рукописи с набросками к «Дневнику Писателя» 1876 г.
 (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.11/2. Л. 2 об.)

Fig. 1. A fragment of the manuscript with sketches for “A Writer’s Diary” 1876

Отметим, что в первой публикации данного отрывка при его расшифровке были допущены некоторые неточности, в т. ч. — в интересующей нас фразе, принявшей вид: «**прочитать** о **димѣ** Куторги» (ДЗ0; т. 22: 142; выделено нами. — А. С.). Из такого ошибочного прочтения вытекала возможность рассматривать фразу в качестве пометы для себя: как намерение познакомиться с **еще не прочитанной** статьей — между тем перед нами фрагмент диалога с будущим читателем, которого Достоевский отсылает к **уже известной** ему статье. Помимо собственно графического рисунка слова, можно

⁵ Здесь и далее вычеркнутый текст дан в квадратных скобках, вписанный — в фигурных, сокращения раскрыты в угловых скобках.

привести еще несколько аргументов, опровергающих такую первоначальную расшифровку.

Во-первых, термин *дим* — авторский: так Куторга трактовал греческое понятие δῆμος. В традиционной практике русской исторической науки XIX в. δῆμος передавался как «демос» или «дем»: в справочных, учебных и историографических изданиях по антиковедению общепринятым являлся вариант «демос» или его дословный перевод на русский язык — «народ». Ученый-антиковед, Куторга большое внимание уделял терминологии и требовал, чтобы она соответствовала духу и ментальности народа⁶, поэтому при передаче греческих понятий часто прибегал к рейхлиновой огласовке⁷ или подбирал соответствующие аналоги в русском языке. Слова *дим*, *димократия* — его принципиальная терминологическая установка, которую он декларирует в самом начале статьи, делая примечание к ее заголовку:

«Употребляя слово димократія, вмѣсто вообще принятаго въ наше время слова демократія, мы не имѣли въ виду рейхлинскаго и русскаго произношенія греческихъ словъ, а желали указать на совершенное, по своему существу, различіе между древнею димократіей и новѣйшею демократіей, между коими нѣтъ сходства и ничего общаго» (С. 5).

В выписках из статьи и рассуждениях о ней Достоевский сохраняет это авторское написание слов *дим*, *димократия*, что, кстати, трактовалось первыми публикаторами как описка и подвергалось корректорской правке⁸. Между тем в последующих обращениях к фактам афинской истории писатель использует уже ставший традиционным термин *демос*.

Во-вторых, содержательное наполнение данного листа перекликается с записями в рабочей тетради о заинтересовавших Достоевского событиях, освещаемых столичной и провинциальной прессой в конце декабря 1875 — начале января 1876 г. Так, запись выше «*Павлуша хватается за ножъ*»⁹ отражает публикацию о грабеже в Умани газеты «Голос» от 25 декабря 1875 г., а фразы «*Ломка вагоновъ ~ Вагоны съ рекрутами*»¹⁰ отсылают к ряду статей: «Гражданин» № 1 за 1876 г., «Голос» от 9 января 1876 г., «Московские Ведомости» от 10 января 1876 г. Это дает возможность утверждать, что записи

⁶ Куторга М. С. Введение в историю древней греческой образованности (Лекции всеобщей истории в С.-Петербургском университете. Вступительная лекция, 8-го октября 1864 года) // Журнал министерства народного просвещения. 1867. Ч. 133. (№ 1). С. 154.

⁷ Ср. воспоминание ученика М. Куторги Н. И. Кареева: «Он педантически требовал, чтобы мы по-рейхлиновски называли Гомера Омиром, Геродота Иродотом, Страбона Стравоном...» (Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 119).

⁸ См.: ДЗ0; т. 24: 85.

⁹ Один из грабителей по имени Павлуша убил узнавшую его кухарку, а затем сам был убит соучастниками преступления (см.: ДЗ0; т. 22: 390).

¹⁰ 24 декабря 1875 г. на Одесской железной дороге произошло крушение поезда, в результате которого из 419 человек погибло ок. 140 и ок. 120 получило ранения.

на листе сделаны не ранее января 1876 г. Между тем первые выписки из статьи Куторги в рабочей тетради относятся к более раннему периоду — двадцатым числам декабря 1875 г.

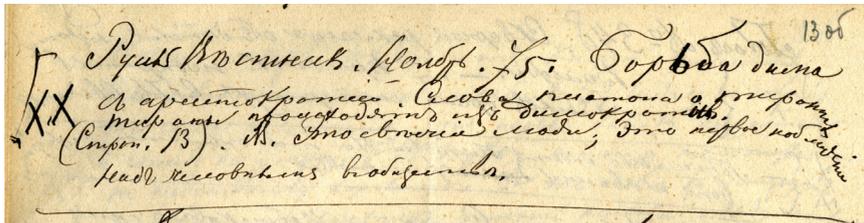
Первое (ошибочное) упоминание ноябрьского выпуска «Русского Вестника» сделано в начале ноября 1875 г.:

«Графъ Толстой. Письмо Тургенева Ноябрьск<ая> Книжка Русскаго Вѣстника — (Смот<ри> Русскій Миръ № 216.)» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 4 об.).

Комментаторы Полного собрания сочинений отмечают, что здесь идет речь о ноябрьском выпуске «Вестника Европы», а ноябрьскую книжку «Русского Вестника» Достоевский «читал много позже»¹¹. Описка может быть объяснена тем, что предшествующая запись в тетради касается В. Г. Авсеенко, полемику с которым Достоевский включил в апрельский выпуск «Дневника Писателя» за 1876 г.: в «Русском Вестнике» публиковался роман Авсеенко «Млечный путь», к первой книге которого, вышедшей в октябрьском номере журнала¹², и отсылают некоторые фразы записи¹³.

Непосредственное обращение Достоевского к ноябрьскому выпуску «Русского Вестника» происходит именно в связи со статьей М. Куторги:

«Русскій Вѣстникъ. Ноябрь. 75. Борьба дыма съ аристократіей. Слова Платона о тираннахъ. {Тираны происходятъ изъ димократ[овъ]{iu}.} (Стран. 13). NB. Это свѣжіе люди; это первое наблюденіе надъ человѣкомъ въ обществѣ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 13 об.¹⁴).

Илл. 2. Фрагмент страницы записной тетради 1875–1876 гг.
(РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 13 об.)

Fig. 2. Page fragment from Dostoevsky's 1875–1876 workbook

¹¹ См.: ДЗ0; т. 24: 402.

¹² Русский Вестник. 1875. № 10. С. 719–806.

¹³ «Разказъ Некрасова о послѣднихъ дняхъ Рѣшетникова [въ] (революціонеры, Стараго Гаврилу) въ #^м съ изящнымъ Авсеенко — Юкотскій плакаль, обтянутая ручка, фойе и деликотес[н]{с}ъ» (выделено нами. — А. С.).

¹⁴ На полях слева текст отмечен авторским знаком: !××

Характер записи (значительно меньший промежуток между обрамляющими строками) указывает, что слова «*Тираны происходят изъ димократовъ*» вписаны Достоевским позднее: видимо, потребовалась уточненная выписка из того места статьи, которое сначала было отмечено лишь указанием страницы. Писателя привлекают слова Платона, приводимые Куторгой:

«Тираннія, говоритъ Платонъ, выходитъ только изъ димократіи, а не изъ какого-либо другаго правительства, ибо крайняя вольность перерождается въ сильнѣйшее и необузданное рабство»¹⁵ (С. 12–13).

Рассуждения Платона становятся для Куторги одним из доводов к следующей оценке условий для появления тирании: «Какія бы однако они (тираны. — А. С.) ни употребляли средства для пріобрѣтенія власти и какимъ бы путемъ ни шли они, ихъ возвышеніе становилось возможнымъ только при пробужденіи дима и при его требованіи равноправности съ господствовавшими надъ ними аристократами; а потому всѣ замышлявшіе тираннію: цари, правители и димагоги, прикрывались личиною какъ бы защиты дима или возвращенія нѣкогда ему принадлежавшихъ правъ и только отнятыхъ его притѣснителями» (С. 13–14).

Куторга раскрывает социальный аспект исторического процесса. Стремление народа / демоса избавиться от власти правящего сословия приводит к мнимой свободе: место свергнутого правителя занимает тиран, в понимании греков — правитель, пришедший к власти незаконным путем, правящий в обстановке произвола и насилия и использующий свою власть «в собственных, эгоистических целях» [Фролов: 65]. Таким образом, тирания — «несправедливое правление одного лица, власть которого была получена незаконным путем и осуществлялась в его интересах» [Павлов: 27].

Между тем наблюдение Платона — наблюдение в том числе и над психологией поведения. И Достоевского, художественный метод которого немислим без погружения во внутренний мир героев, привлекает это наблюдение над *человеком*. Среди античных политических философов именно Платон особое внимание уделил нравственной характеристике тирании. В диалоге «Государство» философ устами Сократа описывает этапы формирования тиранической личности, факторы, способствующие возвышению тирана, обстоятельства, в которых тот правит. По Платону, душа тирана «преисполнена рабством и низостью, те же ее части, которые были наиболее

¹⁵ Древнегреческий оригинал текста: «οὐκ ἐξ ἄλλης πολιτείας τυραννὶς καθίσταται ἢ ἐκ δημοκρατίας, ἐξ οἷμαι τῆς ἀκροτάτης ἐλευθερίας δουλεία πλείστη τε καὶ ἀγριωτάτη» (Polit. 564, a). Не из какого-другого политического устройства происходит тирания как из демократии; подобно как из крайней свободы (происходит) рабство, величайшее и жесточайшее (перевод А. А. Скоропадской).

порядочными, находятся в подчинении, а господствует лишь малая ее часть, самая порочная и неистовая»¹⁶ (577 d).

Сделанная Достоевским запись не является точной выпиской: передавая суть политического процесса, он заменяет отвлеченные существительные «тирания» и «димократия» существительными «тираны» и «демократы». Такая замена обусловлена, на наш взгляд, тем, что платоновский тезис, заинтересовавший писателя, осмысливается им через аргументацию Куторги, который точно обозначил лиц, тяготеющих к тирании (цари, правители, димагоги).

Формулировка *«Это свѣжіе люди; это первое наблюдѣніе надъ челоувѣкомъ въ обществѣ»* отражает характер дальнейших размышлений Достоевского, являющихся оценкой событий близкой и далекой истории (Парижская коммуна, восстание декабристов, дело Овсянникова).

При первом обращении к статье Куторги Достоевского привлекает определение сущности древнегреческой тирании — захват власти под предлогом борьбы за интересы народа. Некоторая смысловая параллель обнаруживается на следующей странице, где Достоевский обращается к теме захвата власти на примере декабристского восстания: *«14^е Декабря было дикимъ дѣломъ, Западническою продѣлкою, зачѣмъ мы не лорды?»* (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 14 об.). Задавая вопрос *«Освободили-ли бы Декабристы народъ?»*, Достоевский отвечает: *«Безъ сомнѣнія нѣтъ. Они исчезли-бы, непродержавшись и двухъ-трехъ дней, Михаилу, Константину, стоило показаться въ Москвѣ, гдѣ угодно и все бы повалило за ними»* (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 14 об.). Пример русской истории показывает, что фигура русского царя является стабилизирующим фактором в период общественно-политических волнений.

Спустя несколько дней Достоевский возвращается к статье, делая из нее вторую выписку, содержание которой свидетельствует об интересе писателя к природе бытовавших в Древней Греции способов правления и к реформам Солона.

Выписка касается рассуждений Аристотеля об «уклонениях» от «правильных правительств». Куторга отмечает: «Правильными правительствами онъ (Аристотель. — А. С.) признаетъ только три: василію (ή βασιλεία, то-есть царская власть), артистократію и политію, но каждое изъ нихъ испытываетъ, по его словамъ, уклоненіе или порчу» (С. 44). Монархия (ή монаρχία — правление одного человека), по Аристотелю, — форма государственного управления, одним из видов которого является правление царя (ὁ βασιλεύς) — важнейшей и первой должности, унаследованной от отцов¹⁷. Для самого Аристотеля ή βασιλεία — реалии далекого прошлого

¹⁶ Перевод А. Н. Егунова.

¹⁷ «Афинская политія», гл. 3: «μέγιστα δὲ καὶ πρῶται τῶν ἀρχῶν ἦσαν βασιλεὺς καὶ πολέμαρχος καὶ ἄρχων τούτων δὲ πρώτη μὲν ἡ τοῦ βασιλέως (αὕτη γὰρ ἦν πάτριος)». Величайшими и первыми из должностей были басилевс, полемарх и архонт. Из них же первой

Афинского государства и архаичный рудимент в государственном устройстве некоторых греческих колоний. В «Политике», во вводных замечаниях о природе государства, Аристотель пишет: «διὸ καὶ τὸ πρῶτον ἐβασίλευοντο αἱ πόλεις, καὶ νῦν ἔτι τὰ ἔθνη· ἐκ βασιλευμένων γὰρ συνήλθον· πᾶσα γὰρ οἰκία βασιλεύεται ὑπὸ τοῦ πρεσβυτάτου, ὥστε καὶ αἱ ἀποικίαι, διὰ τὴν συγγένειαν» (I, 1252 b) (Вот почему вначале полисы возглавлялись царями, как и сейчас еще (возглавляются) негреческие племена, ведь они образовались из подчиненных царю: ведь всякое домохозяйство управляется старшим, так же как и колонии (управляются) через родственную связь)¹⁸.

Более подробно эволюция афинской государственности была рассмотрена Аристотелем в трактате «Афинская полития»: по замечанию В. П. Бузескула, этот трактат не знает «какого-либо переворота, формальной отмены царской власти <...>. Мы видим тут не революцию, а эволюцию. Падение монархии и переход к аристократии совершается медленно, с замечательной последовательностью» [Бузескул: 224]. Но «Афинская полития» не могла быть использована в исследованиях Куторги, так как была введена в научный оборот только в 1892 г.¹⁹

Вернемся к выписке и сравним запись в тетради Достоевского с текстом статьи:

<p><u>Аристотель. Русск<ий> Вѣстн<икъ>.</u> <u>Статья Куторги. Ноябрь:</u></p> <p>«Тираннія, есть Монархія, имѣющая въ виду только пользу [(]Монарха, (въ противоположность Монархіи имѣющей въ виду пользу всеобщую), олига<р>хія есть правленіе <В рукописи: правленія. — А. С.> имѣющее въ виду лишь пользу богатыхъ (въ противоположность правленія аристократовъ, въ смыслѣ лучшихъ людей) и наконецъ димократія есть правленіе, имѣющее въ виду лишь пользу неимущихъ, ((въ противополо) {политія}) объ общественной же пользѣ не заботится никто изъ нихъ).</p> <p><u>Смотри заложенные страницы въ статью</u> (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 16 об.)</p>	<p>«...тиранныя есть монархія имѣющая въ виду только пользу монарха, олигархія пользу богатыхъ, а димократія пользу неимущихъ; объ общественной же пользѣ не заботится никто изъ нихъ» (С. 44)</p>
---	--

была должность бацилеса (она ведь была унаследованной от отцов) (Перевод А. А. Скоропадской).

¹⁸ Перевод А. А. Скоропадской.

¹⁹ См. об этом: [Егорочкин].

Достоевский комментирует тезисы Аристотеля, в скобках приводя свои разъяснения. Так, в монархии (отметим, что у Достоевского это слово пишется с заглавной буквы) писатель выделяет «всеобщую пользу». Как было отмечено выше, Куторга не останавливается на характеристике царской власти в Древней Греции, ограничиваясь лишь несколькими ее упоминаниями, поэтому можно предположить, что классификация Аристотеля привлекла внимание Достоевского в том числе в связи с монархическими убеждениями писателя. Тем более что следующие свои историософские рассуждения Достоевский выстраивает в логике и понятиях аристотелевской «Политики»: *«У насъ никогда Монархія не можетъ быть тираніей въ идеаль — а лишь въ уклоненіи»* (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 17). Оценка Аристотелем монархии как правильной власти и тирании как отклонения от этой власти находит для Достоевского подтверждение на русской почве — именно русская («отеческая») монархия не может перерасти (уклониться) в тиранию. Этому способствуют два фактора — православная вера и значимость для народа фигуры царя:

«Народъ обладаетъ двумя идеями непосредственно:

1) Православіемъ

и 2) Монарха, никогда не считаетъ тиранномъ, наиболее свободы. Онъ не понимаетъ какъ Монархъ можетъ его бояться, а поэтому не даетъ ему всей возможной гражданской свободы» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 17 об.).

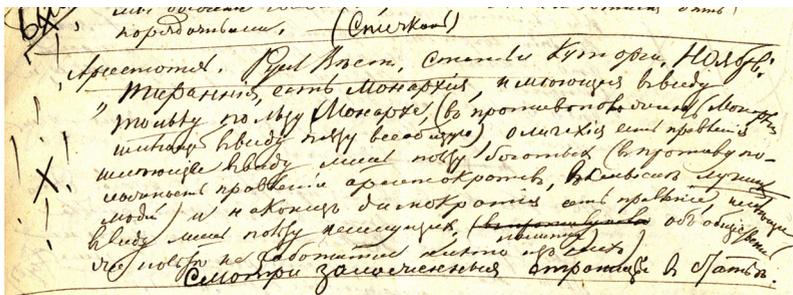
Монархизм Достоевского получил неоднозначную оценку со стороны как современников писателя, так и его исследователей. Либерально-демократическая и советская критика упрекала Достоевского за консерватизм [Фридлендер: 48] и реакционизм [Черепнин: 157], определяла его монархизм как патриархальный [Гроссман: 57] и утопический [Иванов: 333]. Однако Достоевский как мыслитель понимал всю сложность и многогранность русского самодержавия, а как духовный мыслитель был убежден в его религиозно-нравственной природе. Поэтому в идее русского народа, по Достоевскому, православие — на первом месте, фигура царя — на втором.

Тему монархии, русского самодержавия, как «важнейшей, даже единственной, движущей российской силы истории» [Багдасарян: 11], Достоевский продолжит в записной тетради 1876–1878 гг.: *«О Самодержавіи какъ о причинѣ встѣхъ свободъ Россіи. (NB. Тутъ-то разница во взглядахъ русскихъ иностранцевъ и русскихъ — русскихъ. По иностранному тиранія, по русски — источникъ встѣхъ свободъ»* (РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 127). Заложённая античной политической философией отрицательная оценка тирании заимствуется западной философской мыслью, но во многом слепо — монархическая форма тиранического правления в глазах современных писателю демократических деятелей уравнивает монархию и тиранию, в то время как античная традиция утверждает изначальную «правильность» монархии.

Однако, утверждая эту правильность, Платон и Аристотель предлагают новый вид идеального государства и идеальной власти. Достоевский же рассуждает о власти органической, политическая сила которой обусловлена духовной идеей — православием. По замечанию В. Н. Захарова, «проект Православной империи стал апофеозом развития монархической идеи писателя, в которой Россия является защитницей и покровительницей, но не владычицей других народов. Православие является сущностью исторического мифа и имперской идеи Достоевского» [Захаров, 2020: 50].

Олигархию вслед за Аристотелем Достоевский противопоставляет аристократии, подчеркивая этимологию термина: аристократ — *лучший*. Курторга переводит ἡ ἀριστοκρατία — «преобладание доблестныхъ» (С. 45) и подробно останавливается на анализе сущности аристократического правления, указывая, в частности: «Отличіе артистократіи состояло въ полномъ равенствѣ всѣхъ ея членовъ, которые принадлежали къ древнѣйшимъ семействамъ, возвышались своимъ образованіемъ и своими подвигами, и соединивъ въ себѣ нравственное и политическое превосходство получили названіе знатныхъ, или, какъ говорили Элліны, прекрасныхъ и добрыхъ, еще вѣрнѣе: прекрасно-добрыхъ, καλοὶ καγαθοί» (С. 45). По мнению русского историографа, вековой опыт правления и превосходное образование афинских аристократов помогли им удержать общественное влияние и власть даже в условиях нарождавшейся и набиравшей силу димократии: признав права дима, они учредили димократическую гражданскую общину — политию.

В выписке Достоевский отказался от противопоставления димократии и политии, хотя это намерение у него было: после «неимущихъ» было начато «въ противополо», рядом с которым сохранилось вписанное «политія»²⁰:

Илл. 3. Фрагмент страницы записной тетради 1875–1876 гг.
(РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 16 об.)

Fig. 3. Page fragment from Dostoevsky's 1875–1876 workbook

²⁰ В Полном собрании сочинений это слово расшифровано как «полити<ка>» (ДЗЮ; т. 24: 85).

Полития (ή πολιτεία), по Аристотелю, — оптимальная форма правления, представляющая собой умеренную республику. Самобытный взгляд Куторги на далекую историю Греции порождает концепцию политики, трактующую «афинскую демократию сквозь призму отечественных, привычных представлений о самоуправлении <...> и гражданственности, приоритете общественных начал перед частными» [Георгиев: 215]. Полития, по Куторге, — гражданская община, в которой эллины выработали две идеи, составляющие их величие и неоспоримую собственность: идею свободы гражданина и идею свободы мысли. Именно этот тезис историк декларирует в начале статьи «Борьба димократии с аристократией...»:

«Эти идеи могли родиться и поступить въ сознаниѣ гражданъ только потому что согласовались и поддерживались установившимся въ Греціи въ эти два вѣка образомъ правленія, который Аристотель называетъ политіею (ή πολιτεία), или общиною гражданъ (ή κοινωνία τῶν πολιτῶν) и который способствовалъ самодѣятельности челоѣвка и постоянно возбуждалъ ее» (С. 6).

Вписанное Достоевским «политія» дает возможность предположить, что писателя могла заинтересовать концепция политики как оптимального устройства государства: аристотелевская триада «правильных правительств» (монархия / аристократия / полития), заданная афинским философом в хронологическом порядке — от самой ранней к самой современной (и оптимальной), повторяется Достоевским. Но русский писатель критически осмысливает эту триаду. Смысловое зерно выписки заключено в последних скобках и совпадает со словами Аристотеля — «объ общественной же пользе не заботится никто изъ нихъ». Таким образом, важным критерием в оценке власти является общественная польза — польза народа. Именно этот критерий Достоевский вписывает в определение монархии, своим комментарием привнося в аристотелевскую триаду новый принцип: распределение «правильных правительств» не по хронологии — от древних к новым, а по «правильности» — от самой правильной к менее правильной.

Далее писатель проводит параллель с современной ему ситуацией в России:

«Между тѣмъ наши западники (Незнакомецъ, Тургеневъ, Журналистъ) и проч. Говорятъ и увѣряютъ что стоятъ за народъ, и когда [народъ] говор[и]{я}тъ [чт]{и}мъ что народъ не можетъ быть безъ личности, а вы-де отвергаете всѣ наши народныя начала и смѣтаете надъ ними, то они сердятся и говорятъ что они истинные народники, но съ тѣмъ только чтобъ этотъ народъ не имѣлъ ничего своего. Но они ошибаются, ибо они не народники, а лишь аристократы и барчуки» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 17–17 об.)²¹.

²¹ То же: Д30; т. 24: 86.

«Польза», по Достоевскому, — категория, выходящая за рамки политики и экономики. Непреходящими элементами «пользы» являются этическая, нравственная, религиозная составляющие: благо не может быть насильно навязано народу, не может противоречить укорененным в народе традициям и вере.

Ход развиваемой мысли вновь обращается к античности:

*«Солонъ измельчилъ земельную собственность въ Афинахъ закономъ, за-
претившимъ скупать землю безпредельно въ одни руки» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15.
Л. 17 об.).*

Достоевский опирается на статью Куторги, который описал меры, принятые афинским законодателем для установления мира в республике и для смягчения противоборства аристократии и дима, и проводит параллель между реформами Солона и постановлениями национального конвента Франции времен Первой республики:

*«Конвентъ во Франціи раздробилъ крупную собственность эмигрантовъ и Церкви на [учас] мелкіе участки и сталъ продавать въ виду непрерывнаго тогдашняго финансоваго кризиса Франціи. Мъра эта обогатила Францію и дала ей возможность черезъ 80 лѣтъ уплатить 5 миллиардовъ. Но способствовавъ временному благосостоянію мъра эта на страшно долгое время парализовала стремленія демократическія и раздавила Революцію въ самомъ корнѣ, чего разумѣется нехотѣли революціонеры, но такъ вышло, ибо безмърно умножилась армія собственниковъ и наступило безграничное владычество буржуазіи, перваго врага демоса. Безъ этой мъры не удержалась бы буржуазія ни за что столь долго во главѣ Франціи. {Ну **вслѣдствіе того ожесточила и ди<мъ>**.} Тъмъ не менѣе **димъ идетъ**, онъ не раздавленъ и кончитъ тъмъ что {все и} побѣдитъ, и если буржуа не уступятъ въ время, то произойдутъ ожесточенныя дѣла. **Но они не уступятъ** въ время {даже совсѣмъ никогда ничего не уступятъ} и вотъ что ожидаютъ Францію... Францію ли только?» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 17 об. — 18; выделено нами — А. С.²²).*

В осмыслении Достоевского античная история перекликается с историей рубежа XVIII–XIX вв.: сходные события писатель характеризует в том числе через терминологию, используя определение *дим* по отношению к рабочим, ремесленникам, крестьянам Французской республики. Такая историческая параллель явно была навеяна статьей Куторги, с опорой на многочисленные источники объясняющей причины одного из первых

²² Именно с этим отрывком коррелирует часть приведенной выше более краткой и более ранней записи на отдельном листке, включающая отсылку к статье Куторги: «Франція и 8 милліоновъ, раздроблен<ная> / собствен<ность>, они не уступятъ / {Прочтите о **димъ** Куторги.}» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.11/2. Л. 2 об.).

политических переворотов в истории Европы, получившего название «борьба димократии с аристократией» и приведшего к победе *дима / демоса* и установлению равноправной гражданской общины.

Итак, рукописные материалы свидетельствуют, что Достоевский не только прочитал статью М. Куторги «Борьба димократии с аристократией...», но не единожды обращался к ее содержанию во время работы над «Дневником Писателя» в декабре 1875 — январе 1876 г. Можно выделить две темы, заинтересовавшие писателя: природа тирании и экономические реформы Солона. Уже античными авторами (прежде всего — Платоном и Аристотелем) тирания трактовалась как узурпация власти под предлогом блага для народа. Многочисленные факты древнегреческой истории, приводимые Куторгой, подтверждают это. Историографический анализ социально-политических событий античности осмысливается Достоевским в исторической перспективе, в частности, в контексте темы монархии. Самодержавие, органически присущее русской государственности, оберегло русский народ от появления тиранов. Реформы Солона становятся для Достоевского первым примером экономических реформ, задуманных для укрепления государства, но приведших к обострению социального напряжения. Раздробленность афинских землевладений Достоевский сравнивает с раздробленностью современной Франции и, опираясь на афинский опыт, прогнозирует классовые столкновения в Европе. Панславистские установки русского антиковеда и почвеннические взгляды русского писателя определяют широту их взглядов на исторический процесс. Главное сходство историософских размышлений Достоевского и Куторги заключается в том, что они рассматривают исторический процесс не только в ракурсе социальных, политических и экономических явлений, но и в свете нравственных и этических идей.

Список литературы

1. Багдасарян В. Э. История России в представлениях Ф. М. Достоевского: историософия русского мессианства в проекции исторического нарратива // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 9–26 [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/14610> (10.02.2022). DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-9-26
2. Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб.: Коло, 2005. 672 с.
3. Викторovich В. А. Ф. М. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873–1874). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. 426 с. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (10.02.2022).
4. Георгиев П. В. Русский панславизм XIX века и античная демократия: концепция политики М. С. Куторги // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманит. науки. 2008. Т. 150. Кн. 1. С. 214–218 [Электронный ресурс]. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_615913866/150_1_gum_30.pdf (10.02.2022).
5. Гроссман Л. П. Достоевский-реакционер. М.: Common place, 2015. 140 с.

6. Егорочкин М. В. «Афинская полития» Аристотеля в России (1891–1937 гг.) // Schole (СХОЛЭ). Древняя философия и классическая традиция. 2017. Т. 11. Вып. 1. С. 283–291 [Электронный ресурс]. URL: <https://classics.nsu.ru/schole/assets/files/11-1-egorochkin.pdf> (10.02.2022). DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.4536
7. Захаров В. Н. Имперская идея Ф. М. Достоевского // Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.: тезисы докладов Междунар. науч. конф. к 500-летию Московского Новодевичьего монастыря и 300-летию провозглашения Российской империи. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 49–50 [Электронный ресурс]. URL: https://imli.ru/images/pdf/tezisy_gosudarsvennost_new.pdf?ysclid=l548y2bx7z691003909 (10.02.2022).
8. Захаров В. Н. Достоевский как обозреватель мировой политики // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4. № 3. С. 50–63 [Электронный ресурс]. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/13025/13046> (10.02.2022). DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-3-50-63
9. Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
10. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. / под ред. И. С. Зильберштейна, Л. М. Розенблюм. М.: Наука, 1971. 727 с. (Литературное наследство; т. 83.) (ЛН)
11. [Нечаева В. С.] Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. М.: Б. и., 1957. 588 с.
12. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861–1863). М.: Наука, 1972. 317 с.
13. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» (1864–1865). М.: Наука, 1975. 304 с.
14. Павлов А. Добродетельная тирания. Классическая политическая философия в поисках новой терминологии // Философско-литературный журнал «Логос». 2015. Т. 25. № 6 (108). С. 22–43 [Электронный ресурс]. URL: https://www.intelros.ru/pdf/logos/2015_06/2.pdf (10.02.2022).
15. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского / отв. ред. И. С. Андрианова. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 560 с.
16. Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. М., Л.: Наука, 1964. 404 с.
17. Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. 602 с. (Сер. «Studia classica»).
18. Черепнин Л. В. Очерк пятый. Историческое мировоззрение Ф. М. Достоевского // Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Мысль, 1968. С. 145–182.

References

1. Bagdasaryan V. E. History of Russia in the Views of F. M. Dostoevsky: the Historiosophy of Russian Messianism in the Projection of Historical Narrative. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 3, pp. 9–26. Available at: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/14610> (accessed on February 10, 2022). DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-9-26 (In Russ.)
2. Buzeskul V. P. *Vvedenie v istoriyu Gretsii. Obzor istochnikov i ocherk razrabotki grecheskoy istorii v XIX i v nachale XX veka* [Introduction to the History of Greece. A Review of Sources and an Outline of the Development of Greek History in the 19th and Early 20th Centuries]. St. Petersburg, Publishing House “Kolo”, 2005. 672 p. (In Russ.)

3. Viktorovich V. A. F. M. *Dostoevskiy — redaktor «Grazhdanina» (1873–1874)* [*Dostoevsky as Editor of “Grazhdanin” (“Citizen”) (1873–1874)*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2019. 426 p. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (accessed on February 10, 2022). (In Russ.)
4. Georgiev P. V. Russian Pan Slavism of 19th Century and Classical Democracy: M. S. Kutorga’s Conception of *Politeia*. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [*Academic Notes of Kazan State University. Series: Humanitarian Science*], 2008, vol. 150, book 1, pp. 214–218. Available at: https://kpfu.ru/portal/docs/F_615913866/150_1_gum_30.pdf (accessed on February 10, 2022). (In Russ.)
5. Grossman L. P. *Dostoevskiy-reaktsioner* [*Dostoevsky the Reactionary*]. Moscow, Common Place Publ., 2015. 140 p. (In Russ.)
6. Egorochkin M. V. Aristotle’s Constitution (*polity*) of Athens in Russia (1891–1937). In: *Schole (ΣΧΟΛΗ). Drevnyaya filosofiya i klassicheskaya traditsiya* [ΣΧΟΛΗ. *Ancient Philosophy and the Classical Tradition*], 2017, vol. 11, issue 1, pp. 283–291. Available at: <https://classics.nsu.ru/schole/assets/files/11-1-egorochkin.pdf> (accessed on February 10, 2022). DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.4536 (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Imperial Idea of F. M. Dostoevsky. In: *Russkaya literatura i natsional’naya gosudarstvennost’ XVIII–XIX vekov: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 500-letiyu Moskovskogo Novodevich’ego monastyrya i 300-letiyu provozglasheniya Rossiyskoy imperii* [*Russian Literature and National Statehood of the 18th — 19th Centuries: Abstracts of the International Scientific Conference on the 500th Anniversary of the Moscow Novodevichy Convent and the 300th Anniversary of the Proclamation of the Russian Empire*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020, pp. 49–50. Available at: https://imli.ru/images/pdf/tezisy_gosudarsvennost_new.pdf?ysclid=1548y2bx7z691003909 (accessed on February 10, 2022). (In Russ.)
8. Zakharov V. N. Dostoevsky as a Columnist of Foreign Policy. In: *Filosoficheskie pis’ma. Russko-evropeyskiy dialog* [*Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*], 2021, vol. 4, no. 3, pp. 50–63. Available at: <https://phillet.hse.ru/article/view/13025/13046> (accessed on February 10, 2022). DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-3-50-63 (In Russ.)
9. Ivanov Vyach. *Rodnoe i vselenskoe* [*Native and Universal*]. Moscow, Respublica Publ., 1994. 428 p. (In Russ.)
10. *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 gg.* [*The Unpublished Dostoevsky: Notebooks and Workbooks of 1860–1881*]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 727 p. (Ser. “The Literary Heritage”; vol. 83). (In Russ.) (LN)
11. Nechaeva V. S. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [*The Description of Fyodor Dostoevsky’s Manuscripts*]. Moscow, 1957. 588 p. (In Russ.)
12. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Vremya» (1861–1863)* [*The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Vremya” (1861–1863)*]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 317 p. (In Russ.)
13. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Epokha» (1864–1865)* [*The Journal of Mikhail and Fyodor Dostoevsky “Epokha” (1864–1865)*]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 304 p. (In Russ.)
14. Pavlov A. Virtuous Tyranny. Classical Political Philosophy in Search of a New Terminology. In: *Filosofsko-literaturnyy zhurnal «Logos»* [*Philosophical and Literary Journal “Logos”*], 2015, vol. 25, no. 6 (108), pp. 22–43. Available at: https://www.intelros.ru/pdf/logos/2015_06/2.pdf (accessed on February 10, 2022). (In Russ.)

15. *Rukopisnoe nasledie F. M. Dostoevskogo* [*Manuscript Heritage of F. M. Dostoevsky*]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 560 p. (In Russ.)
16. Fridlender G. M. *Realizm Dostoevskogo* [*Realism of Dostoevsky*]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 404 p. (In Russ.)
17. Frolov E. D. *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki (Obshchestvo. Lichnost'. Vlast')* [*Greece in the Era of the Late Classics (Society. Personality. Power)*]. St. Petersburg, Humanitarian Academy Publ., 2001. 602 p. (Ser. "Studia classica"). (In Russ.)
18. Cherepnin L. V. The Fifth Essay. The Historical Outlook of F. M. Dostoevsky. In: *Cherepnin L. V. Istoricheskie vzglyady klassikov russkoy literatury* [*Cherepnin L. V. Historical Views of the Classics of Russian Literature*]. Moscow, Mysl' Publ., 1968, pp. 145–182. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Скоропадская Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6593-5526>; e-mail: san19770@mail.ru.

Anna A. Skoropadskaya, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6593-5526>; e-mail: san19770@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.03.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.04.2022

Принята к публикации / Accepted 12.05.2022

Дата публикации / Date of publication 08.07.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6122

EDN: LCZGHZ

Терминологический тезаурус евангельского текста Ф. М. Достоевского

В. В. Борисова

*Московский государственный лингвистический университет
(г. Москва, Российская Федерация)*

*Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля
(Музейный центр «Московский дом Достоевского»)
(г. Москва, Российская Федерация)*

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
(г. Уфа, Российская Федерация)
e-mail: vvb1604@gmail.com *

С. С. Шаулов

*Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля
(Дом-музей М. Ю. Лермонтова)
(Москва, Российская Федерация)
e-mail: sschaulov@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрена актуальная проблема терминологического описания «евангельского текста» Достоевского, в основе которого лежит тезаурус как базовый лексикон научного языка. Соответственно цель и задачи статьи — экспликация терминологического тезауруса «евангельского текста», функционирующего в исследованиях о Достоевском и содержащего ключевые понятия общей (теоретической) поэтики, исторической поэтики, этнопоэтики, богословия и философии. В отношении этой терминологии реализован тезаурусный подход, в рамках которого соединяются «машинный анализ» и «человеческая интерпретация» исходных данных. Представленный терминологический словник достаточно репрезентативен для современного состояния изучения евангельского текста Достоевского. Визуальные результаты его цифровой обработки наглядно показывают тенденцию к совместному словоупотреблению поэтологических, богословских и философских категорий. Отсюда сделан вывод о том, что анализ терминологического тезауруса продуктивен для решения вопроса, насколько целостен мета-язык исследований евангельского текста Достоевского, который в своем современном состоянии отличается большой интердискурсивностью.

Ключевые слова: Достоевский, «евангельский текст», терминология, тезаурус, дискурс, машинный анализ, «человеческая интерпретация»

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00833).

Для цитирования: Борисова В. В., Шаулов С. С. Терминологический тезаурус евангельского текста Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 2. С. 117–136. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6122. EDN: LCZGHZ

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6122

EDN: LCZGHZ

Terminological Thesaurus of the Gospel Text by F. M. Dostoevsky

Valentina V. Borisova✉

*Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russian Federation)*

*V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(Museum Center “Moscow House of Dostoevsky”)
(Moscow, Russian Federation)*

*M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
(Ufa, Russian Federation)
e-mail: vvb1604@gmail.com*✉

Sergey S. Shaulov

*V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(House-Museum of M. Yu. Lermontov)
(Moscow, Russian Federation)
sschaulov@gmail.com*

Abstract. The article deals with the relevant problem of terminological description of Dostoevsky’s “gospel text,” which is based on the thesaurus as the basic lexicon of scientific language. Accordingly, the purpose and objectives of the article are to explicate the terminological thesaurus of the “gospel text,” which functions in Dostoevsky-related research and contains the key concepts of general (theoretical) poetics, historical poetics, ethnopoetics, theology and philosophy. A thesaurus approach is implemented in the study of this terminology, integrating “machine analysis” and “human interpretation” of the source data. The presented terminological dictionary is quite representational of the current state of Dostoevsky’s gospel text studies. The visual results of its digital processing clearly show the trend towards the joint use of poetological, theological and philosophical categories. It is therefore concluded that the analysis of the terminological thesaurus is productive in assessing the integrity of the metalanguage of Dostoevsky’s gospel text studies, a language that in its current state is characterized by great interdiscursivity.

Keywords: Dostoevsky, “the Gospel text”, terminology, thesaurus, discourse, machine analysis, “human interpretation”

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-00833.

For citation: Borisova V. V., Shaulov S. S. Terminological Thesaurus of the Gospel Text by F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 117–136. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6122. EDN: LCZGHZ (In Russ.)

В российском литературоведении конца XX — начала XXI в. сложилась научная школа этнопоэтики, предпосылки развития которой были заложены еще Д. С. Лихачевым [Лихачев], С. С. Аверинцевым [Аверинцев] и развиты современными учеными [Захаров, 1992, 1994b, 1998], [Есаулов, 1994a, 2019]. Д. С. Лихачев впервые представил древнерусскую христианскую книжность как целостную систему, подчеркнув ее единство с точки зрения исторической поэтики, преемственность в развитии русской литературы от древней к новой. Назвав книгу Д. С. Лихачева «классическим образцом научного жанра», С. С. Аверинцев дополнил ее в рамках нового направления исследований фундаментальной монографией «Поэтика ранневизантийской литературы» [Аверинцев]. В ней особенно значимы методологические идеи. Исследуя влияние христианской культуры на язык поэзии, С. С. Аверинцев работал в смежных областях богословия и литературоведения и сбалансированно использовал их терминологию, что видно по изучению поэтики в тесном сопряжении с пониманием раннехристианской эстетики. Сама идея привлечения ее материала в область филологии, а не только философии и истории религии, оказалась плодотворной и остается актуальной в наше время, обеспечивая понимание того, как христианская традиция в произведениях русской словесности связана с ее становлением и развитием.

Главным результатом такого изучения русской литературы стали выявление, анализ, интерпретация и понимание роли «евангельского текста» в ней. Если в начале 1990-х гг. он еще не был выделен, то на сегодняшний день в основных своих контурах он уже достаточно полно описан, и прежде всего в произведениях Ф. М. Достоевского (см. об этом: [Борисова]). Однако необходим дальнейший анализ функций и приемов творческой трансформации «христианского предания» в отечественной словесности, расширение самого корпуса евангельского текста в ней, обоснование адекватной аксиологии и методологии, позволяющей учесть все метаморфозы и псевдоморфозы христианской традиции в новой и новейшей истории русской литературы. Евангельскому тексту русской литературы в целом и творчества Достоевского в частности как предмету изучения в русле исторической этнопоэтики должен соответствовать понятийный аппарат, непротиворечиво отражающий связи национальной художественной культуры с Православием.

Это приоритетная задача, решение которой призвано преодолеть «засилье мозаичной эклектики и терминологической разноголосицы в современной филологии» [Есаулов, Тарасов, Сытина: 7]. Исследователи резонно полагают, что углубление в христианскую проблематику требует необходимой коррекции существующей системы литературоведческих категорий: «Внести свой вклад в эту корректировку, сделать филологический инструментарий, обращенный к Достоевскому, более созвучным онтологическим и аксиологическим ценностям самого писателя — актуальная проблема современной филологии» [Есаулов, Тарасов, Сытина: 7].

По сути речь идет о метаязыке этнопоэтики русской словесности, в основе которого предполагается тезаурус как структурированный на ценностном основании комплекс терминологически оформленного знания [Луков Вал., Луков Вл., 2008: 63]. Как известно, в переводе с древнегреческого языка «тезаурус» (θησαυρός) — это то, что имеет особую ценность (сокровище, сокровищница, запас). Его структура и содержание в данном случае обусловлены иерархической системой понятий, позволяющей упорядочить научную терминологию и задействовать ее в определенной степени как «механизм смыслопорождения».

Изучение авторской или тематической терминологии уже имеет свою научную историю: это, например, [Бахтинский тезаурус], Шекспировский тезаурус, или тезаурусное поле шекспироведения, в котором представлены основные концепты, константы и вечные образы великого классика мировой литературы [Захаров Н. В., 2008]; тезаурус идей и понятий Донецкой филологической школы [Тезаурус идей и понятий]; словарь-тезаурус литературоведческих терминов Н. Ю. Русовой [Русова], словарь-хрестоматия по теоретической поэтике, составленный Н. Д. Тamarченко [Теоретическая поэтика: понятия и определения], тезаурус по поэтологии И. А. Пильщикова и др. [Бойков и др.], [Бойков, Пильщиков], в которых описан базовый лексикон научного языка, позволяющий судить о содержательности и своеобразии того или иного исследовательского направления, научной школы или творческой индивидуальности писателя и ученого.

Сам тезаурусный подход в гуманитарных науках, в том числе и в литературоведении, начал формироваться в конце XX в. как ответ на системный кризис методологии (см. об этом: [Луков Вал., Луков Вл., 2004, 2006], [Захаров, Луков] и сегодня выступает как «новая парадигма гуманитарного знания» [Костина: 17], что подтверждается целым рядом фундаментальных исследований, проведенных, в частности, под руководством Вал. А. и Вл. А. Луковых и других ученых [Тезаурусный анализ мировой культуры]. Реализуя тезаурусный подход, они выявили ряд опорных концептов и констант в русской культуре [Луков Вл.], [Степанов].

Тезаурусный анализ является сегодня одним из перспективных направлений и этнопоэтики [Захаров, 2020: 12], которая в своих основных аксиологических и тематических координатах должна совпадать с аксиологией и терминологией своего описания [Есаулов, 1994b: 382]. Применительно к истории русской литературы в современном тезаурусном подходе, предполагающем целенаправленную теоретическую и методологическую рефлексию, результат которой связан с составлением терминологического тезауруса, можно выделить несколько направлений.

Первое из них связано с анализом этно-конфессиональных особенностей литературного процесса в России и места творчества Достоевского в нем (см.: [Захаров, 1994b, 2001], [Есаулов, 1994a]). Показательны, например, в этом плане статьи в журнале «Проблемы исторической поэтики», в котором с 1990

по 2021 г. было опубликовано 700 статей, в 333 из них хотя бы один раз упомянут Достоевский. В 156 статьях он фигурирует как ключевой писатель, в пять раз опережая даже А. С. Пушкина¹. В серии же сборников «Христианство и русская литература» (1994–2012) из более чем ста статей только десять посвящены автору «великого пятикнижия». Причем стереотипно в центре внимания находятся большие романы и «Дневник Писателя». Статистика подтверждает эту тенденцию. Налицо необходимость расширения исследовательского поля изучения и остальных текстов Достоевского.

В рамках второго направления исследуется эволюция разных художественных форм в произведениях русской литературы в их связях с христианским преданием, порой сохраняющим следы двоеверия, выявляются соответствующие сквозные лейтмотивы, например, эмблематический образ Георгия Победоносца, смиренного великомученика и грозного воина, значимость которого раскрывается в ряде произведений от русского фольклора и «Слова о полку Игореве» до прозы Бориса Пастернака [Сендерович].

Аналогично в книге Ю. Н. Мармеладова своего рода «тайный код Достоевского» расшифровывается через образ Ильи-пророка [Мармеладов], однако некоторые наблюдения автора выглядят интерпретационными фантазиями («поручик Илья Порох в романе “Преступление и Наказание” — это символический Илья-пророк, повелитель грома и молний» [Мармеладов: 20]). В других исследованиях о Достоевском как существенные атрибуты его поэтики рассматриваются христианский календарь [Захаров, 1994с, 2012], [Серопян], связь с Евангелием [Дудкин], [Тарасов], а также эволюция жанра, фабулы, сюжета, мотива, образа, хронотопа, стиля, тропов и т. п., предопределенная христианской традицией [Захаров, 1994а, 2011], [Есаулов, 1998] и др.

Накопленный опыт позволяет произвести полномасштабную экспликацию тезауруса евангельского текста, функционирующего в исследованиях о писателе, дать актуальное описание ключевых понятий и терминов, используемых в достоевковедении, провести их сопоставительный анализ, что необходимо для новой систематизации теоретического, литературоведческого знания о Достоевском, определенной «ревизии» его категориального аппарата на соответствие предмету исследования. Имеется в виду адекватность терминологической матрицы изучаемому тексту, в данном случае, евангельскому.

Структура и содержание тезауруса евангельского текста Достоевского в первую очередь определены на основе предшествующего терминологического «словника» исторической поэтики, задачи которой академик А. Н. Веселовский в свое время связал с «определением роли и границ предания в процессе личного творчества» [Веселовский: 300]. Это представление

¹ Архивы статей собраны и подсчеты произведены Д. Д. Бучневой (ПетрГУ) в рамках работы по гранту РФФИ (№ 22-28-00833).

конкретизировано как православная традиция в отечественной культуре и литературе, предполагающая изучение конфессиональных аспектов и соответствующую терминологию: «Христианское значение русской литературы изучали и изучают в категориях *философии* (идеал, идея, логос, дух, душа, человек, любовь, добро, зло, жизнь, смерть, бессмертие, совесть, утопия), *богословия* (Священное Писание и Предание, закон, благодать, христология, эсхатология, кенозис, апокатастасис, житие, сказание, легенда, апокриф, страдание, смирение, молитва, грех, искушение, соблазн, исповедь, покаяние, спасение, храм, икона, церковный календарь, исихазм, юродство, паломничество), *эстетики* (миф, мимесис, катарсис, прекрасное, красота, образ, реализм, этнопоэтика), *поэтики* (текст, контекст, подтекст, интертекст, тема, проблема, характер, герой, архетип, символ, цитата, реминисценция, парафраза, мотив, сюжет, жанр) [Захаров, 2005: 11]. Новый исследовательский тезаурус сегодня дополнен категориями *соборности*, *пасхальности*, *христоцентризма*, *умиления*, «*культурного бессознательного*» [Есаулов, 1994b] и целым рядом других интердисциплинарных, религиозно-философских и культурологических определений (см. об этом: [Борисова]).

В нынешнем виде терминологический словарь «евангельского текста» включает в себя группы базовых терминов и понятий, которые, относясь к сферам общей (теоретической), исторической поэтики и этнопоэтики, богословия и философии, все больше используются во взаимном сопряжении [Захаров, 2020]. Это один из итогов имманентного развития российского литературоведения, с которым связана актуальная проблема взаимодействия разных дискурсов, прежде всего филологического и религиозно-философского. Их тезаурусный анализ отражает современное состояние метаязыка достоевсковедения, а также те методологические и теоретические трудности, с которыми столкнулись современные интерпретаторы произведений писателя.

Так, в ряде работ развивается богословское [Касаткина, 2021] или философское изучение Достоевского [Гачева], продолжается анализ функций и способов творческой трансформации «христианского предания» в текстах русской словесности. Принципы его изучения оформились в ходе целого ряда научных дискуссий по поводу новой концепции русской литературы, ее методологии и терминологии (см. обзоры работ по этой тематике: [Бухаркин], [Дмитриев], [Пантин], [Золотухина], [Моторин, 2017], [Борисова, Шаулов]).

Во-первых, это спор С. Г. Бочарова [Бочаров] с В. Непомнящим [Непомнящий] и Т. А. Касаткиной [Касаткина, 2001], во-вторых — полемика между М. М. Дунаевым, который как богослов оценивал произведения русской литературы с точки зрения ортодоксального православия [Дунаев], и И. А. Есауловым, отвергающим само понятие «религиозная филология». С его точки зрения, выяснять степень религиозности не дело филологии. Для того чтобы увидеть православные смыслы произведений русской литературы,

требуются, по его мнению, новые категории литературоведческого анализа [Есаулов, 2008]. В-третьих, это столкновение позиций В. М. Лурье [Лурье], А. М. Любомудрова, предложившего дополнить существующий спектр понятий этнопоэтики категорией церковности [Любомудров, 2001, 2002], и В. Н. Захарова [Захаров, 2005].

Думается, в большой степени причина расхождений в данном случае обусловлена разным пониманием основных терминов, категорий, понятий, которые подчас выступают как научные метафоры. Тем не менее продуктивность состоявшихся дискуссий состоит в том, что они обнажили принципиальную разницу методологических подходов: с одной стороны, это стремление рассматривать произведения Достоевского как тексты, транслирующие учение Отцов Церкви и догматы христианства, и соответственно говорить о них на языке богословия. Но это не филологический подход. Его издержки в современном литературоведении очевидны.

Так, Р. Р. Измайлов, выделяя «богословский текст» в русской литературе, определяет его «как поэтическую экзегезу, то есть поэтическое толкование Священного Писания и интерпретацию богословских» тем, которые непосредственно связаны с христианской онтологией, антропологией, аксиологией, сотериологией, эсхатологией и, в свою очередь, укоренены в Священном Писании и Священном предании [Измайлов: 94]. Отсюда делается вывод о том, что «творчество подлинного поэта так или иначе проникнуто богословской интенцией» [Измайлов: 94]. Чем же тогда поэт отличается от богослова, а художественная литература от богословия? Думается, здесь налицо механическое наложение богословской терминологии на художественный текст, ее неадекватное использование, непонимание того, как она соотносится с собственно филологическими, литературоведческими задачами, категориями и понятиями.

С другой стороны, утвердилась иная, более продуктивная тенденция, в русле которой православная традиция в русской словесности не сводится только к идеологии и догматике. Соответственно в современных исследованиях анализируется многогранное взаимодействие текста художественного и текста евангельского, особенно в творчестве Достоевского, который «органически соединил религиозное и художественное» [Захаров, 2005: 15].

Думается, вслед за писателем к подобному, уже методологическому, сопряжению следует сегодня стремиться и исследователям его творчества. Достойные подтверждения есть: так, само название статьи В. Н. Степченко «Художественная теодицея в романе Ф. М. Достоевского “Братья Карамазовы”» [Степченко], как и ее основные положения, свидетельствуют о достигнутом балансе в использовании филологической и богословской терминологии: защита Бога и бунт против него у Достоевского представлены художественно — через образы Зосимы, Алеши, Ивана; в свою очередь глубинное понимание теодицеи раскрывается через картину мира, воссозданную писателем [Степченко: 109].

Одним из показательных примеров в этом плане является работа Н. В. Захарова «Православный тезаурус русской классической литературы», в которой на конкретных примерах, в том числе из произведений Достоевского, показывается, как на протяжении последних десяти веков в русской литературе осуществлялась символическая интерпретация христианских мотивов и образов, сюжетов и жанров, а также христианского календаря и говорящих имен героев [Захаров Н. В., 2007: 7].

Другим образцом продуманной внутренней систематизации терминологического тезауруса выступают теоретические и историко-литературные работы И. А. Есаулова, в которых, например, категории мимесиса, парафрасиса и катарсиса представлены как единый комплекс ключевых понятий в их взаимообусловленности и адекватном аксиологическом соответствии христианской традиции.

Исходя из идеи «актуализации “более высокого смысла” греческой по происхождению терминологии, который был еще недоступным для самой античной культуры, но проявился в культуре иного типа — *христианской*» [Есаулов, 2021а: 94], ученый выделил по сути метонимически взаимосвязанную триаду важнейших, на его взгляд, категорий поэтики: катарсис (очищение), мимесис (подражание, воспроизведение) и парафрасис, или парафраз, парафраза (перевод). «Парафрасис — это мимесис по отношению к предмету подражания с целью достижения катарсиса у читателя. Мимесис — это парафрастическое изображение предмета художества, при котором возникает катарсис. Катарсис же — это особое состояние читателя, когда он воспринимает парафрастический текст как воплощение авторского мимесиса. Иными словами, если мимесис — это сама писательская деятельность, которая относится к сфере автора, а парафрасис — результат писательской деятельности, ее текстуальный продукт, то катарсис — итог рецепции, относящийся уже к сфере читателя» [Есаулов, 2021а: 95]. Данные эстетические и поэтологические категории И. А. Есаулов использует при анализе и интерпретации евангельского текста в произведениях русских писателей, в том числе Пушкина и Достоевского, вводя их в христианский контекст понимания [Есаулов, 2021а, 2021б]. На наш взгляд, это убедительная демонстрация осознанного сопряжения филологических и религиозных понятий в рамках тезауруса евангельского текста.

И хотя любой тезаурус неполон и фрагментарен по сравнению с действительным содержанием предмета исследования, его целостность обеспечивается в данном случае единством евангельского текста Достоевского. Если рассматривать его терминологический тезаурус как непротиворечивую систему, то в ней очевидны внутренние связи и взаимообусловленность основных категорий, сходных генетически, исторически и типологически, подобно соотношению понятий «литература» и «словесность», обусловленному как разницей между литерой и Словом, так и связью между «буквой» и «духом» [Захаров, 1991, 2016], [Моторин, 2008].

В создании терминологического тезауруса в последнее время весьма активно используется инструментарий машинного анализа. В этом плане выделяются работы Б. В. Орехова [Орехов, 2015, 2016, 2017, 2018], в которых, в частности, раскрываются возможности создания тезауруса на основе цифровой обработки максимально полного корпуса текстов, что позволяет выстроить сетевую модель исследовательского терминологического словника и на этой основе описать его ключевые концепты, выявить их обрастание важными определениями, раскрывающими особенности узуально-го и контекстуального словоупотребления.

Результаты машинного анализа показывают, например, что термин «поэтика» в исследованиях «евангельского текста» Достоевского является приоритетно связующим для остальных понятий. Выделяются и многочисленные совместные словоупотребления («система жанр», «жанр достоевский», «предопределенные традицией исторической поэтики [Захаров, 1985]).

При сетевой визуализации видно, в каком понятийном сопряжении «работают» ключевые термины из разных дискурсов, как они распределяются по определенным кластерам (группам терминов, часто встречающихся совместно). В одном кластере могут быть термины из разных дискурсов. Это важный показатель того, как сопрягаются термины, насколько целостен в данном случае метаязык исследований евангельского текста, т. е. терминологический тезаурус выполняет в данном случае диагностирующую и прогнозирующую роль.

В качестве исходных данных нами преимущественно использовался корпус научных текстов, опубликованных в журнале «Проблемы исторической поэтики» с 1990 по 2021 г. (всего 333 статьи с упоминанием имени писателя, количество словоупотреблений 1,4 миллиона). Кроме того, к исходному материалу отнесены сборники [Христианство и русская литература], [Русская литература XIX века и христианство], [Евангелие Ф. М. Достоевского] и др.

Представленный в них терминологический словник достаточно показателен для евангельского текста Достоевского и русской классической литературы в целом. На основе этих работ был подготовлен словник, в котором выделены наиболее частотные термины, относящиеся к тому или иному дискурсу². Так, проведенный анализ отсортированных по частоте употребления биграмм (парных терминов) позволил, например, выявить в исследованиях евангельского текста Достоевского репрезентативные терминологические словосочетания, закрепленные как литературоведческой, так и религиозно-философской традицией. В дискурсе общей поэтики это: русский литература — 1470 словоупотреблений, главный герой — 256,

² Автоматической обработкой текстов, составлением словников, построением графов, оформлением сайта в рамках проекта РНФ (№ 22-28-00833) занималась А. В. Панасюк (НИУ ВШЭ).

русский словесность — 233, художественный мир — 159, поэтика Достоевский — 119, древнерусский литература — 100; в философском и других дискурсах: русский культура — 322, русский народ — 226, русский человек — 204; в дискурсе исторической поэтики и этнопоэтики: евангельский текст — 301, христианский традиция — 147, святочный рассказ — 134; христианский реализм — 94; в дискурсе богословия: блудный сын — 156, Иисус Христос — 130, Священное Писание — 119 (богословие) и др. В итоговую версию словника вошло 667 терминов, с которыми можно ознакомиться в репозитории нашего проекта³.

Визуальный анализ совместной встречаемости терминов, например, на расстояниях 3 и 5 словоупотреблений друг от друга не меньше 50 раз, показывает, в какие кластеры они входят: это, во-первых, центральный кластер, преимущественно ориентированный на тезаурус общей поэтики. Именно в нем проявляется тенденция к совместному словоупотреблению категорий этнопоэтики, богословия и философии: так, понятия «роман» (как и другие наименования литературных жанров и сама категория жанра), «герой», «образ», «слово», отличающиеся максимальным количеством связей с другими терминами, являются узловыми для соединения с богословскими категориями «Бог», «вера», «Христос», «душа», «воскресение», также имеющими большую степень посредничества.

Дополнительно в описываемой сетевой модели выделяется кластер, который полностью состоит из терминов-биграмм исторической поэтики («цитата реминисценция», «реминисценция мотив», «мотив сюжет», «сюжет жанр»). В корпусе текстов они встречаются наиболее часто и поэтому выделяются в отдельную компоненту. По отдельности термины «сюжет», «мотив» входят в кластер общей поэтики, который через бигramму «русская литература» связывается с основными категориями этнопоэтики «соборность», «евангельский текст», «христианство».

В целом очевидно, что наиболее органично взаимодействуют между собой термины общей поэтики, исторической поэтики и этнопоэтики, что свидетельствует о значительном потенциале сопряжения понятий из данных дискурсов. Именно в них выделяются ключевые по своей функциональной роли термины. Так, слово «русский» коррелирует с терминами этнопоэтики, исторической и общей поэтики и богословия. Не менее активно функционирует в этом плане термин «слово», соединяющий кластеры богословия и общей поэтики. Однако наряду с этим данные машинного анализа тезауруса евангельского текста Достоевского свидетельствуют о том, что ряд важных терминов из дискурсов богословия и этнопоэтики (закон, благодать, пасхальность и др.) остается все же на периферии сети.

Высокую степень связности между собой имеют следующие парные понятия: «смерть» / «воскресение»; «образ» / «символ»; «Бог» / «вера»; «Христос» / «истина», коррелирующие с терминами общей поэтики (роман,

³ См.: URL: <https://thesaurus-dostoevsky.github.io/slovniki>

творчество, проблема, герой, автор, русский, слово, русский литература, художественный), также имеющими большие значения степени посредничества и, соответственно, большой потенциал сопряжения с другими дискурсами в силу своей универсальности. Эта тенденция к интердискурсивности показательна для всех графовых моделей терминологического тезауруса. С их интерактивными версиями можно ознакомиться на сайте проекта⁴.

Безусловно, терминологический тезаурус евангельского текста Достоевского предполагает дальнейшую категоризацию ключевых понятий на соответствующих типологических основаниях, но в любом случае «машинный анализ» и «человеческая интерпретация» его функционирования как научного фундамента и важнейшего условия ценностного понимания наследия писателя необходимы для дальнейшего развития современной концепции русской литературы, ее нового прочтения.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320 с.
2. Бахтинский тезаурус: материалы и исследования: сб. ст. / под ред. Н. Д. Тамарченко, С. Н. Бройтмана, А. Садецкого. М.: РГГУ, 1997. 183 с.
3. Бойков В. Н., Захаров В. Е., Пильщиков И. А., Сысоев Т. М. Тезаурус как инструмент поэтологии // Моделирование и анализ информационных систем. 2010. Т. 17. № 1. С. 5–24.
4. Бойков В. Н., Пильщиков И. А. Семантическая модель «тезауруса по поэтологии» в составе информационно-аналитической системы // Интернет и современное общество: сб. науч. ст.: труды XVI Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. 2013. С. 273–279.
5. Борисова В. В. Евангельский текст в творчестве Ф. М. Достоевского: проблемы и перспективы изучения // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 186–208 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604078344.pdf (10.01.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8582
6. Борисова В. В., Шаулов С. С. Достоевский на рубеже XX–XXI веков: антиномии интерпретации // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 5–47 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607459890.pdf (10.01.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5021
7. Бочаров С. Г. О религиозной филологии // Сюжеты русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 585–600.
8. Бухаркин П. Е. Православная Церковь и светская литература в новое время: основные аспекты проблемы // Христианство и русская литература: сб. ст. / Институт рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН; сб. 2 / отв. ред. В. А. Котельников. СПб.: Наука, 1996. С. 32–60.
9. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.
10. Гачева А. Г. Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. 700 с. (Сер. «Русская литература и философия: пути взаимодействия»; вып. 5.)

⁴ См.: URL: <https://thesaurus-dostoevsky.github.io/graphs>

11. Дмитриев А. П. Тема «Православие и русская литература» в публикациях последних лет // Русская литература. 1995. № 1. С. 225–269.
12. Дудкин В. В. Достоевский и Евангелие от Иоанна // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. С. 338–348 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2524> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2524
13. Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. М.: Христианская литература, 1996–2000.
14. Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017.
15. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе (к постановке проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 1994. Вып. 3. С. 32–61 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2372> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2372 (a)
16. Есаулов И. А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Проблемы исторической поэтики. 1994. Вып. 3. С. 378–383 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2435> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2435 (b)
17. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. С. 350–362 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526
18. Есаулов И. А. О Сцилле либерального прогрессизма и Харибде догматического начетничества в изучении русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 2008. Вып. 8. С. 607–660 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=3471> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2008.3471
19. Есаулов И. А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262
20. Есаулов И. А. Каменноостровский цикл А. С. Пушкина как пасхальный текст: мимесис, парафрасис, катарсис (статья первая) // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 88–123 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1613722066.pdf (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9002 (a)
21. Есаулов И. А. Каменноостровский цикл А. С. Пушкина как пасхальный текст: мимесис, парафрасис, катарсис (статья вторая) // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 56–80 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620230637.pdf (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9602 (b)
22. Есаулов И. А., Тарасов Б. Н., Сытина Ю. Н. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского. М.: Индрик, 2021. 336 с.
23. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 209 с.
24. Захаров В. Н. Прошлое, настоящее и будущее русской литературы // Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы: межвуз. сб. / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 1991. С. 3–10.
25. Захаров В. Н. Историческая поэтика и ее категории // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. Вып. 2: Художественные и научные категории. С. 3–9 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2355> (30.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1992.2355
26. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1994. Т. 3. С. 249–261 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (30.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2403 (a)

27. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. 1994. Т. 3. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370 (b)
28. Захаров В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. С. 37–49. (с)
29. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1998. Т. 5. С. 5–30 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472>. (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472
30. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. Т. 6. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511
31. Захаров В. Н. Ответ по существу // Проблемы исторической поэтики. 2005. Вып. 7. С. 5–16 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2564> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2564
32. Захаров В. Н. «Вечное Евангелие» в художественных хронотопах русской словесности // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 24–37 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (30.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2011.301
33. Захаров В. Н. Символика христианского календаря в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. С. 128–137.
34. Захаров В. Н. Есть ли у нас литература? Концепты «литература» и «словесность» в русской критике // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 7–15 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482396216.pdf (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.4043
35. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382
36. Захаров Н. В. Православный тезаурус русской классической литературы // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. / под ред. Вл. А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. Вып. 10. С. 3–9.
37. Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. 320 с.
38. Захаров Н. В., Луков А. В. Школа тезаурусного анализа // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 231–233.
39. Золотухина О. Ю. Христианство и русская литература — основные научные подходы к проблеме // Сибирское медицинское обозрение. 2008. № 2 (50). С. 108–116.
40. Измайлов Р. Р. Поэзия и богословие: к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. № 3. С. 93–97.
41. Касаткина Т. А. О литературоведении, научности и религиозном мышлении // Литературоведение как проблема. М.: Наследие, 2001. С. 459–465.
42. Касаткина Т. А. Богословие Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 416 с.
43. Костина А. В. Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования. М.: URSS, 2009. 284 с.
44. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 373 с.

45. Луков Вл. А. Основные особенности русской литературы (к характеристике русского тезауруса) // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 14–17.
46. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание, понимание, умение. 2004. № 1. С. 93–100.
47. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Гуманитарное знание: тезаурусный подход // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2006. № 1. С. 69–74.
48. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008. 782 с.
49. Лурье В. М. Догматика «религии любви». Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. СПб., 1996. Сб. 2. С. 290–309.
50. Любомудров А. М. О православии и церковности в художественной литературе // Русская литература. 2001. № 1. С. 107–124.
51. Любомудров А. М. Церковность как критерий культуры // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сб. 4. С. 87–109.
52. Мармеладов Ю. И. Тайный код Достоевского: Илья-пророк в русской литературе. СПб.: Петроградская академия наук и искусств, 1992. 143 с.
53. Моторин А. В. «Словесность» и «литература»: духовные основы русского и западноевропейского отношения к словесному творчеству // Проблемы исторической поэтики. 2008. Т. 8. С. 17–36 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2590> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2008.2590
54. Моторин А. В. Становление православного направления в современном русском литературоведении // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 4. С. 297–306.
55. Непомнящий В. С. О горизонтах познания и глубинах сочувствия. Поэзия, филология, религия. По поводу выступления Сергея Бочарова // Новый мир. 2000. № 10. С. 174–194
56. Орехов Б. В. Моделирование терминологического тезауруса работ Р. Г. Назирова о мифологии и истории фольклорных сюжетов // Назировский архив. 2015. № 2 (8). С. 118–131 [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/nazirov/journal20152.php> (10.03.2022)
57. Орехов Б. В. Гуманитарная терминология как сеть: теория графов о закономерностях научного стиля // Критика и семиотика. 2016. № 2. С. 94–101.
58. Орехов Б. В. Что может рассказать теория графов о терминологической системе О. М. Фрейденаберг? // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 4 (25). С. 89–98 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.rshu.ru/journal/article/view/292> (10.03.2022). DOI: 10.28995/2686-7249-2017-4-89-98
59. Орехов Б. В. В сети терминов М. М. Бахтина: теория графов о диалоге, карнавале и хронотопе // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2018. № 1. С. 105–115.
60. Пантин В. О. Светская литература с позиции духовной критики (современные проблемы) // Христианство и русская литература. СПб., 1999. Сб. 3. С. 34–58.
61. Русова Н. Ю. От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М.: Флинта: Наука, 2004. 301 с.
62. Русская литература XIX века и христианство: [сб. ст.] / под общ. ред. В. И. Кулешова. М.: Изд-во МГУ, 1997. 383 с.
63. Сендерович С. Я. Георгий Победоносец в русской культуре: страницы истории. 2-е изд., перераб. М.: Аграф, 2002. 366 с.

64. Серопян А. С. Мотив Великой Субботы в романе «Подросток» // Достоевский и современность: материалы XXIV Международных Старорусских чтений 2009 года. Великий Новгород, 2010. С. 265–275.
65. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
66. Степченкова В. Н. Художественная теодицея в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 107–124 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620230799.pdf (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9242
67. Тарасов Ф. Б. Роль Евангелия в художественном творчестве Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2005. Вып. 7. С. 303–311 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2670> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2670
68. Тезаурус идей и понятий Донецкой филологической школы / сост. А. А. Кораблев. Донецк: ДонНУ, 2012. 331 с.
69. Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2005. Вып. 1; 2014. Вып. 28.
70. Теоретическая поэтика: понятия и определения / автор-сост. Н. Д. Тамарченко. М.: РГГУ, 1999. 446 с.
71. Христианство и русская литература: сб. ст. СПб.: Наука, 1994–2012.

References

1. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [The Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 320 p. (In Russ.)
2. *Bakhtinskiy tezaurus: materialy i issledovaniya: sbornik statey* [The Bakhtinsky Thesaurus: Materials and Research: Collection of Articles]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 1997. 183 p. (In Russ.)
3. Boykov V. N., Zakharov V. E., Pil'shchikov I. A., Sysoev T. M., Thesaurus as a Poetological Tool. In: *Modelirovanie i analiz informatsionnykh sistem* [Modeling and Analysis of Information Systems], 2010, vol. 17, no. 1, pp. 5–24. (In Russ.)
4. Boykov V. N., Pil'shchikov I. A. The Semantic Model of “Thesaurus on Poetology” as Part of the Information-Analytical System. In: *Internet i sovremennoe obshchestvo: sbornik nauchnykh statey: trudy XVI Vserossiyskoy ob'yedinennoy konferentsii «Internet i sovremennoe obshchestvo», Sankt-Peterburg, 9–11 oktyabrya 2013 g* [Internet and Modern Society: Collection of Scientific Articles: Proceedings of the 16th All-Russian Joint Conference “Internet and Modern Society”, St. Petersburg, October 9–11, 2013]. St. Petersburg, ITMO University Publ., 2013, pp. 273–279. (In Russ.)
5. Borisova V. V. The Gospel Text in the Works of F. M. Dostoevsky: Problems and Prospects. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 4, pp. 186–208. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604078344.pdf (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8582 (In Russ.)
6. Borisova V., Shaulov S. Dostoevsky at the Turn of the 21st Century: Antinomies of Interpretation. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 4, pp. 5–47. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607459890.pdf (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5021 (In Russ.)
7. Bocharov S. G. About Religious Philology. In: *Bocharov S. G. Syuzhety russkoy literatury* [Plots of Russian Literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 1999, pp. 585–600. (In Russ.)

8. Bukharkin P. E. The Orthodox Church and Secular Literature in Modern Times: the Main Aspects of the Problem. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, collection 2, pp. 32–60. (In Russ.)
9. Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 405 p. (In Russ.)
10. Gacheva A. G. *Chelovek i istoriya v zerkale russkoy filosofii literatury* [Man and History in the Mirror of Russian Philosophy and Literature]. Moscow, Vodoley Publ., 2021. 700 p. (In Russ.)
11. Dmitriev A. P. Topic “Orthodoxy and Russian Literature” in Publications of Recent Years. In: *Russkaya literatura*, 1995, no. 1, pp. 225–269. (In Russ.)
12. Dudkin V. V. Dostoevsky and the Gospel of John. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1998, vol. 5, pp. 338–348. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2524> (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2524 (In Russ.)
13. Dunaev M. M. *Pravoslaviye i russkaya literatura: v 6 chastyakh* [Orthodoxy and Russian Literature: in 6 Parts] Moscow, Khristianskaya literatura Publ., 1996–2000. (In Russ.)
14. *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 Vols]. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017. (In Russ.)
15. Esaulov I. A. The Category of Sobornost' in Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1994, vol. 3, pp. 32–61. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2372> (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2372 (In Russ.) (a)
16. Esaulov I. A. Axiology of Literary Criticism: Concept Establishment Experience. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1994, vol. 3, pp. 378–383. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2435> (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2435 (In Russ.) (b)
17. Esaulov I. A. Easter Archetype in Fyodor Dostoevsky's Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1998, vol. 5, pp. 350–362. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526 (In Russ.)
18. Esaulov I. A. The Scylla of Liberal Progressivism and the Charybdis of Dogmatism in the Study of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2008, vol. 8, pp. 607–660. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=3471> (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2008.3471 (In Russ.)
19. Esaulov I. A. Paraphrasis and the Establishment of the New Russian Literature (To the Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 2, pp. 30–66. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262 (In Russ.)
20. Esaulov I. A. Kamennooostrovsky Cycle of Alexander Pushkin as Easter Text: Mimesis, Paraphrasis, Catharsis. Article 1. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 1, pp. 88–123. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1613722066.pdf (accessed on March 10, 2022) DOI: 10.15393/j9.art.2021.9002 (In Russ.) (a)
21. Esaulov I. A. Kamennooostrovsky Cycle of Alexander Pushkin as Easter Text: Mimesis, Paraphrasis, Catharsis. Article 2. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 56–80. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620230637.pdf (accessed on March 10, 2022) (In Russ.) (b)
22. Esaulov I. A., Tarasov B. N., Sytina Yu. N. *Analiz, interpretatsii i ponimanie v izuchenii naslediya Dostoevskogo* [Analysis, Interpretation and Understanding in the Study of Dostoevsky's Legacy]. Moscow, Indrik Publ., 2021. 336 p. (In Russ.)

23. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: Tipologiya i poetika* [*Dostoevsky's System of Genres: Typology and Poetics*]. Leningrad, Publishing House of Leningrad State University, 1985. 209 p. (In Russ.)
24. Zakharov V. N. The Past, Present and Future of Russian Literature. In: *Sovremennyye problemy metoda, zhanra i poetiki russkoy literatury* [*Modern Problems of Method, Genre and Poetics of Russian Literature*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1991, pp. 3–10. (In Russ.)
25. Zakharov V. N. Historical Poetics and Its Categories. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 1992, vol. 2, pp. 3–9. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2355> (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1992.2355 (In Russ.)
26. Zakharov V. N. Easter Story as a Russian Literary Genre”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 1994, vol. 3, pp. 249–261. Available at: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3745 (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2403 (In Russ.) (a)
27. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 1994, vol. 3, pp. 5–11. Available at: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3745 (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370 (In Russ.) (b)
28. Zakharov V. N. The Symbolism of Christian Calendar in Fedor Dostoevsky's Works. In: *Novyye aspekty v izuchenii Dostoevskogo* [*New Aspects in Studying of Dostoevsky*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 37–49. (In Russ.) (c)
29. Zakharov V. N. Orthodox Aspects of Russian Literature Ethnopoetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 1998, vol. 5, pp. 5–30. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472 (In Russ.)
30. Zakharov V. N. Christian Realism in Russian Literature (Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2001, vol. 6, pp. 5–20. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511 (In Russ.)
31. Zakharov V. N. Debating Substantial Issues. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2005, vol. 7, pp. 5–16. Available at: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3749 (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2564 (In Russ.)
32. Zakharov V. N. “The Eternal Gospel” in the Artistic Chronotopes of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2011, vol. 9, pp. 24–37. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2011.301 (In Russ.)
33. Zakharov V. N. The Symbolism of Christian Calendar in Dostoevsky's Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty* [*The Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects*]. Moscow, Indrik Publ., 2012, pp. 128–137. (In Russ.)
34. Zakharov V. N. Do We Have Literature? Concepts Literature and Slovesnost' in Russian Criticism. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2016, vol. 14, pp. 7–15. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482396216.pdf (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.4043 (In Russ.)
35. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382 (In Russ.)

36. Zakharov N. V. Orthodox Thesaurus of Russian Classical Literature. In: *Tezaurusnyy analiz mirovoy kul'tury* [Thesaurus Analysis of World Culture]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2007, issue 10, pp. 3–9. (In Russ.)
37. Zakharov N. V. *Shekspirizm russkoy klassicheskoy literatury: tezaurusnyy analiz* [Shakespeareanism of Russian Classical Literature: Thesaurus Analysis]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2008. 320 p. (In Russ.)
38. Zakharov N. V., Lukov A. V. School of Thesaurus Analysis. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2006, no. 1, pp. 231–233. (In Russ.)
39. Zolotukhina O. Y. Christianity and Russian Literature — Basic Scientific Approaches to the Problem. In: *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie* [Siberian Medical Review], 2008, no. 2 (50), pp. 108–116. (In Russ.)
40. Izmaylov R. R. Poetry and Theology: to the Formulation of the Problem. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], 2013, vol. 13, no. 3, pp. 93–97. (In Russ.)
41. Kasatkina T. A. About Literary Criticism, Scientific Character and Religious Thinking. In: *Literaturovedenie kak problema* [Literary Criticism as a Problem]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 459–465. (In Russ.)
42. Kasatkina T. A. *Bogoslovie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Theology]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 416 p. (In Russ.)
43. Kostina A. V. *Teoreticheskie problemy sovremennoy kulturologii: idei, kontseptsii, metody issledovaniya* [Theoretical Problems of Modern Cultural Studies: Ideas, Concepts, Research Methods]. Moscow, URSS: Librokom Publ., 2009. 284 p. (In Russ.)
44. Lihachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [The Poetics of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ. 1967. 373 p. (In Russ.)
45. Lukov Vl. A. The Main Features of Russian Literature (to the Characteristics of the Russian Thesaurus). In: *Tezaurusnyy analiz mirovoy kul'tury* [Thesaurus Analysis of World Culture]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2006, issue 3, pp. 14–17. (In Russ.)
46. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Thesaurus Approach in the Humanities. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2004, no. 1, pp. 93–100. (In Russ.)
47. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Humanitarian Knowledge: Thesaurus Approach. In: *Vestnik Mezhdunarodnoy akademii nauk (Russkaya sektsiya)* [Herald of the International Academy of Science. Russian Section], 2006, no. 1, pp. 69–74. (In Russ.)
48. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. *Tezaurusy: sub'ektnaya organizatsiya gumanitarnogo znaniya* [Thesauri: the Subjective Organization of Humanitarian Knowledge]. Moscow, National Institute of Business Publ., 2008. 782 p. (In Russ.)
49. Lur'e V. M. Dogmatics of the “Religion of Love”. Dogmatic Ideas of the Late Dostoevsky. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. St. Petersburg, 1996, collection 2, pp. 290–309. (In Russ.)
50. Lyubomudrov V. M. On Orthodoxy and Churchness in Fiction. In: *Russkaya literatura*, 2001, no. 1, pp. 107–124. (In Russ.)
51. Lyubomudrov A. M. Churchness as a Cultural Criterion. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. St. Petersburg, 2002, no. 4, pp. 87–109. (In Russ.)
52. Marmeladov Yu. I. *Tayny kod Dostoevskogo: Il'ya-prorok v russkoy literature* [Dostoevsky's Secret Code: Elijah the Prophet in Russian Literature]. St. Petersburg, Peter's Academy of Arts and Sciences Publ., 1992. 143 p. (In Russ.)
53. Motorin A. V. “Philology” and “Literature”: Spiritual Basis of the Russian and Western European Attitude to Literary Work. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of

- Historical Poetics*], 2008, vol. 8, pp. 17–36. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2590> (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2008.2590 (In Russ.)
54. Motorin A. V. The Becoming of Orthodox Method in Contemporary Russian Literary Criticism. In: *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2017, vol. 18, issue 4, pp. 297–306. (In Russ.)
55. Nepomnyashchiy V. S. On the Horizons of Knowledge and the Depths of Sympathy. Poetry, Philology, Religion. Concerning the Speech of Sergei Bocharov. In: *Novyy mir*, 2000, no. 10, pp. 174–194. (In Russ.)
56. Orekhov B. V. Modeling the Terminological Thesaurus of Works by R. G. Nazirov on Mythology and the History of Folklore Plots. In: *Nazirovskiy arkhiv* [Archive of Nazirov], 2015, no. 2 (8), pp. 118–131. Available at: <http://nevmenandr.net/nazirov/journal20152.php> (accessed on March 30, 2022). (In Russ.)
57. Orekhov B. V. Humanitarian Terminology as a Network: Graph Theory About the Regularities of Scientific Style. In: *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 2016, no. 2, pp. 94–101. (In Russ.)
58. Orekhov B. V. What the Graph Theory Can Tell About Terminology of O. M. Freidenberg. In: *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya"* [RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies", Series], 2017, no. 4, pp. 89–98. Available at: <https://history.rsu.ru/jour/article/view/292> (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.28995/2686-7249-2017-4-89-98 (In Russ.)
59. Orekhov B. In the Network of Terms of M. M. Bakhtin: Graph Theory About Dialogue, Carnival and Chronotope. In: *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotope], 2018, no. 1, pp. 105–115. (In Russ.)
60. Pantin V. O. Secular Literature from the Position of Spiritual Criticism (Modern Problems). In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, collection 3, pp. 34–58 (In Russ.)
61. Rusova N. Yu. *Ot allegorii do yamba: terminologicheskii slovar'-tezaurus po literaturovedeniyu* [From Allegory to Iamb: the Terminological Dictionary-Thesaurus for Literary Criticism]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004. 301 p. (In Russ.)
62. *Russkaya literatura XIX veka i khristianstvo* [Russian Literature of the 19th Century and Christianity]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997. 383 p. (In Russ.)
63. Senderovich S. Ya. *Georgiy Pobedonosets v russkoy kul'ture: stranitsy istorii* [George the Victorious in Russian Culture: Pages of History]. Moscow, Agraf Publ., 2002. 366 p. (In Russ.)
64. Seropyan A. S. Motif of Great Saturday in the Novel "The Adolescent". In: *Dostoevskiy i sovremennost': Materialy XXIV Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2009 goda* [Dostoevsky and Modern Age: Proceedings of the 24th International Readings in Old Russian Culture]. Novgorod the Great, 2010, pp. 265–275. (In Russ.)
65. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 982 p. (In Russ.)
66. Stepchenkova V. N. Artistic Theodicy in "The Brothers Karamazov" by F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 107–124. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620230799.pdf (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9242 (In Russ.)
67. Tarasov F. B. The Role of the Gospel in Fyodor Dostoevsky's Writings. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2005, vol. 7, pp. 303–311. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2670> (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2670 (In Russ.)

68. *Tezaurus idey i ponyatiy Donetskoj filologicheskoy shkoly* [*Thesaurus of Ideas and Concepts of the Donetsk Philological School*]. Donetsk, Donetsk National University Publ., 2012. 331 p. (In Russ.)
69. *Tezaurusnyy analiz mirovoy kul'tury* [*Thesaurus Analysis of World Culture*]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2005, issue 1; 2014, issue 28 (In Russ.)
70. *Teoreticheskaya poetika: ponyatiya i opredeleniya* [*Theoretical Poetics: Concepts and Definitions*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1999. 446 p. (In Russ.)
71. *Khristianstvo i russkaya literatura* [*Christianity and Russian Literature*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994–2012. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Борисова Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008); профессор кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет (ул. Остоженка, 38, г. Москва, Российская Федерация, 119034); ведущий научный сотрудник, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Музейный центр «Московский дом Достоевского») (ул. Достоевского, 2, г. Москва, Российская Федерация, 103030), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Шаулов Сергей Сергеевич, кандидат филологических наук, зав. отделом «Дом-музей М. Ю. Лермонтова», Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (ул. Малая Молчановка, 2, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: sschaulov@gmail.com.

Valentina V. Borisova, PhD (Philology), Professor of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabrskoy Revolyutsii 3a, Ufa, 450008, Russian Federation); professor, Moscow State Linguistic University (ul. Ostozhenka 38, Moscow, 119034, Russian Federation); Leading Researcher, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Museum Center “Moscow House of Dostoevsky”, Dostoevsky str., 2, Moscow, Russian Federation, 103030), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Sergey S. Shaulov, PhD (Philology), Head of the House-Museum of M. Yu. Lermontov, Vladimir Dahl Russian State Literary Museum (ul. Malaya Molchanovka 2, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; sschaulov@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 12.04.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.06.2022

Принята к публикации / Accepted 25.06.2022

Дата публикации / Date of publication 08.07.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6081

EDN: LAZKXL

Ф. М. Достоевский в Иране: «тройной» перевод

Х. Сиями Эйдлак¹ ✉, З. Расули²

^{1,2} *Боджнордский университет*

(Северный Хорасан, г. Боджнорд, Исламская Республика Иран)

¹ e-mail: kh.siyami@ub.ac.ir ✉

² e-mail: z.rasouli@ub.ac.ir

Аннотация. Творческое наследие Ф. М. Достоевского всегда вызывало интерес у иранских исследователей и любителей русской словесности. Статья посвящена исследованию влияния Достоевского на становление и развитие персидской словесности. Это влияние нашло свое выражение в таком своеобразном явлении, как «тройной» перевод: перевод романа Достоевского на персидский язык, перевод литературного текста на кинематографический язык, перевод христианского содержания на язык исламской культуры. В статье содержится анализ экранизации картины «Белые ночи», вышедшей на экраны в 2002 г. Автор сценария к фильму — Саид Агиги, автор постановки — выдающийся иранский кинорежиссер Фарзад Мотамен. Художественный фильм является свободной адаптацией романа Достоевского «Белые ночи» к современным персидским пространственным, временным, культурным и религиозным особенностям. Его можно считать единственной успешной экранизацией иранским кинематографом произведений русской классики. Фильм стал результатом творческого диалога переводчика, сценариста и режиссера с автором, взаимодействия и взаимообогащения разных видов искусств, национальных культур и конфессий, литературных, философских и религиозных кодов коммуникации.

Ключевые слова: Достоевский, Иран, русская философия, Фарзад Мотамен, «Белые ночи», русская литература, экранизация, национальный менталитет, мечтатель

Для цитирования: Сиями Эйдлак Х., Расули З. Ф. М. Достоевский в Иране: «тройной» перевод // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 2. С. 137–148. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6081. EDN: LAZKXL

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6081

EDN: LAZKXL

F. M. Dostoevsky in Iran: “Triple” Translation

Khalida Siyami Eidlak¹ ✉, Zahra Rasouli²

^{1,2} *University of Bojnord*

(North Khorasan, Bojnord, Islamic Republic of Iran)

¹ e-mail: kh.siyami@ub.ac.ir ✉

² e-mail: z.rasouli@ub.ac.ir

Abstract. The creative heritage of F. M. Dostoevsky has always aroused interest among Iranian researchers and lovers of Russian literature. The article is devoted to the study of Dostoevsky’s influence on the formation and development of Persian literature. This influence found expression in such a peculiar phenomenon as a triple translation: the translation of Dostoevsky’s novel into Persian, the translation of literary text into cinematic language, and the translation of Christian content into the language of Islamic culture. The article contains an analysis of the film adaptation

of “White Nights,” which was released in 2002. The author of the script for the film is Saeed Aghighi, the author of the production is an outstanding Iranian film director Farzad Motamen. The feature film is a free adaptation of Dostoevsky’s novel “White Nights” to modern Persian spatial, temporal, cultural and religious features. It can be considered the only successful Iranian film adaptation of the works of Russian classics. The film was the result of a creative dialogue of the translator, screenwriter and director with the author, interaction and mutual enrichment of different types of arts, national cultures and confessions, literary, philosophical and religious codes of communication.

Keywords: Dostoevsky, Iran, Farzad Motamen, “White Nights”, Russian literature, film adaptation, national mentality, the dreamer

For citation: Siyami Eidlak Kh., Rasouli Z. F. M. Dostoevsky in Iran: “Triple” Translation. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 137–148. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6081. EDN: LAZKXL (In Russ.)

Известно, что культуры разных народов не существуют изолированно друг от друга — основным двигателем их развития становится постоянное взаимодействие, «диалог культур». Одной из форм данного диалога является художественная литература.

Россию и Иран связывают не только политические, но и культурные отношения, проявляющиеся в виде заимствований культурных кодов, литературных приемов, поэтических образов и мотивов. Все это послужило почвой для формирования и становления русско-иранской компаративистики, а также для появления работ, в которых изучается художественная рецепция иранскими писателями русской литературы, активно переводившейся на язык фарси с 1930-х гг. (см.: [Пулаки, Бейги: 73]).

Русское наследие настолько велико, что невозможно представить развитие мировой культуры, литературы, искусства и философии без него. Произведения русских классиков и ранее оказывали влияние на формирование общественного сознания народа Исламской Республики, а на данный момент они особенно популярны у иранской интеллигенции. Современные иранские писатели в силу своих политических пристрастий большое внимание уделяют произведениям русской литературы, что отразилось на методах и стиле их творчества (см.: [Тахмасеби, Садат Соджуди: 99]).

Среди классиков русской литературы наиболее читаемым и переводимым писателем в Иране является Ф. М. Достоевский. Спектакли и фильмы, поставленные по мотивам произведений Достоевского, вызывают у иранских зрителей и критиков восторженные отклики. Иранские критики называют Достоевского писателем-философом, затрагивающим в своем творчестве социально-политические вопросы, — именно поэтому его произведения относят к философским трудам более, чем труды иных признанных мировых философов.

В Иране научные исследования по творчеству Достоевского связаны с именами таких ученых, как Фатима Риза-Заде¹, Карим Моджтахеди, Морад Фархадпур и др.

Впервые иранский читатель познакомился с произведениями Достоевского в 1944 г. в переводах Захры Ханлари². Переводами произведений Достоевского на персидский язык — как с русского, языка оригинала, так и через языки посредники (английский, немецкий, французский) — занимались такие видные переводчики, как Раби Мошфег Хамадани, Салех Хоссейни, Суруш Хабиби, Эбрахим Юнеси, Рахмат Элахи, Казем Ансари, Мехри Ахи и многие другие³. В общей сложности творческое наследие Достоевского переиздавалось в Иране более 100 раз. И это не случайно: трудам Достоевского, считающегося одним из самых популярных философских писателей в Иране, уделяется серьезное внимание. Творчество Достоевского не только оказало влияние на становление и формирование персидской литературы (достаточно назвать имена таких увлеченных Достоевским писателей, как М. Айюби, С. Хедаят, Х. Гольшири и др.), но и отразилось на формировании современной персидской философии в трудах Х. Дейхими, Д. Мерджуи, М. Рахими, М. Фархадпура, А. Фардида и др.

Известные иранские исследователи в области персидской литературы и философии, Фархад Тамасеби и Марьям Аль-Садат Соджуди, анализируя творческое наследие известного в Иране психолога Саеди в сопоставлении с Достоевским, подчеркивают сходство в стиле и слове двух этих личностей. Влияние философии Достоевского — художника, способного с точностью описать и передать читателю боль, проблемы и душевные конфликты людей обездоленных, — отразилось в работах многих психологов Ирана. Произведения русского писателя обращали на себя внимание и поставленными в них социальными проблемами — такими, например, как бедность народа.

В текстах Достоевского иранцев больше всего привлекает «духовная напряженность» — художественная, философская, религиозная, — свойственная мысли великого русского писателя (см., напр.: [Шарафи, Авани]). Можно утверждать, что они не только расширили представления иранцев о русской литературе, но и обогатили саму духовную жизнь иранского общества (см. об этом: [Яхьяпур: 71]). Это связано с тем, что философия Достоевского, как величайшего писателя всех времен и стран, а также проблемы экономического, политического, социального и культурного характера, поднимаемые писателем в произведениях, дают основание предполагать их типичность и для современного общества Исламской Республики Иран.

¹ См. о ней: [Садеги-Сахлабад, Кравченко, Шульдишова].

² Достоевский Ф. М. Белые ночи / пер. З. Ханлари // Сохан. Тегеран, 1944.

³ См., напр., перечень всех переводов произведений Ф. М. Достоевского на персидский язык до 2008 г.: [Яхьяпур: 71–72].

Современных иранских писателей в творчестве Достоевского волнуют темы религии, веры и неверия, надежды и любви, преступления и наказания, вопросы этики, а также философские рассуждения о бытии или небытии, о смысле жизни...

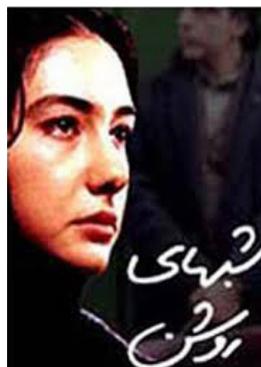
Автор книги о Достоевском «Pust dar barabare pust» (досл.: «Кожа против кожи») Амир Нассри подчеркнул особую значимость произведений русского классика для философии и теологии Ирана: «У нас в стране не были развиты традиции философии в литературе, и потому философская литература не была распространена в Иране». Он добавил, что именно «Достоевский использовал философию в литературе, раскрывая важные философские вопросы в своих произведениях, которые оказали огромное влияние на становление и развитие философского мышления в литературных произведениях Исламской Республики Иран» [Нассри: 195].

Важной темой, привлекающей особое внимание иранских ученых, литераторов, философов и богословов к творчеству Достоевского, является отражение и раскрытие вопросов религии в его произведениях, интерес русского писателя не только к христианской, но и к исламской религии. Феномен данного явления связан с тем, что обе конфессии нацелены на межкультурный диалог, поиски духовных и культурных ценностей. Одной из составляющих христианской и исламской религий является совершенствование личности в духовном плане, и основными источниками этого процесса являются такие чувства, как сострадание, жертвенность, терпение, любовь к ближнему и т. д. Как писала Марьям Мохаббати, «Достоевский — глубоко верующий человек, он считает, что вера в Бога и бессмертие души являются основными смысловыми составляющими жизни человека» [Мохаббати, Ализамани: 196]. Не случайно при поддержке Тегеранского университета, являющегося одним из самых крупных университетов Ирана, в 2006 г. была проведена исследовательская работа на тему «Место Корана в произведениях Достоевского и причины, по которым иранские переводчики обращаются к произведениям писателя».

Иранский исследователь и писатель эпического жанра Бельфис Солеймани в статье «Достоевский — сын вечности» называет классика «не писателем своего времени, а писателем вечности» и пишет далее: «...писатели типа Достоевского появляются раз в столетие, и желание уподобиться им тщетно, потому что этот тип писателей представляет собой чистые и сияющие фантазии и умы, появление которых дает надежду человеку, которую не все способны понять. Такие писатели, как Достоевский, способны проникать вглубь человеческой психики и подводить читателя к мысли, что путь к нашему спасению и возрождению лежит через самопознание» [Солеймани].

В данном исследовании мы проанализируем влияние сентиментального романа «Белые ночи» русского писателя Ф. М. Достоевского на персидскую

философию и кинематографию, уделяя особое внимание художественной постановке «شب های روشن» (досл.: «Белые ночи»), воплощенной в 2002 г. выдающимся иранским режиссером Фарзадом Мотаменом и звездным актерским составом.

Илл. 1 и 2. Кадры из кинофильма «Белые ночи» (реж. Ф. Мотамен, 2002)
 Fig. 1 и 2. Stills from the movie “White Nights” (directed by F. Motamen 2002)

Следует отметить что иранские кинематографисты четырежды обращались в своей деятельности к произведениям Достоевского:

- 1) «افسندۀ شمال» («Легенда севера», 1959) — фильм по роману «Униженные и оскорбленные» на основе сценария Эбрагима Багери;
- 2) «وسوسۀ شیطان» («Искушение дьявола», 1967) — фильм по роману «Братья Карамазовы», сценарий Мохаммада Зарриндаста;
- 3) «شب های روشن» («Белые ночи», 2002) — сценарий Саида Агиги по одноименному роману Достоевского;
- 4) «جنایت» («Преступление», 2003) — фильм по роману «Преступление и наказание», адаптированному для персидского зрителя Мохаммададом Али Саджади.

Первым произведением Достоевского, напечатанном на персидском языке, был роман «Белые ночи» (1944). Он переводился на персидский язык неоднократно: Сорушем Хабиби (2010), Насрином Маджиди (2010), Касемом Кабири (1998), Парвизом Хематианом Боружени (2007) и др.

Всего, согласно нашим подсчетам, по роману Достоевского «Белые ночи», привлекающему своей фабулой и простым сюжетом, насчитывается до 14 экранизаций в разных странах мира: Италия (1957), Испания (1965), Индия (2007), Бразилия (1957), Франция (1971), ФРГ (1965), Греция (1981) и др. В России известны три экранизации этого романа Достоевского: режиссеров

И. Пырьева (1959), Л. Кваханидзе (1992), Т. Воронецкой (2017) — две последние являются вольной интерпретацией. Этот список пополнился картиной выдающегося иранского кинематографиста Фарзада Мотамена «سب های روشن», снятой в 2002 г. на студии «Sourih».

«Экранизация классического произведения всегда предполагает коррективы на национальное самосознание и на культурный опыт режиссера» [Федосеенко: 162]. Сложилось свои традиции и в иранском кинематографе. Его содержанием стала религиозная идеология, основанная на событиях исламской революции, ирано-иракской войны, мученичества, прав женщин и на семейных взаимоотношениях.

Иранская версия фильма «Белые ночи» после выхода на экран стала «культовой». Критики признали, что кинематографистам удалось сохранить оригинальность повествования. Картина считается одной из лучших (если не единственной!) романтических постановок в иранском кинематографе после Исламской революции 1979 г.

Роман Достоевского начинается со стихотворения о любви и одиночестве, автор которого — замечательный русский писатель И. С. Тургенев:

«...Иль был он создан для того,
Чтобы побыть хотя мгновенье.
В соседстве сердца твоего?..».

Как известно, главным героем произведения является благородный, но одинокий мечтатель. Он влюбляется в Настеньку, с которой случайно познакомился в летнюю ночь в Петербурге, спасая девушку от пьяного прохожего, и все последующие события происходят на фоне ночного города. Автор придает этому городу черты главного персонажа своего произведения — черты мечтателя.

Иранские кинематографисты пытались внести изменения в оригинальную историю, описываемую Достоевским, с целью приблизить ее к иранской и восточной культуре. По словам самого режиссера иранской версии «Белых ночей» Фарзада Мотамена, до создания фильма он не видел ни одной кинематографической адаптации романа и после прочтения текста Достоевского в переводе мог бы с легкостью спутать этот роман с произведениями Оноре де Бальзака.

Тем не менее режиссеру Фарзаду Мотамену в кинофильме «Белые ночи» удалось искусно воплотить русскую романтическую историю Достоевского, при этом восхваляя в ней прекраснейшую поэзию Ирана. В фильме звучат стихотворения великих иранских поэтов и философов: Саади Ширази, Абулькасим Фирдоуси, Ахмад Шамлу, Назем Хекмат, Фаррохи Систани и др. Их строки — об одиночестве и безразличии.

Так, иранская кинолента «Белые ночи», события которой разворачиваются на фоне поздней осени, начинается с чтения профессором Тегеранского университета стихотворения о любви «Мое сердце...». Его автор — персидский поэт и мыслитель Фаррохи Систани:

Оригинал

دل من همی داد گفتی گواهی
 که باشد سرا روزی از تو جدایی
 بلی هر چه خواهد رسیدن به مردم
 بر آن دل دهد هر زمانی گواهی

Дословный перевод

Мое сердце постоянно просило, чтоб ты
 был свидетелем
 Того, что когда-нибудь мы расстанемся.
 Конечно, люди, вероятно, могут достичь
 всего,
 И время — свидетель тому.

Профессор персидской литературы читает строки так холодно и бесчувственно, что его голос заглушается разговорами студентов. Главный герой иранской версии «Белых ночей», в отличие от героя романа Достоевского, не является мечтателем. Он одинок. Жизнь профессора Амира проходит однообразно. Он разочарован в жизни и потому проводит ее в изоляции и в размышлениях, читая книги и бродя по улицам ночного Тегерана. Он знает каждый переулок города и каждый дом на улицах Тегерана, с которыми он мысленно беседует во время своих прогулок.

Илл. 3. Главный герой профессор Амир. Кадр из кинофильма «Белые ночи» (реж. Ф. Мотамен, 2002)

Fig. 3. The main character is Professor Amir. A shot from the movie “White Nights” (directed by F. Motamen, 2002)

Иранский режиссер заменил старую нелюдимую служанку Матрёну из романа Достоевского на старушку-мать профессора. Она всего лишь раз появляется в кадре, но из этого кадра мы понимаем, что, даже имея очень близкого человека, профессор все равно одинок. В таком огромном густонаселенном городе, как Тегеран, — городе контрастов, который, в отличие от Петербурга, несмотря на урбанистический характер фильма, остается полностью на заднем плане, — не всегда наличие родственников может спасти от одиночества.

Илл. 4. Кадр из кинофильма «Белые ночи» (реж. Ф. Мотамен, 2002)

Fig. 4. A shot from the movie “White Nights” (directed by F. Motamen, 2002)

Однажды, пробираясь сквозь туман ночного Тегерана, герой фильма помогает незнакомой девушке избавиться от приставаний назойливого водителя. Это послужило началом дружеских отношений между профессором Амиром и Роей. Имя девушки символично. Автор дал героине персидское имя Роя, которое переводится как «мечтания», «фантазии».

Илл. 5. Кадр из кинофильма «Белые ночи» (реж. Ф. Мотамен, 2002)

Fig. 4. A shot from the movie “White Nights” (directed by F. Motamen, 2002)

Роя — девушка из провинции, которая приехала за лучшей жизнью в столицу согласно договоренности, заключенной со своим молодым человеком. На протяжении четырех ночей она ожидала его в обговоренном ими месте. Профессор, понимая всю тяжесть ситуации девушки, оказавшейся в незнакомом мегаполисе, приглашает ее остановиться в его доме. Он провел с ней

четыре ночи в разговорах о сущности любви, которую сам ни разу пока не испытал. Постепенно между ними возникла привязанность. Профессор даже решил жениться на Рое. Но этому не суждено было сбыться. Как только он, казалось бы, становится близок к осуществлению своей «мечты» — «реальность» врывается в его жизнь и забирает его «мечту». Роя уходит с молодым человеком, ради которого она оставила семью, родных и приехала в многомиллионный город — Тегеран. А профессор? А профессор остается один на один со своим чувством и обещает сохранить его до конца жизни.

Илл. 6. Кадр из кинофильма «Белые ночи» (реж. Ф. Мотамен, 2002)

Fig. 6. A shot from the movie “White Nights” (directed by F. Motamen, 2002)

При адаптации литературного произведения одной культуры к другой является важным, чтобы персонажи действовали в соответствии со своими характерами. Иранские кинематографисты старались сохранить и сюжет, и фабулу оригинального романа. Однако иранский сценарист С. Агиги поставил девушку в нетипичные для иранской культуры условия. В романе Достоевского все встречи героев происходят на улицах Петербурга. В иранской версии фильма Роя — целеустремленная девушка, которая четко понимает, чего она хочет от жизни. Оставив родных, она приезжает в многомиллионный город одна и в одиночестве ждет своего молодого человека в безлюдном и опасном переулке. В стране, где действуют законы шариата и люди живут согласно сводам правил исламской религии и заповедям пророка, данное поведение девушки неестественно. Еще более нетипичным является то, что она поселилась в доме мужчины, с которым едва знакома. Это абсолютно противоречит иранской культуре и мусульманской традиции.

Как подчеркивал Фарзад Мотамен, «действительно, Достоевский верно изображает в своих романах смену человеческих настроений, или, говоря

философским языком Ницше, «феноменологию объективной души»⁴. Стихотворение, которое звучит в начале фильма с холодными нотами в голосе чтеца-профессора, проходит красной нитью сквозь весь фильм. Однако в конце картины оно повторяется уже как гимн любви. Так режиссер подчеркивает, что герою достаточно было этих четырех ночей, чтобы понять философию любви. Профессор понимает, что он испытал истинное чувство любви и счастья, любви по Достоевскому — без эгоизма, любви как жертвенности и сострадания.

«Белые ночи» Достоевского в адаптации иранских сценариста Саида Агиги и режиссера Фарзада Мотамена — это история двух ярких людей в городе одиночества. Фильм полон холодных красок и сцен ночного Тегерана в отличие от традиционных фильмов Ирана. Благодаря данному приему кинорежиссер пытался создать атмосферу, не отвлекающую от основного сюжета, построенного в форме диалога.

Названием романа «Белые ночи» Достоевский отсылает нас к так называемому астрономическому явлению, которое происходит в Санкт-Петербурге в начале лета в связи с относительной близостью к северному полюсу. В иранской кинематографической версии режиссер связывает название с тем, что в жизни одинокого профессора это были четыре ночи, наполненные любовью и светом. В финальной части картины происходит катарсис — нравственное очищение, вызванное душевным потрясением. Герой приходит к выводу, что самое главное — это те счастливые мгновения, которые он пережил, и если даже это и не настоящая любовь, то, по крайней мере, он испытал ранее неизвестное ему чувство. Нет сомнения, что фильм с таким берущим за душу сюжетом будет еще долго привлекать внимание иранского зрителя.

В заключение приведем слова современного иранского философа, писателя и критика Белгис Солеймани в адрес Достоевского: «Благословенна Великая Россия, имеющая такого писателя, и благословенны мы, которые при посредничестве переводчиков, имеем счастье читать произведения такого великого писателя»⁵.

Свидетельством творческого успеха экранизации «Белых ночей» является эффект «тройного» перевода: перевод романа Достоевского на персидский язык, перевод литературного текста на кинематографический язык, перевод христианского содержания романа на язык исламской культуры.

⁴ См.: URL: <https://seemorgh.com/culture/literature/literature-papers/416490-%D9%81%D8%A6%D9%88%D8%AF%D9%88%D8%B1-%D8%AF%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%A7%DB%8C%D9%88%D9%81%D8%B3%DA%A9%DB%8C-%D9%88-%D8%B4%D8%AE%D8%B5%DB%8C%D8%AA%E2%80%8C%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D8%A7%D8%B1%D9%88%D8%A7%D8%AD-%DA%AF%D9%88%D9%86%D9%87%E2%80%8C-%D9%88-%D8%B9%D8%AC%DB%8C%D8%A8%D8%B4/> (18.02.2022).

⁵ См.: URL: <http://www.bookcity.org/detail/26683/root/papers> (18.02.2022).

Список литературы

1. Пулаки П., Бейги М. История рецепции русской литературы в Иране // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. № 4. Т. 1. С. 73–80.
2. Садеги-Сахлабад З., Кравченко О. А., Шульдишова А. А. Фатима Риза-Заде (Сайях), исследовательница Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 4. С. 130–146 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1639941506.pdf (18.02.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5721.
3. Федосеенко Н. Г. Белые и не белые ночи: экранизация повести Ф. М. Достоевского и проблемы национального менталитета // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. № 9. С. 162–167 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/16200.htm> (18.02.2022).
4. Яхъяпур М. Достоевский и Иран // Русский язык за рубежом. 2008. № 1. С. 69–72.
5. مریم حبیبی، امیر عباس علیزادگی، رنج، ایران، و معنا از دیدگاه داستایفسکی، فلسفه و کلام، 171–197 فصل 1391. Moхаббати М., Ализамани А. А. Страдания, вера и смысл с точки зрения Достоевского // Философия ислама и теология. 2012. № 1. С. 171–197 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sid.ir/fa/journal/ViewPaper.aspx?id=166914> (18.02.2022).
6. 1400. 303. 303. امیر نصری، پوست در برابر پوست، چشمه تیران کل، چشمه، تهران، 2021. 303 с.
7. 1400. 303. 303. امیر نصری، پوست در برابر پوست، چشمه تیران کل، چشمه، تهران، 2021. 303 с.
8. فرزاد صهباامینی، مریم المصادات سجودی، نگاهی تطبیقی به داستان نویسی فدور 99–83، فصل 14. Тахмасеби Ф., Садат Соджуди М. Сравнительный взгляд на художественную литературу Федора Достоевского и Голам-Хуссейна Саеди // Журнал сравнительного литературоведения. 2010. № 14. С. 83–99 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sid.ir/fa/Journal/ViewPaper.aspx?ID=140866> (18.02.2022).
9. آرین شادقی، شهین اعرانی، بررسی جایگاه مسأله ی شر در آثار داستایفسکی و تحلیل پاسخ های او به این مسأله. Шарафи Ф., Авани Ш. Изучение проблем зла в творчестве Достоевского и анализ его ответов на эту проблему // Религиозные мысли: ежеквартальный журнал. 2018. № 68. С. 85–108 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sid.ir/fa/Journal/ViewPaper.aspx?ID=502223> (18.02.2022).

References

1. Pulaki P., Beigi M. The History of Reception of Russian Literature in Iran. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volga Region University Named After V. N. Tatishchev], 2018, no. 4, vol. 1, pp. 73–80. (In Russ.)
2. Sadeghi Sahlabad Z., Kravchenko O. A., Shuldishova A. A. Fatima Riza-Zade (Sayyah), a Dostoevsky Scholar. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 4, pp. 130–146. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1639941506.pdf (accessed on February 18, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5721 (In Russ.)
3. Fedoseenko N. G. White and Non-White Nights: the Film Adaptation of the Story by F. M. Dostoevsky and the Problems of National Mentality. In: *Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal* [Concept: Scientific and Methodological Electronic Journal], 2016, no. 9,

- pp. 162–167. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/16200.htm> (accessed on February 18, 2022). (In Russ.)
4. Yahyapur M. Dostoevsky and Iran. In: *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2008, no. 1, pp. 69–72. (In Russ.)
 5. Mohabbati M., Alizamani A. A. Suffering, Faith and Meaning from Dostoevsky's Point of View. In: *Philosophy of Islam and Theology*, 2012, no. 1, pp. 171–197. Available at: <https://www.sid.ir/fa/journal/ViewPaper.aspx?id=166914> (accessed on February 18, 2022). (In Persian)
 6. Nasri A. *Skin Against Skin*. Cesme, Tehran, 2021. 303 p. (In Persian)
 7. Soleimani B. *Dostoevsky Is the Son of Eternity*. Available at: <http://www.bookcity.org/detail/26683/root/paper> (accessed on February 18, 2022). (In Persian)
 8. Tahmasebi F., Sadat Sajadi M. A Comparative View of the Fiction of Fyodor Dostoevsky and Gholam-Hossein Saedi. In: *Journal of Comparative Literature*, 2010, no. 14, pp. 83–99. Available at: <https://www.sid.ir/fa/Journal/ViewPaper.aspx?ID=140866> (accessed on February 18, 2022). (In Persian)
 9. Sharafi F., Avani Sh. The Study of the Problems of Evil in Dostoevsky's Work and the Analysis of His Answers to This Problem. In: *Religious Thoughts: A Quarterly Journal*, 2018, no. 68, pp. 85–108. Available at: <https://www.sid.ir/fa/Journal/ViewPaper.aspx?ID=502223> (accessed on February 18, 2022). (In Persian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сиями Эйдлак Халида, кандидат филологических наук, ассистент профессора, кафедры иностранных языков, Боджнордский университет (Северный Хорасан, г. Боджнорд, Исламская Республика Иран, 9453155111); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9466-7428>; e-mail: kh.siyami@ub.ac.ir.

Khalida Siyami Eidlak, PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Foreign Languages, University of Bojnord (North Khorasan, Bojnord, 9453155111, Islamic Republic of Iran); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9466-7428>; e-mail: kh.siyami@ub.ac.ir.

Расули Захра, кандидат по философии Ислама, ассистент профессора, кафедры исламских исследований, Боджнордский университет (Северный Хорасан, г. Боджнорд, Исламская Республика Иран, 9453155111); ORCID: <http://orcid.org/000000024784584x>; e-mail: z.rasouli@ub.ac.ir.

Zahra Rasouli, PhD (Islamic Philosophy), Assistant Professor, Department Islamic Studies, University of Bojnord (North Khorasan, Bojnord, 9453155111, Islamic Republic of Iran); ORCID: <http://orcid.org/000000024784584x>; e-mail: z.rasouli@ub.ac.ir.

Поступила в редакцию / Received 12.05.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.06.2022

Принята к публикации / Accepted 25.06.2022

Дата публикации / Date of publication 08.07.2022

**«Я один из многих учителей русской литературы»:
памяти Роберта Луиса Джексона (1923–2022)**

3 мая ушел из жизни Роберт Луис Джексон, всемирно известный ученый, специалист по русской литературе XIX века, почетный профессор славистики Йельского университета.

Скорбную новость сообщила президент Международного общества Ф. М. Достоевского Кэрол Аполлионио:

«Наш бесценный коллега, соучредитель Международного и Североамериканского обществ Достоевского Роберт Льюис Джексон скончался в понедельник 3 мая у себя дома в городе Гилфорд штата Коннектикут. Ему было 98 лет. Его дочь Кэти была с ним. Роберт был почетным профессором славянских языков и литератур Йельского университета. Как мы все знаем и чувствуем, это огромная потеря для всех нас, для наших Обществ и для нашей научной области».

*Профессор Джексон на Симпозиуме
Международного общества Ф. М. Достоевского (июль 2019)*

*Professor Jackson at the Symposium
of the International F. M. Dostoevsky Society
(July 2019)*

Страстно увлекшись русской культурой и литературой во время Второй мировой войны, получив образование в Корнеллском, Колумбийском и Калифорнийском университетах¹, Роберт Луис Джексон впоследствии стал одним из авторитетнейших американских славистов, исследователем русской литературы, творчества Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова. Именно он вывел емкую формулу бытия человечества: «Без Достоевского и Чехова это был бы другой мир!». Не случайно в доме семьи Роберта Джексона в Гилфорде (штат Коннектикут) есть место, которое называется «русской стеной», потому что она увешана портретами великих писателей XIX века: Достоевского, Толстого, Пушкина, Гоголя, Тургенева. Вместе с этими портретами на стене расположены и фотографии ученых, критиков и философов русской культуры XX века, сделанные самим Робертом Джексоном².

¹ Магистерская диссертация Р. Джексона — «Социологический метод В. Ф. Переверзева» (1949), докторская диссертация — «Подпольный человек Достоевского в русской литературе» (1956).

² См.: URL: <https://provincetownindependent.org/obituaries/2022/05/18/robert-louis-jackson-scholar-of-russian-literature-dies-at-98/>; URL: <https://slavic.yale.edu/news/robert-louis-jackson-1923-2022>

Профессор Джексон у себя дома около «русской стены» с портретами известных русских писателей, философов, деятелей науки

Professor Jackson at home near the "Russian wall" with portraits of famous Russian writers, philosophers, scientists

Его коллеги подтверждают, что профессор Джексон не только изучал творчество величайших русских писателей, но и сам был человеком, следовавшим их заветам о любви к людям, отзывчивости на их горести и о милосердии к их недостаткам.

В 1960-е гг. он был одним из основателей Международного общества Достоевского, в 1971–1977 гг. являлся президентом Североамериканского общества Достоевского, а в 1977–1983 гг. стал президентом Международного общества Достоевского.

С 1988 г. профессор Джексон — основатель и президент Международного Чеховского общества (США) и Ассоциации по изучению творчества Вячеслава Иванова. Член Американской ассоциации славистов и Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков.

По книгам Роберта Джексона учились и учатся студенты многих университетов мира. Его перу принадлежат монографии «Подпольный человек Достоевского в русской литературе» (1958), «Достоевский: поиск формы. Изучение его философии и искусства» (1966), «Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны» (1984), «Диалоги с Достоевским. Послание и вопросы» (1993) и др.

В 1987–1993 гг. профессор выступал с докладами и лекциями в Московском государственном университете. Осенью 1990 г. и весной 2001 г. Р. Джексон по приглашению профессора В. Н. Захарова посетил Петрозаводский университет, где прочитал лекции студентам филологического факультета, передал свои книги Научной библиотеке вуза. Его лекция «Речь Алеши у камня: “целая картина”», прозвучавшая в стенах ПетрГУ в 2001 г., была опубликована в серийном издании «Проблемы исторической поэтики»³.

Страница газеты «Петрозаводский университет» 2001 г. с опубликованным фото проф. В. Н. Захарова и проф. Р. Джексона.

Page of the newspaper "Petrozavodsk University" in 2001 with a published photo of prof. V. N. Zakharov and prof. R. Jackson

³ Джексон Р. Л. Речь Алеши у камня: «целая картина» // Проблемы исторической поэтики. 2005. Вып. 7. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2668>. DOI: 10.15393/j9.art.2005.2668

За выдающиеся заслуги в изучении русской литературы и вклад в развитие сотрудничества российских и американских ученых Роберту Джексону присуждено звание Почетного доктора Московского (1994) и Петрозаводского (2000) университетов.

На церемонии вручения диплома Почетного доктора в ПетрГУ, состоявшейся весной 2001 г., профессор Джексон выступил с торжественной речью, опубликованной в газете «Петрозаводский университет» (2001, 11 мая, № 16). Прощаясь с Робертом Джексоном, редколлегия научного журнала «Неизвестный Достоевский» выражает глубочайшие соболезнования родным и коллегам профессора. Речь профессора Джексона, прозвучавшая в 2001 г. в стенах Петрозаводского университета, актуальна сегодня, как никогда.

Редколлегия и редакция

ОТ СТАРОГО-ВЕЧНОГО К НОВОМУ-НАСТОЯЩЕМУ

Многоуважаемый ректор! Многоуважаемые коллеги!
Дорогие друзья!

От всей души я хочу поблагодарить Петрозаводский государственный университет за присвоение мне степени Почетного доктора. Это для меня высокая честь. Но я бы хотел адресовать эти почести туда, где они более уместны, т. е. русской литературе и русскому языку. Всю мою рабочую жизнь я жил с русским языком и русской литературой, но из-за того, что русский не мой родной язык, я должен был учить его с нуля: осторожно, медленно, как бы ощупывая каждое слово подобно тому, как дитя, с удивлением ощупывает своими пальчиками странные-престранные предметы. В результате я, по крайней мере, имел возможность как бы нечаянно обнаружить для себя природную красоту и загадки языка.

Например, слово «образ» — слово с разными значениями, эстетически-литературными, как, например, характер, тип, но также икона. Образ — это не только ось красоты в русском языке, но и одновременно ось духовной истины в русской литературе. Отсюда вопрос Достоевского: «Может ли мерещиться в образе то, что не имеет образа?». Отсюда стремление к нравственно-духовной истине в величайших произведениях русской литературы.

Я один из многих учителей русской литературы. Все, что мы можем сделать, это как можно яснее понять истинность русской литературы и как можно целостнее передать ее будущему.

Бесспорно одно: мы не можем усвоить новое слово по-настоящему, пока не усвоим старое слово. Ведь великая тайна творчества — это не столько новаторство, сколько второе рождение, т. е. перерождение-вторжение старого-вечного в новое-настоящее-преходящее. «Если

мирское есть новшество, то священное есть освященное веками <...>. Не скажи чего-то нового, а скажи это по-новому», — заметил в V веке теолог Венсан Леренский, один из противников учения блаженного Августина, о предопределении. Дар возрождения — вот в этом-то и состоит тайна знаменитого русского творчества, его всемирного значения, его истины.

«Истина давно обретена и соединила высокую общину духовных умов. Ее спешите себе усвоить, эту старую истину», — писал Гете. «Das alte Wahre — fass es an!» (Старая истина — овладей ею!).

И, в свою очередь, Достоевский устами смешного человека говорил: «Главное — люби других как себя, вот что главное... А между тем ведь это только старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же!».

Еще раз: я глубоко признателен за эту честь. Благодарю вас всех, и профессора Захарова в особенности, за торжественные минуты в честь русской литературы, за предоставление мне и моей супруге Лесли, замечательной художнице, возможности еще раз навестить Петрозаводский университет и встретиться с его студентами и профессорами.

Огромное вам спасибо.

Роберт Льюис Джексон, профессор Йельского университета

В оформлении обложки использован портрет молодого Ф. М. Достоевского.
Худ. К. А. Трутовский. 1847

For the design of the cover page there was used a portrait of Fyodor Dostoevsky
in youth. Artist K. A. Trutovsky. 1847

Редакторы: И. С. Андрианова, М. В. Заваркина, Л. В. Алексеева,
Т. В. Панюкова, Е. Н. Вяль
Компьютерная верстка: Е. Н. Вяль, В. С. Зинкова, М. В. Заваркина
Перевод: Я. И. Соломинская
Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:
185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
пр. Ленина, 33. ПетрГУ

Address of the Editorial Staff:
185910, Russian Federation Petrozavodsk,
33 Lenin Avenue,
Petrozavodsk State University

Tel. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
<http://unknown-dostoevsky.ru>